

СОДЕРЖАНИЕ

Рахель, Двора и Эстер
Бецалель
Царь Давид
Царь Шломо
Пророки
Йегуда Макаби
Гилель
Йоханан бен Закай
Раби Акива
Бар-Кохба
Раби Йегуда Ганаси
Шломо Ибн-Гвироль
Раши
Йегуда Галеви
Ибн-Эзра
Рамбам
Рамбан
Ицхак Абарбанель
Гаари
Израэль Наджара
Луццатто
Гагра и Бешт
Мендельсон
Монтефиоре
Пинскер
Алкалай и Калишер
Эдмонд де Ротшильд
Бен-Йегуда
Герцль и Нордау
Ахад-Гаам
Дизенгоф
Керен Каемет
Усышкин
Соколов
Рав Кук
Бальфур
Мойхер-Сфорим
Шолом-Алейхем
Перец
Антокольский
Бялик
Черниковский
Арлозоров
Масарик
Жаботинский
Сольд
Герцог
Гагана

Пальмах
Уингейт
Анилевич
Сенеш
Вейцман
Бен-Гурион

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Трудно сказать однозначно, что собой представляет книга Рины Неер "Улицы хранят память". То ли это история названий улиц, то ли история Израиля в их названиях, то ли, наконец, увлекательные истории выдающихся людей и событий, вошедших в историю еврейского народа.

Но как бы мы ни определили эту книгу, она все равно остается неповторимой.

И вовсе не потому, что до сих пор не было ей подобных. Напротив, не так давно вышла похожая книга на английском языке. Однако сходство лишь формальное. По сути, точнее, по духу, книга Рины Неер "Улицы хранят память" совсем иная.

Что же делает последнюю столь особенной?

Во-первых, прочитывающаяся в ней личность автора. Доктор исторических наук Рина Неер пишет как влюбленный в свою страну человек, а как историк только следит за точностью приводимых фактов.

Во-вторых, Рина Неер пишет настолько просто и, можно (или нужно?) сказать, тепло, что от книги трудно оторваться даже тем, кто знает все, что в ней написано. Действительно, остается загадкой, каким образом предельная простота книги, нисколько ее не упрощая, придает ей характер задушевной беседы.

И, наконец, последнее по счету, но не по значению. О библейских героях и героинях автор рассказывает, как о живых людях, повествует о героях глубокой древности, как о наших современниках.

Самый яркий тому пример – наша прапраматерь Рахель и рядом с ней – наша поэтесса Рахель. Лишь по биографическим сведениям можно понять, о какой из них идет речь, а в остальном – две обыкновенные и в то же время необыкновенно прекрасные женщины во плоти. Как-то странно, что о них написано одинаковым языком, в одинаковой манере. С другой стороны, что ж тут особенно странного? Раз мы – потомки Рахели, значит, она была, как все женщины. Чтобы подтвердить эти рассуждения примерами, пришлось бы привести здесь всю книгу, – а это явно бессмысленно.

Конечно, книга "Улицы хранят память" имеет прикладное значение. Да так она и была задумана. А получилось, что она – не только ориентирует нас в пространстве, но и вызывает живые чувства, заставляя о многом задуматься.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Знать о людях, именами которых названы улицы городов, означает: знать историю и культуру страны, где ты живешь, знать ее народ. Это относится к любому городу в мире – в том числе и к городам Израиля.

Названия улиц, разумеется, нужны для ориентации, но они еще и знакомят с различными аспектами истории, с выдающимися деятелями еврейского прошлого, со знаменитыми писателями, чье творчество входит составной частью в культуру Израиля.

Можно просто на табличках с названиями улиц указать, кто кем был, как это начинают делать в некоторых городах. Но как раз этого я и хотела избежать, ибо для человека любознательного этого мало. Я решила, наоборот, каждому, чьим именем названа улица, посвятить целые страницы, рассказать о его времени, о его роли в истории, о его деятельности. Всякий раз – это короткий рассказ из нашей истории.

Конечно, названия всех улиц во всех городах Израиля не могли войти в эту книгу. Поэтому

пусть читатель не удивляется, если не найдет многих названий. Я ограничилась примерно шестью десятками имен, выбрав их произвольно, в рамках следующих критериев. Прежде всего, разумеется, значение исторической личности. Но среди многих выдающихся деятелей я иногда опускала тех, чьими именами – по непонятным мне причинам – названы немногие улицы, и наоборот, адресуясь к русскоязычному читателю, отдавала предпочтение тем, кто ему знаком, – даже если их именами улицы нечасто названы.

Мне не хотелось, чтобы книга разбухла, поэтому некоторым личностям я уделила лишь несколько слов или сказала о них в примечаниях. Именной указатель позволит легко найти все упомянутые в книге имена, особенно те, которые не вынесены в заголовки.

Есть, конечно, и пропущенные имена, но это неизбежно, если хочешь сделать книгу такого размера, чтобы ее можно было взять с собой, когда отправляешься знакомиться с городом.

Я сразу же решила придерживаться хронологического порядка – это логично и помогает читателю проследить за ходом нашей истории, познакомится с личностями, о которых рассказано в книге.

Однако невозможно строго соблюсти хронологический порядок, если следовать датам рождения, ибо в рассказе о знаменитом человеке важна не дата рождения, а отрезок истории, когда он сыграл выдающуюся роль. Например, Генриетта Сольд родилась в том же году, что и Герцль, а сыграла видную роль в еврейской жизни, главным образом, после 1920г. Тогда как кульминация деятельности Герцля пришлось на отрезок времени между первым сионистским конгрессом в 1897 году и 1904 годом (годом его преждевременной смерти).

Если за отправную точку, естественно, берется библейский период, то выбор конечной точки делается более или менее произвольно. 1948 год представляется мне решающим моментом в хронологическом плане. Всего несколько выдающихся людей, проживших, как Бен-Гурион, еще много лет после 1948г., включены в эту книгу, поскольку их главная деятельность пришлось на время создания государства Израиль.

Столько замечательных личностей – политиков, литераторов, художников и артистов – было в сороковые-пятидесятые годы, сразу после образования государства Израиль, столько новых улиц названо в их честь, что в невозможно в этой книге описать их деятельность. Голда Меир, лауреаты Нобелевской премии Шай Агнон и Менахем Бегин и многие, многие другие – это еще одна книга. Мне жаль, что я не могла обо всех о них рассказать. Но ничего не поделаешь. Недавняя история все таки знакома больше, и нужно было где-то поставить точку; потому что с каждым годом строятся все новые и новые улицы и не остаются безымянными; и каждый годы уходят из жизни видные деятели...

В Израиле есть правило: никогда не называть улицу именем человека, который еще жив, как бы он ни был знаменит. В каждом городе, в каждом поселке есть комитет по присвоению названий улицам, который должен выбрать одно из предложенных жителями названий. Такие комитеты существовали еще во времена британского мандата, и тогда же было названо большинство улиц в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе. Конечно, с уходом англичан появились новые названия — главным образом, в честь организаций или групп бойцов: например, Пальмах, Гагана и т.п. Я и эти названия привела в книге, поскольку объяснить их – значит оживить ту часть истории, которая связана с воссозданием государства Израиль.

В некоторых городах улицам даны географические названия – Неgev, Галилея и т.д., в честь соседних городов или поселений. Они не вошли в книгу, поскольку не относятся к той области, которой она посвящена.

Начинаем мы очерком о Рахели, нашей прапавтери, жене нашего праотца Яакова, а заканчиваем очерком о Бен-Гурионе. Между этими двумя хронологическими вехами – выстраивается блестящая цепь выдающихся личностей, чьими именами названы улицы, по которым мы ходим каждый день. И когда мы останавливаемся перед красным светом,

подходя или подъезжая к светофору, вспомним тех, чьи имена увековечены в названиях улиц – жили ли эти люди три тысячи лет назад или вчера.

По той или иной причине библейские герои или наши современники, и комментаторы Торы или талантливые писатели – все они заслужили наше уважение, и мы должны знать об их жизни и делах.

РАХЕЛЬ, ДВОРА И ЭСТЕР

Мы начинаем эту книгу с рассказа о трех женщинах библейской эпохи. В Танахе мы встречаем имена многих других женщин, но роль, которую сыграли Рахель, Двора и Эстер в истории нашего народа, отличается особой важностью. Впрочем, и именем Сары, жены Аврагама, и именем Мирьям¹, сестры Моше, насколько нам известно, тоже названы некоторые улицы в израильских городах. Но почему, в отличие от этого, имена Рахель, Дворы и Эстер встречаются в названиях улиц так часто? Видимо потому, что каждая из них стала символом той или иной человеческой судьбы вообще и еврейской в частности.

Красавицу Рахель наш праотец Яков полюбил с первой же встречи у колодца, когда она была еще совсем юной. Эта трогательная сцена произошла, когда Яков, уйдя из родительского дома в Беэр-Шеве, где остался его брат Эйсав, пришел в Харан². Мать Якова Ривка – жена нашего праотца Ицхака – велела ему покинуть дом, чтобы спастись от гнева Эйсав. А прекрасная пастушка Рахель привела напоить своих овец к тому же колодцу, у которого остановился Яков.

Это была любовь с первого взгляда. Но у отца Рахели, дяди Якова, Лавана, была еще старшая дочь, и он хотел, чтобы Яков женился на ней. Якову пришлось проработать 14 лет у своего дяди в Месопотамии, чтобы взять в жены Рахель.

Яков любил Йосефа, своего первого сына от Рахели, больше остальных детей и не скрывал этого. Кончилось тем, что братья возненавидели Йосефа и продали его в рабство. (Кстати, об этом написал замечательную книгу немецкий писатель Томас Манн). Вторым сыном Якова от Рахели был Биньямин. Она родила его около Эфрата (как Тора поясняет, это Бейт-Лехем), когда Яков с семьей возвращался в Беэр-Шеву. Но при родах Рахель умерла.

Место захоронения Рахели в Бейт-Лехеме, которое мы знаем сегодня, засвидетельствовано еще в глубокой древности. В 1840г. Моше Монтефиоре после посещения этих мест пожертвовал деньги на реставрацию могилы. Это место свято как для евреев, так и для мусульман и христиан.

Рахель очень долго не могла иметь детей. Наконец, родился Йосеф. Но родив второго ребенка, она умерла. Таким образом, Рахель символизирует великую радость материнства, которая часто сопряжена с опасностью. Она больше, чем любая другая библейская женщина, прежде всего Мать.

Ее именем названы улицы в Тель-Авиве, Хайфе, Тверии, Реховоте. А во многих других городах Израиля к ее имени прибавлено слово *имен*, то есть "наша прапраматерь". Так называются улицы в Иерусалиме, Ашдоде, Бней-Браке, Гиватаиме и т.д. Потому что Рахель символизирует не только мать, которой рождение ребенка стоило жизни, но и мать до конца сострадающую своим детям и заботящуюся о судьбе их детей.

Такой описывает ее пророк Ирмеягу спустя тысячу лет, когда вавилонский царь Невухаднецар (Навуходоносор) гнал евреев в изгнание по той же дороге, по которой когда-то Рахель и Яков шли в Беэр-Шеву. Когда изгнанники шли мимо Бейт-Лехема-Эфрата и проходили могилу Рахели, они слышали ее плач: Рахель оплакивала судьбу своих потомков. Но тут послышался голос Всевышнего: "Удержи голос твой от рыданий, а глаза твои – от слез... и возвратятся они из земли чужой! Есть надежда на будущее твое... и возвратятся дети в пределы свои!" (Ирмеягу, 31:16-17).

Этот эпизод вдохновляет людей искусства не меньше, чем идиллия у колодца. Тема любви Якова и Рахели привлекла художников – Рафаэля в Италии, Лоррена во Франции (его

картина "Яков и Рахель" находится в Эрмитаже) и др. Плач Рахели и ее голос, возвещающий о надежде, вдохновил многих писателей и композиторов. Так, в 1851г. венгерский поэт Янош Арань написал "Плач Рахели", а в 1910г. русский писатель и драматург Н.А. Крашенинников – пьесу под тем же названием.

В начале нашего века получила всеобщее признание другая Рахель – Рахель Блувштейн (1890-1931) – одна из великих ивритских поэтесс современности. Она хотела, чтобы ее называли только по имени. Чувствуя глубокую душевную связь с Рахелью Танаха, она в одном из своих стихотворений писала: "Ее голос звучит в моем". Рахель Блувштейн родилась в России. Девятнадцатилетней девушкой приехала она в турецкую Палестину. Здесь она выучила иврит настолько быстро и основательно, что писала на нем свои прекрасные стихи. Многие из них положены на музыку – например, очень известное стихотворение "Кинерет".

Именем Рахели Блувштейн названы улицы в Иерусалиме, Петах-Тикве, Ашкелоне, Хайфе, Рамле, Тель-Авиве. К ее имени обычно добавляют слово "поэтесса", чтобы отличить от Рахели – нашей праматери".

* * *

В отличие от Рахели, предназначение пророчицы Дворы и царицы Эстер было совсем иным.

Обе эти сильные женщины смогли защитить свой народ от врага (Двора) или спасти его от уничтожения (Эстер).

Следуя хронологии, сначала расскажем о Дворе. Двора была женщина, вдохновленная Богом – поэтому большинство улиц, которые носят ее имя, названы "Двора-пророчица". Она жила в смутную эпоху Судей в XIIв. до н.э. Евреи сравнительно недавно завоевали Эрец-Израэль (которая перед тем называлась Эрец-Кнаан) под предводительством Йегошуа Бин-Нуна³, и со всех сторон на них нападали соседи, стремясь уничтожить народ, совсем недавно вышедший из многовекового египетского рабства.

Двора принадлежала к тем, кого называют судьями в широком смысле этого слова⁴. Но она и действительно была судьей: в Танахе упоминается: "сидела под пальмой Двора между Рамой и Бейт-Элем... и приходили к ней сыны Израиля на суд". Двора была облечена властью, но не возглавляла армию. На эту должность она назначила полководца Барака – именем которого, кстати, названо много улиц в Израиле⁵.

Царь Хацора, Явин, угрожал коленам Израиля, жившим на севере. Его полководец Сисра славился своей силой. Барак, однако, наголову разгромил его на горе Тавор. Благодаря отважной молодой женщине Яэль победа евреев была окончательной: она убила бежавшего Сисру в своем шатре, когда тот спал.

В Танахе, в пятой главе книги "Шофтим", приводится поэма "Песнь Дворы", которая прославляет эту победу. Это – благодарственный гимн Б-гу, посвященный только что отгремевшим боям.

История Дворы вдохновляла художников и поэтов средневековья. Но и позднее многие композиторы, воодушевленные музыкальностью и поэтичностью "Песни Дворы", посвящали ее героине свои произведения. Самое известное из них – оратория Генделя "Дебора" ("Двора"), написанная в Лондоне в XIII в.

Почти во всех израильских городах улицы названы именем Дворы – властной, сильной женщины, спасшей свой народ (в Тель-Авиве, Иерусалиме, Акко, Петах-Тикве, Беэр-Шеве, Холоне, Бней-Браке, Ашдоде, Рамат-Гане и др.)

* * *

Для древних времен вообще и для времен Танаха в частности Двора – редкий образ: женщина, которая держит в своих руках бразды правления, которую обстоятельства вынуждают действовать решительно, чтобы спасти свой народ от врага. Правда, у царицы Эстер тоже была какая-то власть, но она реализовалась не на поле боя, а в смело

осуществленном ею дворцовом перевороте.

Эстер жила примерно спустя шесть столетий после Дворы в Сузах – столице громадной Персидской империи, которая простиралась тогда от Индии до Эфиопии.

"Книгу Эстер", "Мегилат-Эстер" по традиции читают в праздник Пурим, один из самых популярных еврейских праздников. Случилось так, что Эстер, победив на своего рода конкурсе красоты, стала женой царя Ахашвероша. Была она сиротой, воспитанницей своего двоюродного брата Мордехая⁶, который один отказался падать ниц перед всемогущим царским министром Гаманом – в отличие от остальных подданных, воздававших этому негодяю почти божественные почести. Узнав от Мордехая о замысле Гамана уничтожить евреев, живших во всем Персидском царстве, Эстер три дня молилась и постилась, прежде чем войти к своему царственному мужу, которому она затем разъяснила подлый замысел Гамана. Всю эту историю израильские школьники знают с младших классов: им рассказывают ее перед праздником Пурим (14 адара по еврейскому календарю).

На Пурим принято, чтобы дети надевали маскарадные костюмы, потому что, как рассказывает книга Эстер, "все получилось наоборот": бедная сирота стала царицей, министр Гаман был разжалован и повешен на той самой виселице, которую приготовил для Мордехая, а Мордехай стал вместо него министром.

Эстер была не только красива. Это была тихая, скромная, но энергичная и горячо преданная своему народу и своей религии женщина. Ее образ многие века вдохновлял служителей искусств. Художники итальянского Ренессанса Боттичелли, Мантенья и Тинторетто отразили на своих полотнах те или иные события, связанные с жизнью Эстер. Ее писали Рубенс и Рембрандт, ей посвятил свою ораторию Гендель, а великий французский драматург Расин написал трагедию "Эстер".

Почти во всех городах Израиля – от Иерусалима до Раананы, от Тель-Авива до Ашдода и Ашкелона, от Бней-Брака до Хайфы – есть улицы "Эстер-гамалка" ("Эстер-царица"), иногда – "Гамалка Эстер" ("Царица Эстер"). Названы они в честь героини, близкой сердцам евреев как в Израиле, так и в диаспоре.

Примечания

1. Как мне кажется, именем Мирьям названы улицы только в трех городах: в Нетании, Герцлии и Бней-Браке; Рут, именем которой названа целая книга в Танахе, конечно, тоже заслуживает, чтобы ее именем были названы улицы во многих городах.
2. Харан находился на северо-западе Месопотамии. Там жила семья Ривки, в частности, ее брат Лаван. Ривка ушла из Харана в Страну Кнаан, чтобы выйти замуж за Ицхака.
3. Йегошуа Бин-Нун – преемник Моше, вождь еврейского народа. Он разработал этапы покорения Страны Кнаан. Улицы в его честь называются иногда просто "Йегошуа" (в Бней-Браке, в Хайфе), но чаще всего "Йегошуа Бин-Нун" (Иерусалим, Герцлия, Нетания, Петах-Тиква).
4. Тех, кого называли судьями в широком смысле этого слова, были своего рода вождями еврейского народа. Они не столько судили, сколько руководили и возглавляли войны против захватчиков.
5. В Тель-Авиве, Рамат-Гашароне, Нетании, Хайфе, Холоне, Герцлии, Ришон-Леционе.
6. В Иерусалиме есть улица "Мордехай-гайегуди" (Мордехая-иудея).

БЕЦАЛЕЛЬ

Бецалель – поистине первый человек искусства в тысячелетней истории Израиля. Имя его появляется в Торе в связи с тем, что именно ему было поручено выполнить все художественные работы для построения Мишкана (Храма) в пустыне после исхода Израиля из Египта.

Поручение это исходило от самого Б-га, который приказал Моше обратиться к Бецалелю, сыну Ури из колена Йегуды (Шмот, 31:2). Помощником он должен был взять Оголиава из

колена Дана (именем которого названа улица в Иерусалиме, в квартале Ромема). Все, необходимое для украшения святилища – обработка драгоценных металлов и камней, резка по дереву, художественное ткачество – было выполнено Бецалелем.

Но самая замечательная его работа – это Менора, семисвечник из чистого золота (Шмот, 37:17). От основного ее ствола отходили шесть ветвей, по три с каждой стороны, а вся она была покрыта тончайшей чеканкой.

После разрушения Первого Храма вавилонским царем Навухаднецаром (Навуходоносором) в 586 г. до

н.э. и возвращения евреев из плена Менора была восстановлена по образцу, сделанному Бецалелем, и стояла во Втором Храме. Когда же и он был разрушен римским полководцем Титом в 70 г. н.э., захватчики увезли Менору в Рим. Там она исчезла, но была воспроизведена на барельефе триумфальной арки, возведенной на римском Форуме в честь победы Тита над евреями, и сохранилась поныне.

Менора, описанная в Торе и выполненная Бецалелем, задолго до шестиконечной звезды – "магендавида" – стала символом иудаизма и вообще всего, что связано с еврейством. В Израиле она была декоративным мотивом в синагогах, начиная со II – III веков. Мы видим ее даже на очень древних еврейских могилах в странах рассеяния – в частности, на еврейских могилах в римских катакомбах. Ныне Менора – герб государства Израиль. В начале XX в. имя "Бецалель" обрело значение новое, но, тем не менее, самым тесным образом связанное с первым его носителем, персонажем Торы – первым представителем еврейского искусства.

Особую роль в этом сыграл художник Борис Шац (1867-1932).

В 1906 году Борис Шац покинул Болгарию, где он был придворным скульптором царя Фердинанда, и переселился в Иерусалим. Он мечтал создать в вечном еврейском городе центр, где молодое поколение евреев могло бы обучаться всем видам изящных и прикладных искусств. Вдохновленный Торой, он назвал новую школу именем Бецалееля. Но Шац не хотел ограничиваться только этим: он считал, что Иерусалиму нужен музей. Благодаря финансовой поддержке немецких сионистов рядом со школой был создан музей "Бецалель". Когда в 1964г. в Иерусалиме выстроили государственный "Музей Израиля", с ним объединили и музей "Бецалель", который с тех пор перестал существовать самостоятельно. Однако большое собрание произведений еврейского религиозного искусства в "Музее Израиля" представлена именно как коллекция музея "Бецалель".

Борис Шац был мечтателем. Искусство и природа переплетались в его мечтах весьма утопического характера. Однако из-за того, что человеком он был весьма непрактичным, в итоге всего ему отказали в дальнейшей финансовой поддержке, и сколько он не пытался найти деньги в США, все было тщетно. После его смерти во время этих поисков школа "Бецалель" в Иерусалиме закрылась.

Но уже через год после смерти Б. Шаца в Израиль начинают прибывать еврейские художники, покинувшие гитлеровскую Германию. Благодаря Мордехая Наркису¹ (1898-1957), долгое время сотрудничавшего с Борисом Шацем², в 1935г. открывается "Новая школа Бецалель" и восстанавливается музей "Бецалель".

В Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве есть улицы Бецалееля. А в Иерусалиме неподалеку от того места, где школа и музей "Бецалель" начинали свое существование есть также улица Бориса Шаца и улица Мордехая Наркиса. Первоначально школа "Бецалель" располагалась в ветхом доме, окруженном каменной зубчатой стеной – одной из достопримечательностей города. Школа давно уже переехала из этого здания. Теперь это "Дом художников", где молодые таланты ежегодно выставляют свои произведения.

Ныне в Израиле имя "Бецалель" является символом объединения глубокой древности и самой острой современности, столь характерного для искусства нашей страны.

Примечания

1. Улица имени Наркиса есть в Иерусалиме (около школы "Бецалель").
2. Улица Бориса Шаца есть в Тель-Авиве, рядом с улицей другого художника – польского еврея Маурицы Готлиба (1856-1879). Но, возможно, улица Готлиба названа именем его младшего брата Леопольда Готлиба (1883-1934) – тоже художника, который несколько лет преподавал в школе "Бецалель" в Иерусалиме.

ЦАРЬ ДАВИД

В Танахе царю Давиду посвящено много страниц в двух книгах пророка Шмуэля и в начале первой книги "Млахим". Он – один из тех, кто прожил замечательную жизнь. Чтобы ее себе представить, нужно вернуться на 3000 лет назад. Бейт-Лехем, где родился и провел юность царь Давид, в ту эпоху был маленьким городком во владениях колена Иегуды. Однако уже много веков он был известен тем, что около него была похоронена Рахель, любимая жена праотца Яакова.

Давид родился в скромной семье и был младшим из восьми сыновей. Его отец Ишай, человек известный в Бейт-Лехеме, был прямым потомком Иегуды, сына Яакова, и внуком Рут-моавитянки¹, перешедшей в еврейство при обстоятельствах, о которых подробно рассказано в "Книге Рут". О матери Давида Танах ничего не сообщает.

С малых лет Давид пас отцовское стадо овец в долинах по соседству с Бейт-Лехемом и был, как будто, ничем не приметен. Но с детства он был необычайно красив, а рыжие волосы придавали его красоте особую прелесть (Шмуэль I, 16:12). Кроме того, его отличали редкие способности к музыке – он умел играть на лире и арфе.

Пророк Шмуэль² при особых обстоятельствах помазал его как будущего царя Израиля, несмотря на его молодость и тот факт, что царь Шауль³ был в то время еще на вершине своего могущества. Поэтому помазание Давида долго держалось в секрете. Давиду предстояло завоевать себе престиж каким-нибудь подвигом. Но, говорится в Танахе, "Дух Г-спода проявлялся в Давиде с того дня (когда Шмуэль его помазал) и далее" (Шмуэль I, 16:13).

Первый подвиг Давида в сражении с филистимским гигантом Гольятом приносит ему славу (Шмуэль I, 17). Филистимляне, пришедшие в эти земли несколькими веками раньше из-за моря, обосновались вдоль средиземноморского побережья и непрерывно нападали на евреев. Книга "Шофтим" и первая книга Шмуэля полны рассказов об этих битвах, ни одна из которых не принесла филистимлянам окончательной победы. И тогда они задумали покончить с евреями в единоборстве между представителями обеих сторон. От филистимлян выступил Гольят. Этот дерзкий, гордящийся своим ростом и силой гигант, в доспехах и в бронзовом шлеме вызывал на поединок любого еврея, который осмелится выступить против него.

И против него выступил Давид – хрупкий юноша, без доспехов и оружия, с одной только пастушеской пращой. Все над ним смеялись – даже евреи, которые, однако, трепетали от страха, предвидя несомненное поражение. Но Давид не дрогнул. Какая-то переполнившая его сила подтолкнула со смелостью, похожей на безумие, выступить против Гольята. Гигант и юноша встретились лицом к лицу. Давид, прицелившись Гольяту точно в лоб, в то место, которое не прикрыто шлемом, метнул из пращи камень. Гигант рухнул на землю с пробитым черепом. Тогда Давид выхватил у него меч и убил. Победа Давида над Гольятом стала символом победы слабого над сильным. Всякого рода перипетиями, сражениями и победами отмечена его жизнь, о которой без прикрас рассказывает Танах, говоря о его достоинствах и неприглядных поступках (таких, как роман с замужней женщиной Бат-Шевой). Сам он был женат на Михали, дочери своего предшественника, царя Шауля.

В царствование Давида все двенадцать колен Израиля, которые до того времени часто враждовали между собой, объединились. Этому способствовало очень важное обстоятельство. Давид захватил небольшую крепость, где жили йевусеи, и на ее месте

основал новый город – Иерусалим.

Этот иевусейский городок до завоевания был мало известен и не играл никакой роли в отношениях между коленами Израиля. Следовательно, не могло быть никаких споров о первенстве. Незаурядный политик и великий стратег Давид решает сразу же после завоевания сделать этот город столицей. Произошло это примерно в 1000 год до н.э. Дальнейшая трехтысячелетняя история Иерусалима вплоть до наших дней необычайно захватывающая, но к ней мы вернемся позднее.

Давид был не только незаурядной личностью, но и глубоко верующим человеком, преданным Торе. Псалмы (Тегилим), которые он сочинял, стали молитвами не только евреев, но и христиан. Поэтичность псалмов, их религиозная глубина, красота стиля очаровывают – особенно, когда читаешь их в оригинале. Переводы зачастую бесцветны и очень слабо передают великолепие и вместе с тем строгость ивритского текста.

Давид не ограничился тем, что сделал Иерусалим политической столицей. Он хотел сделать его еще и столицей религиозной. Для этого сначала он перенес в Иерусалим Ковчег Завета, построенный евреями под руководством Моше-рабейну еще в пустыне. Ковчег был перенесен в Иерусалим в очень торжественной обстановке, под звуки музыки. Во главе процессии шел сам Давид, одетый не в царские, а в простые одежды. Он танцевал перед Ковчегом от радости – что, впрочем, вызвало едкие насмешки его жены Михали, чья гордость была уязвлена при виде своего царственного мужа, столь унизившего себя, по ее мнению, перед Б-гом и народом (Шмуэль II, 6: 20-23).

Давид мечтал построить Храм Единому Б-гу, Творцу вселенной – великолепное здание для Ковчега Завета, который поначалу поместили в довольно скромном шатре. Но пророк Натан передал ему от имени Б-га запрет строить Храм. "Дом Святости", Бейт-Гамикдаш (очень приблизительно переводимый словом "Храм") построить суждено не Давиду: он слишком много воевал и слишком много крови пролил. Святылице сможет построить только его сын, который станет символом мира и подтвердит это и своим именем – Шломо (Соломон), от слова "шалом", "мир" – и всей своей жизнью (Диврей гаямим I, 22:6-10).

Давиду посвящено немало произведений искусства разных эпох и поколений. Например – знаменитая скульптура работы Микельанджело, картины Тициана и Рембрандта, отражающие эпизоды из его жизни, оратория "Царь Давид" французского композитора Артюра Онегера и т.д.

Имя Давида носят улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Рамле и других городах. Но еврейская традиция почитает Давида еще и потому, что из его рода придет Машиах, который преобразит наш мир насилия и эгоизма в мир, где не будет войн, и вся земля наполнится любовью к Б-гу и к людям. Завтра или через тысячу лет Машиаха, которого мы ждем, будут звать "Машиах, сын Давида".

Примечания

1. Рут – героиня книги Танаха (которая названа ее именем), почитаема за свою преданность еврейскому народу, а также за то, что она праматерь царя Давида. Во многих городах Израиля улицы носят ее имя.
2. Две книги в Танахе названы его именем. Улицы в Иерусалиме, Бней-Браке, Холоне, Беэр-Шеве, Хайфе, Нетании носят его имя (Шмуэль, или Шмуэль-ганави – пророк Шмуэль).
3. Улицы Шауля есть в Иерусалиме, Тель-Авиве, Петах-Тикве, Кфар-Саве, Беэр-Шеве, Бней-Браке, Хайфе. Шауль был первым израильским царем после эпохи, когда народом правили судьи.

ЦАРЬ ШЛОМО

Сын Давида, царь Шломо был необычайно выдающейся личностью. Ему отведено почетное место в Танахе и в истории еврейского народа.

Три большие книги Танаха написал царь Шломо.

Первая – "Шир гаширим" ("Песнь песней") – поэтический гимн любви. По еврейской традиции эта книга считается поэмой, символически выражающей любовь между Б-гом (женихом) и Израилем (невестой). Действие ее разворачивается на фоне прекрасных пейзажей Страны Израиля, разнообразного растительного и животного мира этой страны (что, между прочим, дало возможность специалистам наиболее достоверно описать фауну и флору той далекой эпохи). Но "Шир гаширим" прежде всего выражает мистический – порыв души человека к его Создателю.

Вторая книга – "Мишлей Шломо" ("Притчи соломоновы") – совершенно иного характера. Это сборник наставлений отца своему сыну (см. 1:1), некоторые из которых стали известными поговорками. Например: "Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей" (Мишлей 1:8). В 31 главе этой книги собраны советы на все случаи повседневной жизни. Читаешь и начинаешь понимать, что человеческая суть осталась такой же, какой была 3000 лет назад...

Третья книга Шломо – "Когелет", "Экклезиаст" – как и две другие, пронизана любовью к Б-гу и страхом пред Ним. Многие меткие высказывания Шломо стали всемирно известными: "Суета сует – все суета", "Ничто не ново под солнцем" и др., а ее автор был и остается символом мудрости.

Известную историю "Суда соломонова" можно прочесть в Танахе (Млахим I, 3:16-28). Шломо был не только мудр, он был человек творческий и преданный Б-гу. Храм в Иерусалиме построил именно он. Для этого требовалась колоссальная рабочая сила и огромное количество необходимого материала, ввозимого из соседних стран. Архитектурный проект Храма схож с архитектурой Мишкана, построенного евреями в пустыне, и техника его построения соответствовала предписаниям Торы: например, не были использованы ни один железный инструмент (которые могли бы напомнить о войне). Шломо, "человек мира" – только он один получил право построить Б-жий Храм.

В том, что Храм Б-гу выстроили в определенном месте, в то время как Ему принадлежит вся вселенная, кроется некий парадокс. Шломо прекрасно отдавал себе отчет в нем и, в частности, упомянул о нем в своей молитве – одной из лучших в Танахе, – обращенной к Б-гу в день освящения Храма (Млахим I, 8:23-54).

Кроме всего, Шломо был незаурядным политиком и замечательным дипломатом. Заключенные им союзы с соседними странами (Египет и Финикия) обеспечивали ему прочный мир. Он установил также торговые связи с дальними странами. Построил большой флот. Из Яффского порта его суда везли из Страны Израиля товары до самого Таршиша¹ и возвращались оттуда с редкостными товарами. Шломо хорошо понимал значение судоходства через Красное море. Он строит порт Эцзон-Гевер (нынешний Эйлат). откуда суда направлялись в Эфиопию и в Индию.

В те времена многоженство считалось обычным явлением, и Шломо заключал браки из дипломатических соображений. Так, одной из его жен была дочь египетского фараона. Позднее его женой стала царица Савская (из Эфиопии). Ее сын от брака со Шломо – Менелик, согласно эфиопской легенде, был родоначальником династии, правившей в Эфиопии. Став взрослым, Менелик поехал в Иерусалим повидаться с отцом. Он вернулся в Эфиопию с группой молодых израильтян – от них, по преданию, ведут свой род эфиопские евреи.

Вступая в подобные браки, Шломо мог умело управлять государством. Однако это имело и свои отрицательные стороны. Число его жен росло, каждая из них была частицей иной, чуждой иудаизму культуры и религии. Это не могло не сказаться и на характере правления царя: его сорокалетнее царствование, долгие годы остававшееся блистательным, заканчивается чередой кризисов.

Сразу же после смерти царя Шломо его царство распалось. Наследник Шломо, его сын Реховам поссорился с Йеровамом, который в свое время был при дворе Шломо

высокопоставленной персоной и выражал недовольство его образом правления. После бурного народного собрания некогда единое могущественное царство Давида и Шломо разделилось на два: на юге – Иудейское, где правил Реховам (а после него – его преемники, которые все были потомками Давида), на севере – Израильское царство во главе с Йеровоамом.

Тем не менее большая площадь в Тель-Авиве носит название "Площадь царей Израиля" – в честь царей обоих царств (как и улицы в Иерусалиме и в других городах).

Несмотря на довольно грустный конец царствования Шломо, он остается воплощением великого и мудрого царя – пусть и не лишённого человеческих слабостей. Его образ вдохновил многих поэтов и художников: так, немецкий поэт XVIII в. Клопшток посвятил ему трагедию в стихах, художник Рубенс написал картину "Суд Соломона", Гендель посвятил ему ораторию, а Гуно – оперу.

Само собой разумеется, что почти во всех городах Израиля есть улицы, названные его именем.

Примечание

1. Сейчас трудно определить, где находился Таршиш. Принято считать, что он располагался в акватории современного Гибралтарского пролива. В иерусалимском районе Гило и в Тель-Авиве есть улица с таким названием.

ПРОРОКИ

Улица Пророков – одна из самых протяженных в Иерусалиме. Не потому ли, что названа она в честь выдающихся представителей еврейского народа, которых было так много и которые были такими разными? – Возможно.

Влияние учения еврейских пророков на дальнейший ход истории народа Израиля, да и на всю мировую культуру трудно переоценить. Оно решающим образом сказалось и на христианской теологии, хотя та и толкует тексты пророков не так, как иудаизм.

Книги пророков отличаются поэтичностью и настолько своеобразны, что иногда понимание их затруднено. А между тем знание этих текстов, являющихся одной из основ еврейской культуры, почти так же важно, как знание Пятикнижия Моше-рабейну. Множество популярных среди еврейского народа песен написаны на слова пророков. Надписи на памятниках, на медалях, и даже на марках зачастую взяты из книг пророков. Названия некоторых государственных учреждений имеют то же происхождение – например, название мемориала "Яд Вашем" взято из книги пророка Йешаягу (56:5). В Танахе книги пророков составляют большой раздел, внутри которого каждая книга названа именем того или иного пророка. Двенадцать из них относительно коротки, а наиболее известные из них – книги Амоса, Ионы и Зхарьи. Улицы многих городов Израиля названы в честь различных пророков. А, например, в Иерусалиме, Тель-Авиве, Рамат-Гане и Холоне в одном квартале сразу по несколько улиц носят их имена¹.

Но самые известные пророки – Йешаягу, Ирмеягу и Йехезкель, чьи книги гораздо значительнее по объему и в структуре Танаха предшествуют книгам названных двенадцати пророков.

Мы не ставим перед собой задачу описания жизни этих трех пророков, поэтому ограничимся несколькими наиболее яркими вехами их удивительной судьбы.

* * *

Пророк Йешаягу, год рождения которого определяется где-то между 740-м и 700-м годами до н. э., был современником известного царя Иудеи – Хизкии. (В Иерусалиме, Герцлие, Ашдоде Тель-Авиве, Хайфе и Беэр-Шеве улицы названы именем этого царя). Йешаягу был принят при дворе и даже часто исполнял обязанности царского советника. Это давало ему возможность быть свидетелем несправедливости и падения нравов, о чем он говорил открыто, не скрывая своего негативного отношения к подобным явлениям. Выходец из аристократической семьи, он, тем не менее, был пламенным защитником бедных и

обездоленных. В своих на редкость страстных речах он призывал к справедливости и милосердию. Впрочем, "милосердие" – слово неточное. То, к чему призывал Йешаягу, на иврите называется "цдака". Это слово трудно перевести точно, но его значение можно определить как милосердие, основанное на справедливости, равенстве между всеми людьми, уважении к ближнему, кем бы он ни был, и на праве каждого человека вести достойную жизнь. Соблюдение справедливости и "цдака" необходимы для спасения Израиля. В первой же главе книги Йешаягу сказано: "Сион правосудием будет искуплен, а возвращающиеся в него – цдакой".

Книга Йешаягу содержит много глубоких мыслей. В ней, в частности, излагается мессианское мировоззрение автора: появится потомок царя Давида, воплотивший в себе справедливость и истину, он установит мир во всем мире. Строфы, выражающие это предвидение всеобщего мира, широко известны: "И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи на плуги, а копья свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться войне" (2:4). Даже животные будут жить в мире: "Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи" (2:6-8).

Блестящий стиль Йешаягу и его пророчества вдохновили многих еврейских и нееврейских художников. Прекрасные статуи Йешаягу занимают почетное место в некоторых соборах Франции, Испании, Германии. Итальянские художники эпохи Возрождения Рафаэль и Микельанджело изобразили его на внутренней стороне купола Сикстинской капеллы. Композиторы переложили на музыку большие тексты из его пророчеств (приведем как пример ораторию Генделя "Мессия"). В Израиле принято его именем называть детей. Имя Йешаягу носят улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Нетании, Ришон-Леционе, Холоне, Бней-Браке, Рамат-Гане и т.д. .

* * *

Пророка Ирмеягу считают автором книги Танаха, которая на иврите называется "Эйха", в переводе - "Плач Иеремии". Ее читают в синагогах Девятого ава – в день разрушения обоих Иерусалимских Храмов². Как и Йешаягу за 150 лет до него, Ирмеягу жил в Иерусалиме, во времена царей Йошиягу и Цидкиягу³. Однако в отличие от Йешаягу к его мнению не прислушивались, более того: он подвергался преследованиям и был даже заключен в тюрьму как бунтовщик. Народ Израиля попирает справедливость и пал так низко, что стал поклоняться идолам. За это, – пророчествовал Ирмеягу, – несчастья падут на него. Есть у Ирмеягу жестокие, гневные слова и о Иерусалиме: "Этот город должен быть наказан; в нем всякое угнетение. Вразумись, Иерусалим, ... чтоб Я не сделал тебя пустынею, землею необитаемою" (6:6-8).

И все же Б-г не оставит свой народ – после наказания и рассеяния среди других народов придут и утешение, и возвращение в страну предков. Стих 16 из главы 31 веками вселял надежду в еврейский народ: "Есть награда за труд твой... и возвратятся сыны в пределы свои". (В наши дни на этот очень известный стих сочинены различные мелодии). Так что Ирмеягу – предсказывал не только беды, но и вселял надежду. Он говорил, что нет такой силы, которая могла бы разрушить союз между народом Израиля и единым Б-гом. Недостойное поведение народа влечет за собой страшные наказания, но Б-жий гнев проходит, а народ Израиля всегда остается любимым детищем:

"И как Я наблюдал за ними, искореняя и сокрушая, и разрушая и погубляя, и повреждая, так буду наблюдать за ними, созидаю и насаждая, – говорит Г-сподь" (31:23).

Ирмеягу не переставал разоблачать опасные измышления лжепророков, которые проповедовали противоположное тому, о чем говорил Ирмеягу, которые успокаивали

народ тщетными иллюзиями. Но напрасно: Ирмеягу никто не слушал. Народ упорствовал в своем недостойном поведении, повсюду царил несправедливость.

Неумолимо надвигалась трагедия. И вот Иерусалим попадает в руки Невухаднецара, царя Вавилона (одноименная столица которого находилась очень близко от современного Багдада). Большая часть народа уведена в изгнание. Царь Иудеи, Цидкиягу, тоже взят в плен. Невухаднецар страшно истязает его: сначала убивает на глазах Цидкиягу его сыновей, потом выкалывает ему глаза и только потом угоняет в Вавилон, где он остается до самой своей смерти.

Что же касается Ирмеягу, то его пощадили. Оставшись в Иерусалиме с другими пережившими бедствие, он стал свидетелем убийства Гедальи, который был назначен правителем Иудеи. Это убийство ознаменовало собой прекращение всякой возможности вести еврейский образ жизни в Иудее, захваченной вавилонянами⁴.

Среди тех немногих, кто остался в Иерусалиме и вблизи него, начинается паника. Они помышляют о бегстве в Египет, чтобы не подвергнуться преследованиям халдеев, и приходят за советом к пророку, который приказывает им остаться. И снова не прислушались к его совету. Ирмеягу силой уводят в Египет, где он и умирает – но мы не знаем, при каких обстоятельствах и где точно. Трагической была жизнь Ирмеягу, однако его призыв к надежде остался в веках. Вопреки всему, вопреки всем несчастьям, разрушениям, потерям. Союз между Б-гом и Его народом сохраняется, и лучшее будущее наступит.

Беспокойный пророк Ирмеягу остался жить в веках. Во время Первой мировой войны Стефан Цвейг написал о нем пьесу пацифистского характера, которую поставили в 1917г. в Швейцарии. Скульптуры, изображающие пророка Ирмеягу, уже с эпохи средневековья украшают некоторые соборы Франции. Прекрасная статуя работы Донателло стоит во Флоренции, на внутренней стороне купола Сикстинской капеллы есть портрет Ирмеягу работы Микельанджело, а Рембрандт изобразил его оплакивающим Иерусалим.

Сегодня именем Ирмеягу названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Ришон-Леционе, Нетании, Холоне, Беэр-Шеве, Бней-Браке, Рамат-Гане и др.

* * *

Пророк Йехезкель был современником Ирмеягу. В первый же налет халдеев, будучи совсем молодым, он был изгнан из Иерусалима и большую часть своей жизни провел в маленьком местечке под названием Тель-Авив⁵ вблизи Вавилона. Там он узнал о захвате Иерусалима вавилонянами и о разрушении Храма. Йехезкель давно предчувствовал это несчастье. В своем послании из далекого Вавилона он очень резко говорит, что Иерусалим будет наказан за преступления его жителей. Устами Йехезкеля Б-г сказал Иерусалиму: "И сделаю тебя пустынею и поруганием среди народов, которые вокруг тебя, перед глазами всякого проходящего мимо" (5:14). Йехезкель призывал народ Израиля раскаяться в совершенных грехах.

Он был блистательным оратором, которого слушали, затаив дыхание, – что, тем не менее, не мешало евреям, угнанным, так же, как и он, в Вавилон, не считаться с его предостережениями (явление, хорошо известное моралистам всех веков).

Книга его чрезвычайно богата образами и мистическими символами. Она начинается с описания грандиозного мистического видения огненной колесницы, символизирующей мироздание. Эту главу читают в синагогах как "Гафтару"⁶ на праздник Шавуот – праздник сам по себе в высшей степени мистический, поскольку он установлен в честь Откровения на Синае и дарования Торы сынам Израиля.

Книга Йехезкеля написана прекрасным языком, ее образы поразительны, а видения необычны. Самое запоминающееся из них – видение об оживлении сухих костей (37:1).

Пророк был приведен Всевышним в долину, полную человеческих костей. Устами пророка Б-г обращается к ним: "Вот Я введу дух в вас, и оживете!" (37:5). И действительно, кости

обрастают плотью, нервами, трупы оживают. "И изрек я пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, – и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище. И сказал Он мне: Сын человеческий! Кости сии – весь дом Израиля. Вот, они говорят: "Иссохли кости наши, и погибла надежда наша: мы оторваны от корня... Посему изреки пророчество и скажи им: Так говорит Г-сподь Б-г: Вот Я открываю могилы ваши и приведу вас; народ Мой, на землю Израиля" (37:10-12).

Утратить всякую надежду и в то же время обрести ее – этот парадокс и есть вся история Израиля вплоть до наших дней. Видение высохших костей, возвращенных к жизни, особенно преследовало людей переживших Катастрофу, которые вернулись на землю Израиля. Глава 37 из книги Йехезкеля каждый год читается в Израиле в День Катастрофы и героизма (27 нисана по еврейскому календарю).

Книга Йехезкеля, как и книги других пророков -существенная часть еврейской культуры.

В средневековье многие христианские художники изображали на миниатюрах и витражах сцены из пророчества Йехезкеля. В XVI веке его образ вдохновил Тинторетто (Венеция) и Микельанджело (Сикстинская капелла в Риме). Композитор Франц Лист в 1879г. написал кантату "Сухие кости" для хора и органа, а немецкий писатель XX века Франц Верфель посвятил Йехезкелю поэму. Это лишь самая малость того, что создано о Йехезкеле в искусстве всех народов за многие, многие годы.

В Израиле его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве, в Беэр-Шеве, Холоне, Хайфе, Бней-Браке, Рамат-Гане, Рамле и т.д.

Примечания

1. Назовем имена этих двенадцати пророков в порядке расположения их книг в Танахе: Гошеа, Йоэль Амос, Овадья, Иона, Миха, Нахум, Хавакук, Цфанья, Хагай, Зхарья, Малахи.
2. Разрушение Первого Храма вавилонянами и Второго Храма римлянами произошло в один и тот же день с интервалом в почти 500 лет.
3. Улица Цидкиягу есть в Иерусалиме и Хайфе, а Йошиягу – в Беэр-Шеве.
4. Убийство Гедалии произошло в Рош-Гашана, и в память о нем установлен пост. Однако, поскольку в праздник поститься запрещено, пост перенесен на следующий день после Рош-Гашана, 3 тишрей.
5. О происхождении названия современного Тель-Авива см. стр. 188-189
6. В субботу и праздничные дни после чтения Торы читают отрывки из книг пророков – такой отрывок и называется "Гафтара".

ЙЕГУДА МАКАБИ *

Йегуда Макаби – одно из самых известных имен в древней истории Израиля. Его имя связано с веселым праздником Ханука, который приходится на начало зимы (с 25 кислева), когда по традиции в каждой еврейской семье, религиозной или нет, восемь дней горят ханукальные огни. Их зажигают не только в домах, но и на крышах общественных зданий, гостиниц, в витринах магазинов и т.д. Все знают, что Ханука – праздник Маккавеев (Макабим), но все ли точно знают, кто они такие и чем знамениты?

Для этого надо вернуться в Иерусалим II в. до н.э., то есть более, чем на две тысячи лет назад. В то время в Иерусалиме и во всей Иудее правили цари из династии Селевкидов. Их империя, образовавшаяся после завоеваний Александра Македонского, простиралась на весь Средний Восток. Ее столицей была Антиохия¹, названная по имени многих селевкидских правителей, которые носили имя Антиох. Они говорили на греческом языке, а их религия основывалась на греческой мифологии. Селевкидские цари, будучи язычниками и идолопоклонниками, тем не менее, по-началу терпимо относились к вероисповеданиям меньшинств, проживающих в их империи. Евреи тоже вначале пользовались полной религиозной и культурной свободой. Многие из них были очарованы расцветом эллинской цивилизации, ее философией, искусством, поэзией. Языческие обычаи греков стали традиционными в некоторых еврейских кругах. Еврейские

имена часто заменялись на греческие – Александр, Ясон, Антигона, Агриппа². Одним словом, шел довольно активный процесс ассимиляции. Распространялся своеобразный эллинизированный иудаизм, которому способствовали прекрасные отношения между евреями и язычниками.

Обстановка резко изменилась с воцарением Антиоха IV. Проявилась религиозная нетерпимость. Антиох IV, прозванный Эпифаном, хотел заставить евреев поклоняться идолам и есть свинину. Он разослал своих эмиссаров с греческими идолами в города Иудеи, чтобы заставить евреев подчиниться новому законодательству и приносить жертвы греческим богам.

Запуганные евреи подчинились приказу царя, и, к его большому удовлетворению, новое законодательство не вызвало вначале никакого сопротивления. Все для Антиоха шло гладко до того момента, когда его эмиссары пришли в городок Модиин.

Модиин существует и по сей день на том же месте. Расположенный в 10 километрах к востоку от Лода, неподалеку от аэропорта Бен-Гуриона. В этом быстро развивающемся городе прекрасно сочетается глубокая древность с современностью.

В Модиине более чем двухтысячелетней давности самого уважаемого человека звали Матитьягу – это был сын первосвященника Йоханана из семьи Хашмонеев. Он категорически отказался подчиниться требованиям Антиоха IV и призвал всех евреев к сопротивлению. Однако, во избежание преследований, один из евреев все же вышел и хотел поклониться идолам. Тогда взбешенный Матитьягу убил и его, и греческого эмиссара.

Восстание, вспыхнувшее в Модиине, постепенно начало распространяться повсеместно. Многие евреи, которые не желали смириться с требованиями царя, присоединяются к повстанцам из Модиина³. Восстание возглавили сам Матитьягу и пять его сыновей.

Лучшим воином из них был Йегуда. Его прозвали "Макаби". Происхождение этого слова не установлено; одно из его значений – "молот": потому что он уничтожал греков, словно молот.

Сражения евреев с Антиохом IV, а потом и с его преемником (Антиох умер вскоре после начала восстания) сначала носили партизанский характер – в горах и гротах Иудеи. Постепенно движение разрослось. Йегуда Макаби возглавляет настоящую армию, и борьба против владычества селевкидов превращается в настоящую освободительную войну. Независимость Израиля быстро стала восприниматься как единственно возможная гарантия от неприемлемых декретов любого монарха. Сохранение религиозной принадлежности, как подтвердили факты, нуждалось в политической самостоятельности. В месяце кислее 165г. до н. э. после тяжелых боев Йегуда Макаби изгоняет последние греческие гарнизоны из Иерусалима. Храм, посвященный единому Б-гу, любое изображение которого запрещено, был очищен от скверны. Праздник освящения (Ханука) восстановленного жертвенника длился восемь дней, и теперь восемь дней Хануки – один из самых популярных праздников в Израиле.

Откуда нам известны подробности подвигов Йегуды и его четырех братьев? Из двух книг, написанных по-гречески почти одновременно, которые представляют собой документальное изложение их подвига⁴. А также из книги (тоже на греческом языке), историка Иосифа Флавия, которую он написал тремя столетиями позже (его ивритским именем – Йосеф Матитьягу – в Иерусалиме названа улица).

Борьба евреев против селевкидского владычества длилась около 25 лет. Во время долгих и тяжелых боев Йегуда и трое его братьев были убиты. Героическая и трагическая жизнь Маккавеев нашла отражение в творчестве выдающихся музыкантов (Гендель – оратория "Йегуда Макаби"), знаменитых художников (Рубенс), граверов (Густав Доре), поэтов и писателей (Лонгфелло в США, посвятивший Маккавеев большую поэму; Карл Боксле в Швейцарии, написавший роман о Йегуде Маккавее).

Отца семьи, поднявшей восстание, его сыновей и их потомков называют чаще всего Хашмонеями (на иврите "Хашмонаим") – наряду с их прозвищем Маккавеи ("Гамакабим"). Так названы улицы в Тель-Авиве, в Нетании, Лоде, Пардес-Хане, Раанане, Кфар-Саве и в других городах. В Иерусалиме и Рамат-Гане есть улицы, которые названы именем отца - Матитьягу – или одного из пяти его сыновей (например, в Акко есть улица Йонатана Гахашманаи, в Иерусалиме – Эльзара Гамакаби).

После всех битв из пяти братьев остался в живых только Шимон – правитель Иудеи, получивший титул *наси*, который стал затем родоначальником царской династии Хашмонаим. В 140 году до н. э. Иудея снова стала независимым царством и оставалась таковой вплоть до завоевания ее римлянами.

Из потомков Шимона двое были особенно любимы и известны: Александр-Янай, внук Шимона Гамакаби, царствовавший в начале 1 в. до н.э. и его жена Шлом-Цион (Александра-Соломея) – преемница Александра-Яная, царствовавшая после его смерти в течение десяти лет. Две улицы в Иерусалиме носят их имена⁵. Рядом расположена улица, названная именем Шимона бен Шатаха, брата царицы – выдающегося мудреца Торы того времени.

Двое сыновей этой коронованной четы яростно оспаривали свое право наследования власти. Не достигнув согласия друг с другом, не отдавая себе отчета к чему это может привести, они обратились к римлянам, чтобы те рассудили их. В результате римляне во главе с полководцем Помпеем без труда завоевали Иудею.

Некоторые потомки Хашмонеев еще царствовали при римлянах, но их власть ограничивалась только внутренними делами. Царь Гордое (Ирод), которого ненавидели за жестокость, был женат на Мирьям, которая происходила из семьи Хашмонеев⁶. Ни одна улица не названа его именем в Израиле. А вот его внука Агриппу, о котором мы уже говорили, наоборот, очень любили во время его недолгого царствования, и его имя носит улица в Иерусалиме.

По мере усиления владычества Рима над Иудеей, слабела династия Хашмонеев, пока не исчезла совсем. Тирания римлян в Иудее привела к восстанию евреев, которое римляне жестоко подавили и разрушили Второй Иерусалимский Храм (70г. н.э.).

Йегуда Макаби остался в памяти еврейского народа героем, который вместе со своими братьями поднял восстание против иноземных завоевателей и успешно руководил им. Он стал символом борьбы за свое право оставаться верным своей религии.

Именем "Макаби" названы не только улицы многих городов Израиля, но и спортивные клубы, и даже пиво.

Примечания

1. Город и сейчас существует в Турции, близ сирийской границы, но свое прежнее значения он, конечно, утратил.
2. Улица Агриппы I в Иерусалиме и в Тель-Авиве носит имя царя, потомка Гордоса (Ирода). При римском владычестве он получил титул царя Иудеи и правил там три года, с 41 по 44 гг. новой эры. В столице – Иерусалиме – и во всей Иудее эти три года были особо счастливыми.
- 3 В Иерусалиме, Рамат-Гане, Бат-Яме, Герцлие, Петах-Тикве, Рамат-Гашароне, Ришон-Леционе и т.д. есть улицы, которые носят название этого города.
4. Всего есть четыре книги Маккавеев, но две последние повествуют совсем о другом. Книги Маккавеев не входят в Танах, а составляют часть библейского канона, принятого христианской церковью.
5. Есть улица Александра-Яная и в Беэр-Шеве, и в Тель-Авиве.
6. В Иерусалиме есть улица ее имени: "Мирьям Гахаш-монаит".

ГИЛЕЛЬ

Выходец из Вавилонии (современный Ирак), Гилель очень молодым отправился в Страну

Израиля (примерно в 50г. до н.э.). Он прославился своим терпением и великодушием. Хотя жил он почти две тысячи лет назад, но хорошо знаком почти каждому еврею и сегодня. Есть учреждения в Израиле и в странах рассеяния, которые названы его именем. Оно очень распространено среди евреев, и им названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве¹, Хайфе, Беэр-Шеве, Герцлии.

О Гилеле очень много написано в Талмуде. Известен рассказ о том, как он прибыл в Иерусалим, одержимый страстным желанием изучать Тору. Но, увы, Гилель был крайне беден. Когда сторож не впустил его в помещение, где шли занятия, он ловко влез на крышу и стал слушать урок через слуховое окошко. Тот день был одним из тех редких дней, когда в Иерусалиме шел снег. Коченея от холода, Гилель прильнул к слуховому окну и закрыл его собой – в комнате сразу стало темно. Ученики забеспокоились и полезли на крышу посмотреть, в чем дело. Там они обнаружили Гилеля – замерзшего, но с горящими от восторга глазами. С тех пор Гилель был допущен к занятиям бесплатно.

Вскоре на него обратили внимание и доверили ведение занятий с учениками, а в дальнейшем он стал одним из самых почитаемых мудрецов своего поколения.

Как мы уже отмечали, Гилель отличался безграничным терпением, в отличие от своего современника, знаменитого учителя Шама². В Талмуде есть очень интересный рассказ об этом. Пришел однажды к Шамаю язычник и сказал: "Я хочу перейти в иудаизм". Шамай вообще не любил принимать таких посетителей и посмотрел на гостя недоверчиво. "Но с одним условием, – добавил посетитель. Я хочу, чтобы ты объяснил мне суть иудаизма за то время, пока я смогу стоять на одной ноге". "Ты надо мной издеваешься" – разгневался Шамай и выставил язычника за дверь.

Тот, не долго думая, отправился к Гилелю. "Учитель, – сказал он, – я хочу перейти в иудаизм". "Прекрасно, сын мой, – улыбнулся Гилель, – входи". "Нет, я хочу, чтобы ты просветил меня ровно за то время, пока я могу стоять на одной ноге". "Прекрасно, – улыбнулся снова Гилель. – Не делай ближнему того, чего ты не хотел бы, чтобы сделали тебе. Вот суть иудаизма, все остальное – комментарии. Теперь приступай к их изучению!"

В Иерусалиме перед Кнесетом стоит семисвечник работы скульптора Бено Элькана, украшенный барельефом с различными эпизодами из еврейской истории. Один из них изображает Гилеля, участливо наклонившегося к человеку, стоящему на одной ноге.

Гилель прославился мудростью и пониманием человеческой души. Это очевидно из его, очень известного высказывания: "Кто же позаботится обо мне, если не я сам? Но кто же я такой, если буду заботиться только о самом себе? И если не сейчас, то когда?" Это изречение вошло в Мишну ("Пиркей Авот" – "Изречения отцов нашей мудрости") и стало жизненным критерием для каждого человека.

Гилель, к которому все прислушивались и которого глубоко уважали, был назначен главой Сангедрина (Синедриона)³ и получил титул *наси*. Гилель и его ученики во многом расходились во взглядах на некоторые религиозные установления с Шамаем и его последователями, но и те, и другие опирались на серьезные доводы. Однако мудрецы той эпохи в основном всегда придерживались взглядов Гилеля, хотя никогда не осуждали решений Шама. "Устами обоих, – говорили они, – глаголет живой Б-г." В наши дни действуют установления (Галаха) школы Гилеля, но в будущем, когда придет Машиах, когда люди станут лучше и восторжествует справедливость, вступят в силу установления школы Шама.

Приведем один пример дебатов наших мудрецов. Во времена Гилеля и Шама, то есть к концу I века до н.э. еще не был установлен порядок празднования Хануки. Шамай считал, что нужно зажигать все восемь свечей в первый вечер, чтобы начало праздника было торжественным, и в каждый следующий вечер зажигать на одну свечу меньше – вплоть до восьмого вечера, когда должны зажечь только одну свечу. Гилель, наоборот, полагал, что в первый вечер должны зажигать одну свечу, во второй – прибавить еще одну и так далее до

восьмого, когда следует зажечь все восемь свечей. К святости не спускаются, считал он, к ней поднимаются. Мнение Гилеля принято к руководству, и вот уже две тысячи лет ханукальные свечи зажигают согласно установлению Гилеля.

Примечания

1. В Тель-Авиве и Беэр-Шеве улицы называются Гилель Газакен (Гилель Старший), чтобы отличить его от мудрецов талмудических времен, носивших то же имя, но живших намного позже.
2. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Беэр-Шеве, Хайфе, Герцлии. О школе Шамаа будет сказано позже.
3. Сангедрин был Верховным судом, состоящим из 70 членов и председателя ("наси"). Этот суд занимался вопросами юрисдикции, религии, а иногда и политики. В Рамат-Гане, Беэр-Шеве, Холоне есть улицы под названием "Сангедрин".

ЙОХАНАН БЕН ЗАКАЙ

Ученик Шамаа и Гилеля, он во многих отношениях достиг уровня своих учителей. Из Талмуда нам известно, что жизнь Йоханана бен Закаа была очень нелегкой – ему пришлось пережить смерть своего сына, стать очевидцем войны евреев против Рима (66-70гг. н.э.) и разрушения Второго Храма в Иерусалиме. Однако в этот поворотный момент в истории еврейского народа рабан¹ Йоханан бен Закаа сыграл очень важную роль.

Восстание евреев против римлян вспыхнуло в 66г. н.э., через 120 лет после того, как римляне начали править в Иудее. Непомерные налоги и угроза постоянной опасности, что римляне установят статую Юпитера в Храме, послужили главной причиной восстания. Тогдашний император Нерон назначил Веспасиана, одного из лучших римских полководцев, главнокомандующим войсками. После трех лет яростной борьбы евреи отступили в Иерусалимскую крепость. Город был осажден римлянами по всем правилам военного искусства. Среди его жителей царил голод, тревога и разобщенность. Тем, кто пытался покинуть осажденный город, угрожали смертью. Рабан Йоханан бен Закаа предчувствовал катастрофу. Он опасался за будущее еврейского народа. Человек прямой и справедливый, он решил прибегнуть к хитрости с помощью двух своих самых верных учеников. Объявив, о смерти своего учителя, они положили его в гроб и, как было принято, получили разрешение стражи похоронить его за пределами города.

Оказавшись вне городских стен, рабан Йоханан бен Закаа вышел из гроба и попросил аудиенции у римского полководца Веспасиана – и получил ее. Рабан понимал, что в плане политическом он ничего не получит, но добиться чего-то в плане религиозном – возможность была. Поэтому его ходатайство было простым и коротким: "Прошу, – обратился он к Веспасиану, – отдать в мое распоряжение местечко Явнэ и разрешить нашим мудрецам продолжать обучать там своих учеников". Просьба была удовлетворена, и рабан Йоханан бен Закаа продолжил в Явнэ свою деятельность.

То ли в ту, то ли в другую встречу он предсказал, что Веспасиан станет во главе мировой империи, но, – так или иначе, по утверждению Иосифа Флавия², такое предсказание имело место. И действительно, к концу осады Иерусалима Веспасиан был провозглашен римским императором и уехал, возложив дальнейшую осаду на своего сына Тита, который и завершил победу римлян, взяв Иерусалим и разрушив Храм девятого ава 70 года н.э.

Хотя эта история очень известна, не она прославила рабана Йоханана бен Закаа.

До тех пор веками вся еврейская жизнь была сосредоточена вокруг Храма в Иерусалиме. Его разрушение могло положить конец иудаизму. Своим смелым поступком Йоханан бен Закаа обеспечил его продолжение – изучение Торы не только не прекратилось, но стало не менее необходимым и важным в еврейской жизни, чем б-гослужение в Храме. По его мысли, без Храма народ может выжить – лишь бы продолжалось изучение Торы. Народ сможет выжить даже без Иерусалима – только бы в Стране Израиля процветал другой центр еврейской духовности. И этим новым центром стал Явнэ. Хотя эта история очень

известна, не она прославила рабана Йоханана бен Закая. Его учение и влияние распространились задолго до разрушения Храма. Согласно преданию, он прожил 120 лет, на 10 лет пережив разрушение Храма.

Сведений о его жизни до нас дошло мало. Молодость и первые годы учебы прошли, видимо, в Галилее. Потом он прибыл в Иерусалим, где обосновал свою школу. Одна из стариннейших синагог в Старом городе Иерусалима носит его имя, поскольку считается, что именно там он обучал своих учеников.

Его знания Торы и еврейских традиций были необычайно обширными. Обучая, он продолжал учиться сам, не пропуская ни дня. Это не мешало ему оставаться скромным и учтивым. "Наставлять хорошо, - говорил он, - но наставление нужно применять и к себе". О нем говорили, что "никому так и не удалось поприветствовать его первым, даже язычнику, встретившему его на улице". Другие рассказывали, что он никогда не позволял слуге открывать дверь ученикам и открывал ее сам.

В Явнэ он и узнал о разрушении Иерусалимского Храма. И хотя он это предвидел, боль от этого не уменьшилась. В разрушении Храма он видел Б-жье наказание за грехи Израиля, выразившиеся, в частности, в разобщенности евреев.

С тех пор главной его заботой стало соблюдение Торы, которое никогда не должно прекратиться. Под его руководством Сангедрин, который до того времени всегда находился в Иерусалиме, возобновил свою деятельность в Явнэ. Религиозное будущее народа было спасено, несмотря на разрушение Храма.

По неизвестным нам причинам позже он покинул Явнэ и поселился на юге в Брор-Хаиле³, где, вероятно, и умер.

Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Бней-Браке, Ашкелоне. Есть также и мошав "Бен Закай" недалеко от Явнэ.

Примечания

1. Титул "рабан" ("наш учитель") в эпоху Второго Храма давали только самым выдающимся мудрецам. Но, тем не менее, тех, кому хотели выказать самое большое почтение (как, например, Гилелю), называли просто по имени.

2. Иосиф Флавий – еврейский историк, современник войны против Рима. Был руководителем восстания против римского владычества в Галилее. Позже он перешел на сторону победителей и взял себе это латинизированное имя. Его настоящее имя было Йосеф бен Матитьягу. Одна из улиц в Иерусалиме носит его имя.

3. Сегодня на месте древнего Брор-Хаиля находится кибуц под таким названием, основанный в 1948 году.

РАБИ АКИВА

Раби Акива – одна из самых выдающихся и знаменитых личностей в еврейской истории. Он жил в стране Израиля в I в. н.э. Широкая известность раби Акивы основана, среди прочего, на том, что о нем говорится в начале пасхальной "Гагады" – в рассказе о четырех мудрецах, которые всю пасхальную ночь в Бней-Браке были так заняты беседой о выходе евреев из Египта и так увлеклись ею, что не заметили, как наступило утро.

Впрочем, это лишь мелкая подробность из его биографии. Жизнь раби Акивы примечательна многими, гораздо более важными событиями. Родился он в деревне недалеко от Иерусалима. В молодости не обучался Торе, служив пастухом у Кальба-Савуа, одного из самых богатых жителей Иерусалима того времени.

Все началось с прекрасной любви. У Кальба-Савуа была дочь Рахель, и молодые люди без памяти полюбили друг друга. Их чувства были настолько сильны, что они пренебрегли гневом отца Рахели – ему была невыносима мысль, что любимая дочь выйдет замуж за простого пастуха. Он сразу лишил ее наследства и отказался помогать молодоженам. Выросшая в богатстве Рахель после замужества должна была жить в нищете. Но радость взаимной любви помогала легко переживать вдруг возникшие трудности. Тем не менее,

Рахель поставила Акиве тяжелое условие, лишь при условии выполнения которого она приняла его любовь: он должен изучить Тору и посвятить изучению столько времени, сколько потребуется.

Ах ива изучал Тору двенадцать долгих лет, после чего стал одним из известнейших учителей своего времени. Вот, что сказано об Акиве в Талмуде, в трактате "Авот дераби Натана": Акива учился в йешивах Лода и Бней-Брака, самых известных в то время и возвратился домой через двенадцать долгих лет учения с 12000 учениками, – настолько он преуспел за эти годы, став учителем школы, куда стремились многие молодые люди. Но вот, что он услышал через окно, еще не успев войти в свой дом: "Я готова ждать, – говорила его жена соседке, – еще двенадцать лет, если он за эти годы сможет удвоить свои познания в Торе". И Акива сразу же, не повидавшись с любимой женой, отправился учиться еще на двенадцать лет.

Этот рассказ отражает преданность раби Акивы Торе – несмотря на то, что он начал учиться уже будучи взрослым. Его считали самым большим авторитетом того времени. Имя его и по сей день чрезвычайно почитаемо.

Не только ученый, но и общественный деятель, раби Акива постоянно заботился об обездоленных. Он много разъезжал по свету, собирая средства для неимущих. Изречение Торы "Люби ближнего твоего, как самого себя" (Ваикра, 19:18) было очень близко его душе.

Ученость, доброе сердце и блестящий ум сделали раби Акиву образцом религиозного авторитета. Он -герой широко известного рассказа Талмуда (трактат "Хагига", 14б) о том, как четыре великих мудреца того времени вышли в *пардес* (символическое место, где раскрываются самые загадочные тайны вселенной): один из них, Бен-Азай "бросил взгляд – и тут же умер". Бен-Зома вышел оттуда, помутившись разумом. Элиша бен Авуя стал вероотступником. И только раби Акива вышел таким же спокойным и просветленным, каким туда вошел.

Когда в 132г. н. э. в Иудее началось восстание против римского владычества, раби Акива объявил, что руководитель восстания, Бар-Кохба – Машиах, и безоговорочно поддержал его. Восстание продолжалось три года. Вначале его успехи вселял надежду, но его трагический конец имел тяжелые последствия для евреев: римский император Адриан под страхом смертной казни запретил евреям изучать Тору, делать обрезание и вообще все, что означало продолжение еврейской жизни и соблюдение традиции.

Несмотря на опасность, раби Акива продолжал обучать своих учеников Торе. Молодые люди советовали ему: "Учитель, прекрати занятия, умоляем, ведь тебя могут казнить!". Но он, возражал им притчей, ставшей знаменитой: "Хитрая и злая лиса говорила однажды рыбам: "Вы живете в воде, и думаете, что вам там хорошо, – вам постоянно грозит опасность попасться в сети рыболова. Выходите же из воды на сухой берег, и вы избавитесь от опасности быть пойманными!". Рыбы тотчас выходили на берег, и что было дальше, вы легко можете себе представить. "Так вот, – продолжил раби Акива, – мы евреи. Мы и Тора, как рыбы и вода. "Тора – наша жизнь и продлевает дни наши" – говорим мы каждый день в наших молитвах. Тора есть жизнь, и, если мы перестанем ее изучать, мы тут же умрем недостойной смертью, как рыбы на суше".

Раби Акива продолжал обучать своих учеников до самой смерти – в буквальном смысле слова. Когда римские солдаты, наконец, выследили его, он был со своими учениками. Его схватили и повели на казнь.

Страшные пытки, которым подвергли раби Акиву, не сломили его. Он улыбался несмотря на невыносимую боль. Ученики, пытавшиеся издали выразить свое восхищение его стойкостью в эти последние минуты жизни, были потрясены его спокойствием. "Всю жизнь, – объяснил он им, – я произносил "Шма"¹, как это делают все евреи. Старался любить Б-га, как Он нам повелевает, всем сердцем, всей душой. Но только теперь я

осуществляю на деле, что это значит: любить Его всеми силами души, всем своим существом". Он начал читать "Шма", и с последним вздохом, произнося слово *эхад* – "един", – он умер. И по сей день, читая "Шма", хазан замедляет слово *эхад*, вспоминая раби Акиву.

Мы не должны забывать раби Акиву. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его именем названы улицы не только в Бней-Браке и в Лоде, где он учился сам и обучал других, но практически во всех городах Израиля².

Примечания

1. Молитва "Шма, Исраэль" – "Слушай, Израиль" – одна из основных еврейских молитв. Она заповедана непосредственно Торой и состоит из трех отрывков из Торы (Дварим 6, Дварим 11, Бемидбар 15). Эту молитву читают ежедневно в утренней и вечерней службе, в ней – ключ к постижению сущности иудаизма, к пониманию его принципов; комментаторы обнаружили в ней неисчерпаемую многозначность.

2. Городок Ор-Акива тоже назван в его честь. Находится Ор-Акива в двух километрах восточнее Кейсарии города, где когда-то пытали и казнили раби Акиву.

БАР-КОХБА

Доблестный воин, вождь б-жьей милостью, строгий и суровый – таким мы представляем себе Бар-Кохбу по разным свидетельствам, имеющимся в нашем распоряжении. Восстание против Рима под предводительством Бар-Кохбы вспыхнуло спустя примерно 60 лет после разрушения Второго Храма, в 132г. н.э. при римском императоре Адриане. Согласно известному греческому историку Диону Кассию, описавшему эти события через пятьдесят лет, Адриан хотел водрузить статую Юпитера на развалинах Иерусалима. Евреи пришли в ярость и подняли восстание. Христианский историк Эвзевий Кесарийский считает, что насильственное превращение Иерусалима в языческий город было не причиной восстания, а его следствием.

Известно точно только то, что император Адриан долгое время находился в Палестине и в близлежащих странах. Восстание вспыхнуло после его отъезда. Оно уже давно назревало. А что послужило толчком к ему, не так уж и важно. Глубинная причина крылась в языческом владычестве, которое евреи с трудом переносили, и в укоренившейся в их сердцах надежде, что после такого огромного несчастья, как разрушение Храма, непременно должен прийти Машиах¹, освободить их от римского ига и отстроить Храм в Иерусалиме.

В 132г. н.э. после долгих и упорных боев Бар-Кохбе удалось освободить Иерусалим от римлян. Бар-Кохба ("сын звезды") – это прозвище, а настоящее его имя, упоминаемое в Талмуде, – Шимон Бар-Козиба.

Кстати, своим настоящим именем он подписывал письма, которые были найдены во время недавних раскопок.

Откуда же взялось прозвище? Выражение Торы "Восходит звезда от Яакова" (Бемидбар, 24:17) с древнейших времен считалось предсказанием прихода Машиаха. Современники Бар-Кохбы полагали, что восстание против Рима, которое он возглавил, сделает его Машиахом, спасителем Израиля. Так думал даже раби Акива, один из великих еврейских мыслителей того времени.

И, действительно, первые успехи Бар-Кохбы были обнадеживающими. Под его командованием еврейские войска вытеснили из Иерусалима римский гарнизон. После такой большой первой победы Бар-Кохба стал особенно популярен: были выпущены монеты с его именем: "Шимон" и с надписью: "Освобожденный Иерусалим". В Музее Израиля в Иерусалиме хранится много таких монет, которым почти 1800 лет.

Партизанский метод ведения войны принес свои плоды. Бар-Кохбы одерживал победы по всей Эрец-Исраэль². Тогда римляне увеличили количество войск, собрав легионы со всех концов своей обширной империи. Лучший римский полководец Юлий Север получил

приказ покинуть Англию, где он тогда находился, и принять командование римскими войсками в Иудее. Сражения были продолжительными и изматывающими. Евреи несли огромные потери, но потери римлян были еще большими.

После трех лет непрерывных боев силы евреев истощились – в то время как римляне не переставали получать новые подкрепления. В конце концов Бар-Кохба с оставшимися у него солдатами засел в Бейтаре, укрепленном городе недалеко от Иерусалима. После разрушений 70 года стены Иерусалима с их башнями были разрушены, и город практически остался беззащитным. Впрочем, римляне, возможно, снова захватили Иерусалим после того, как Бар-Кохба укрепился в Бейтаре.

По-видимому, географическое расположение Бейтара делало его выгодным стратегическим пунктом. Он находился в горах Иудеи, и это до некоторой степени обеспечивало ему естественную защиту. Римляне осадили укрепленный город, но он держался в течение многих месяцев. В конце концов летом 135 года при неясных обстоятельствах (поскольку свидетельства историков достаточно противоречивы) римляне проникли в Бейтар и уничтожили всех евреев. Бейтар пал девятого дня месяца ава – в тот самый день, когда Тит 65-ю годами раньше разрушил Второй Храм. Так трагически закончилось это восстание и погиб легендарный герой Бар-Кохба.

Подавив восстание, император Адриан решил окончательно покончить с религиозным упорством еврейского народа. Под страхом смертной казни было запрещено изучать Тору. За нарушение этого запрета раби Акива и другие великие еврейские мыслители подверглись жестоким пыткам и казням. Иерусалим, центр еврейской религии, сравняли с землей – осталась лишь часть западной стены Храма.

Само название "Иерусалим" запретили упоминать, а отстроенный римлянами город, в котором отныне жить евреи не имели права, назвали "Элия Капитолина"³. На Храмовой горе римляне построили языческие храмы Юпитеру и Венере. Название "Иудея" исчезло из официальных бумаг, вместо него появилось новое – латинизированное "Палестина". Впервые его употребил греческий историк Геродот (V век до н.э.) – а за ним и другие греческие и римские авторы – для обозначения прибрежных земель, заселенных когда-то филистимлянами.

Итак, Адриан целенаправленно уничтожил все, что как-то было связано с еврейской традицией. Евреям надлежало понять, что отныне всякая надежда на их национальное возрождение нереальна. Таким образом Адриан хотел сломить дух непокорности еврейского народа, заставить его подчиниться римскому могуществу – и до некоторой степени преуспел в этом. Разумеется, приверженность евреям Торе оставалась после восстания такой же глубокой, как и до него. Кстати, после смерти Адриана в 138 году, то есть через три года после поражения Бар-Кохбы, запрет на изучение Торы был снят.

Но в результате поражения восстания и жестокости преследований евреи действительно утратили надежду на национальное возрождение. Они понесли огромные потери во время самого восстания и во время последовавших за ним преследований. Историк Дион Кассий говорит о полумиллионе убитых. Таким образом, слава Бар-Кохбы в общем-то неоднозначна, ибо на него возлагают ответственность за одно из самых страшных бедствий в истории еврейского народа. Кстати сказать, Талмуд, мягко говоря, отнюдь не поет ему дифирамбы.

Тем не менее, в новой еврейской истории и особенно после образования Государства Израиль Бар-Кохба стал символом воинской доблести и борьбы против притеснений. Его именем назвали улицы во многих городах Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Нетании, Бат-Яме, Тверии, Ашкелоне, Афуле, Ришон-Леционе и др.

Однако в последние годы вопрос о роли Бар-Кохбы поднимается снова. Некоторые историки обвиняют его в том, что он по недомыслию вверг свой народ в страшную беду. Считая себя спасителем Израиля, он, вероятно, безответственно переоценил силы евреев и

недооценил римлян. Эти историки сожалеют, что ранее считали его героем. Но народные чувства сильнее. Бар-Кохба остался национальным героем. Когда в 1960г. известный археолог Игаэль Ядин⁴ во время раскопок в районе Мертвого моря нашел письма Бар-Кохбы и некоторые предметы, явно принадлежавшие его солдатам (части оружия того времени, щиты, обрывки плащей и др.), и в Израиле это вызвало бурю восторга. Тогда многие найденные предметы и письма были выставлены в "Музее Израиля" в Иерусалиме. Множество посетителей – в частности, школьники и новые репатрианты – знакомятся со свидетельствами славного, но трагического восстания Бар-Кохбы.

Примечания

1. По древнейшей еврейской традиции, Машиах придет, когда Израиль будет находиться в особо трагическом положении.
2. Эрец-Исраэль – Страна Израиля на иврите.
3. Слово "Элия" связано с полным именем императора: Тит Элий Адриан. Что же касается "Капитолины", то это – явная аллюзия на римский Капитолий, где находится самый большой храм Юпитеру. Иерусалим снова начал называться своим настоящим именем лишь спустя два столетия, после сведения христианства в Римской империи.
4. Игаэль Ядин (1917-1984) – видный член Гаганы. В 1949г. был назначен главнокомандующим израильской армии, но ушел из нее в 1952г. Видный израильский археолог. Раскопки, проведенные под его руководством в Масаде около Мертвого моря и в Хацоре в Галилее, принесли ему мировую славу. Имя его отца, Элизера Сукеника, тоже археолога, навсегда связано с расшифровкой знаменитых рукописей Мертвого моря. К концу жизни Игаль Ядин занялся политикой, но в ней он так и не преуспел. Кстати, в Иерусалиме есть улица его имени.

РАБИ ЙЕГУДА ГАНАСИ

Титул "наси" можно перевести как "вождь народа". Если в государстве Израиль "наси" – это президент суверенного государства, то в Израиле 200г. н.э., находившемся под властью римлян, этот титул принадлежал тому, кто возглавлял Сангедрин и был главой еврейского народа.

Раби Йегуда и сам был сыном "наси". Его отцу, Шимону бен Гамлиэлю, удалось скрыться после подавления восстания Бар-Кохбы. Говорят, что маленький Йегуда родился в тот день, когда умер раби Акива. Это утверждение подчеркивает преемственность в учении великих учителей иудаизма несмотря на самые страшные преследования.

В зрелые годы раби Йегуда Ганаси был одним из великих учителей своего времени. В Израиле его именем названы улицы в Иерусалиме, Бней-Браке, Герцлии, Тверии, Раанане и других городах.

Знания Йегуды Ганаси были чрезвычайно обширны, скромность – поразительна, богатства – огромны, авторитет – непререкаем¹. Большую часть жизни он провел в Бейт-Шеарим, в Галилее. Ставший языческим, Иерусалим был закрыт для евреев, и большинство переживших восстание Бар-Кохбы ушли в Галилею, которая с середины Ив. н.э. превращается в настоящий центр еврейской жизни.

Когда после смерти Адриана снова было разрешено изучать Тору, оставшиеся в живых старались восстановить преемственность в традиционном учении. Они находили друг друга в Галилее, собирались группами, и обменивались паролем: "Тот, кто знает Тору, пусть приходит и обучает, а кто ее не знает, пусть приходит и учит". Именно под таким углом зрения следует рассматривать значение работы раби Йегуды по составлению Мишны.

Нужно было собрать в единую книгу все устные традиции, касающиеся правил еврейского образа жизни и вытекающие из письменной Торы. Раби Йегуда выполнил этот монументальный труд: он разделил Мишну на шесть частей, каждую часть – на главы

(всего 523 главы) и каждую главу – на параграфы, называемые собственно "мишнами". Такая систематизация имела существенное историческое значение. Она стала основой каждого гражданского и религиозного закона, общего для всех евреев Страны Израиля и диаспоры. На основе Мишны позже был создан Талмуд – расширенный и дополненный комментарий к Мишне.

Если Талмуд почти целиком написан по-арамейски, то вся Мишна написана на иврите. Такая приверженность к ивриту, когда разговорным языком в Эрец-Исраэль того времени был арамейский, характерна для раби Йегуды Ганаси. Арамейский, говорил он, ничего общего не имеет с Эрец-Исраэль, ее язык должен оставаться ивритом. В его доме все говорили только на иврите. Рассказывают, что даже слуги раби Йегуды были такими знатоками иврита, что ученики раби Йегуды спрашивали у них значения редких слов. Принятие Мишны как основы еврейской традиции всеми еврейскими общинами в мире служит доказательством авторитета раби Йегуды. Неудивительно, что его часто называют "святой раби Йегуда". После рокового разгрома восстания Бар-Кохбы он восстановил единство еврейского народа, снова одухотворил его учением Торы. Говорят, что со времени Моше-рабейну никто, кроме раби Йегуды Ганаси, не был политическим и вместе с тем духовным вождем еврейского народа такого значения.

Политическая роль была для него важна и в плане внешних отношений, и в плане реорганизации ишува². С римлянами он установил нормальные отношения в частности, был в дружеских отношениях с императорами – однако не слишком им доверяя. Римляне присвоили ему титул князя, уважали его как выдающегося представителя еврейского народа. Раби Йегуда настаивал на необходимости заниматься земледелием и развивать экономику. После восстания Бар-Кохбы, унесшего жизни десятки тысяч людей, повсюду царил нищета. Сельскохозяйственный и ремесленный труд и изучение Торы, говорил он, составляют важную основу для укрепления ишува.

Сын и внук "наси", он жил в доме, похожем на дворец, где устраивал замечательные праздники. Его богатство вынуждало римлян считаться с ним. Но ценнее для него были знания. Он весьма пренебрежительно относился к тем, кто не обладал глубокими знаниями традиций. Современники даже упрекали его в этом – в частности, в Талмуде есть следующий рассказ: в неурожайный год благодаря своему богатству раби Йегуда ни в чем не испытывал нужды и щедро раздавал продукты людям бедным, но ученым, а невеждам ничего давать не хотел. Однажды ему доложили, что многие из числа весьма сведущих в традиции людей, скрывают свои познания, не желая пользоваться помощью, чтобы побольше осталось неучам. Пораженный таким бескорыстием и чувством социальной справедливости, граничащим с самопожертвованием, раби Йегуда Ганаси решил открыть свои закрома для всех без исключения. Это показывает, насколько раби Йегуда был всегда готов признать свои ошибки.

К концу жизни он покинул Бейт-Шеарим и поселился в городке Ципори на возвышенном месте, где воздух чист и свеж. Там же разместился и Сангедрин, который еще долгие годы после смерти раби Йегуды оставался на этом месте. Раби Йегуда похоронен в городе Бейт-Шеарим. Отдавая дань его славе, это место стало своего рода главным некрополем для евреев Эрец-Исраэль и для тех евреев диаспоры, кто пожелал быть там похороненным.

За многие столетия Страна Израиля неоднократно подвергалась вторжениям извне. Бейт-Шеарим превратился в руины, и не известно даже его точное месторасположение. Приходится ждать дальнейших раскопок, чтобы обнаружить этот старинный город. А вот некрополь уже найден, и это одна из интереснейших археологических находок в Израиле, относящаяся к III в. н.э.

Примечания

1. В Рамат-гашароне есть улица "Йегуда Ганаси".
2. Ишув – совокупность всех еврейских поселений в Эрец-Исраэль.

ШЛОМО ИБН-ГВИРОЛЬ

Имя Шломо Ибн- Гвириоль переносит нас в Испанию XI в. – точнее в ту ее часть, где тогда правили арабы и в которой властвовали халифы Кордовы¹. Там евреи говорили на арабском языке. Впрочем, это был язык на котором писали большинство еврейских философов средневековья, в том числе и Шломо Ибн-Гвириоль. Но Ибн-Гвириоль был еще и поэтом, писавшим стихи на иврите.

Он родился на юге Испании в Малаге в 1020 г. и умер очень молодым, предположительно в возрасте между 35 и 40 годами (точная дата неизвестна). Однако за столь короткую жизнь он написал много произведений.

С 16 лет он уже писал талантливые стихи, что вызывало зависть его сверстников. Рано оставив сиротой, имея слабое здоровье, он прожил нелегкую жизнь. В одной из ранних поэм он описывает себя, тогда еще 16-летнего юношу, с сердцем 80-летнего старика.

О его жизни известно очень мало, а то немногое, о чем рассказывают его произведения или некоторых отрывки из произведений его современников, мало что уточняет. Предположительно, к 16 годам он из Малаги переехал в Сарагосу на северо-востоке Испании. Полагают, что он несколько лет провел в Гранаде и умер в Валенсии приблизительно в 1057г. или несколько позже.

В то время евреям жилось неплохо – несмотря на то, что власть принадлежала арабам. И если жизнь бросала Ибн-Гвириоль с места на место, то причины тому были исключительно личные. Решив посвятить свою жизнь философии и поэзии, он был вынужден искать меценатов. Это была одна из причин, по которой он какое-то время провел в Гранаде, где ему покровительствовал Шмуэль Ганагид.

Следует сказать несколько слов о самом Шмуэле Ганагиде (993-1055), чьим именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Ашдоде. Знатная особа, он был одним из немногих евреев, назначенных мусульманским халифом на самый высокий пост в государстве. Сначала он был секретарем визиря Гранады, а вскоре и сам стал визирем (должность, соответствующая современному премьер-министру). На этом посту он возглавлял армии халифа, что было редким случаем для еврея той эпохи. Гранада в то время вела постоянные войны против Севильи. Шмуэлю Ганагиду, который был еще и поэтом, принадлежат некоторые поэмы о войне, нечасто встречающиеся в еврейской поэзии средневековья. Титул *нагид* означал, что он официально представлял перед властями еврейскую общину не только Гранады, но и всей Испании. Этот титул ему присудили евреи в 1027г. (ему было тогда всего 34 года) за несколько лет до того, как он стал визирем. Это показывает, каким доверием пользовался у халифа еврей, принадлежавший душой и телом своей общине и известный своими первыми стихами на иврите, как и своими трудами о Талмуде и Галахе (которые, к сожалению, дошли до нас лишь частично).

Видимо, отъезд Шломо Ибн-Гвириоль из Гранады был вызван каким-то разногласием с Шмуэлем Ганагидом. Почти на 25 лет моложе своего знаменитого покровителя, Шломо позволил себе критиковать некоторые его поэмы.

Ибн-Гвириоль оставил после себя и значительные философские произведения на темы, которыми очень увлекались в средневековье: тут и вопросы мироздания, и взаимосвязи между формой и содержанием, материей и душой и т.п.

Он оказал очень большое влияние – тем большее, что его главное произведение "Источник жизни" постигла странная участь. Книга была написана по-арабски, через сто лет после его смерти была переведена на латынь по повелению архиепископа Толедо; в этом произведении его имя, Ибн-Гвириоль, было искажено и превратилось в Авенцеброль, а потом в Авицеброн. С тех пор его книга под латинским названием "Fons vitae" ("Источник жизни") приписывалась мусульманскому философу по имени Авицеброн, которого никто не знал, но книгу которого изучали все христианские философы средневековья. Можно

было ее одобрять или критиковать, но в любом случае ее читали и цитировали. В частности, на "Авицеброн" нередко ссылался знаменитый христианский философ Фома Аквинский. Этот Авицеброн, о котором никто не имел никаких биографических сведений, занял почетное место в истории средневековой философии. Понадобилось ждать до XIX века, чтобы в 1846 году, проведя глубокое исследование, французский востоковед Саломон Мунк обнаружил, что Авицеброн – никто иной, как Шломо Ибн-Гвириоль, хорошо известный своими стихами на иврите уже много веков.

С тех пор "Источник жизни" распространяется в обратном переводе на иврит, и Ибн-Гвириоль как философ занял свое истинное место в истории еврейской философии.

"Ибн-Гвириоль, поэт и философ" – вот как нужно писать на табличках с названиями улиц, носящих его имя в Иерусалиме, Тель-Авиве, Ашдоде, Холоне, Нетании, Раанане и в других местах. Это одно из великих имен культурного достояния Израиля.

Примечание

1. Завоевание Испании арабскими халифами закончилось к середине VIII в. До этого времени Испания находилась под властью вестготов, недавно принявших христианство, и евреи там преследовались. Под властью мусульман их положение значительно улучшилось. Между X и серединой XIII в.в. для евреев в Испании был счастливый период (т.н. "золотой век испанского еврейства"). Потом благополучные периоды времени перемежались с периодами яростных антиеврейских гонений вплоть до поголовного изгнания евреев в 1492г.

РАШИ

В Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Рамат-Гане, Герцлии, Бней-Браке, Холоне, Нетании, Беэр-Шеве, Ашкелоне, Тверии – короче, почти во всех городах Израиля есть улицы, которые носят странное, на первый взгляд, название: "Раши". Странное – и все же очень хорошо знакомое тем, кто изучает Танах и Талмуд. Раши был великим комментатором, первым, с которым знакомится еврейский ребенок, приступая к изучению Торы. Если встречается трудное слово или фраза, требующая объяснения, тотчас же учитель, ведущий урок сегодня – как и тот, что преподавал столетия назад – говорит: "Посмотрим, что пишет об этом Раши". Почти тысячу лет эти слова звучат во всех центрах по изучению иудаизма в мире – от Персии до Марокко, от России до Англии, и в Америке тоже.

Раши – это аббревиатура слов: "рабейну Шломо Ицхаки". Он родился в 1040г. во Франции, в Труа, столице провинции Шампань, уже тогда прославившейся своими винами. Труа тогда был важным торговым центром, где жило много ремесленников. Раши изучил всякие ремесла – гравирование, ткацкое дело и т.д. Одно время он зарабатывал на жизнь виноградарством. Все это дало ему возможность разобраться в значении различных технических терминов, имеющихся в Танахе и в Талмуде.

Первым учителем Раши был его отец – человек весьма образованный в области знаний Торы. Позднее Раши едет учиться в известные йешивы в Майнце и Вормсе на Рейне. По возвращении в Труа он начинает обучать евреев и привлекает своими знаниями многочисленных учеников.

В то время еврейская община Франции (на ее юге, северо-востоке и северо-западе) была относительно большой. Раши занимался не только преподавательской деятельностью, но и составил письменный комментарий почти ко всему Танаху и к большей части Талмуда. Он дает четкие и ясные объяснения, часто с грамматическими и техническими примечаниями, используя древние толкования (особенно мидраши), в которых у него были обширные познания. Он стремится, по возможности, не отходить от буквального смысла текста и давать простые объяснения.

К концу жизни он стал свидетелем страшных массовых убийств, учиненных крестоносцами по пути в Иерусалим. Особенно пострадали еврейские общины Рейнской долины, где Раши учился, а, возможно, и обучал (Вормс и Майнц). Легенды сообщают о

его встрече с Годфруа Буйоном, возглавившим первый крестовый поход¹, которого он тщетно пытался уговорить прекратить резню.

Раши умер в 1105г. но где – в Труа или в Вормсе -точно не известно, неизвестно и место его захоронения. Но его труды долговечнее любого надгробного камня.

У Раши не было сыновей, однако мужа его трех дочерей были большими учеными. Традицию Раши поддержали, главным образом, его внуки, которые внесли огромный вклад в процветание еврейского образования во Франции XII в. Двое из них особенно известны.

Один из них, рабейну Шмуэль бен Меир, "Рашбам" (1080-1174), учился у своего знаменитого деда. Его комментарии к Танаху и Талмуду тоже отличаются лаконичностью и простотой. В Иерусалиме и Бней-Браке есть улицы его имени.

Еще более знаменит его младший брат Яков, который известен главным образом как "Рабейну Там" (1100-1171). Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Бней-Браке, Герцлии. Он родился слишком поздно, чтобы быть учеником своего деда, но воспитывался в высших религиозных школах Европы XII в. Как и старший брат, он жил в Рамрюпте, городке в Шампани, примерно в 40 км северо-восточнее Труа. Он никуда не выезжал, но к нему приходили за советом не только из разных общин Франции и Германии, но и из Богемии и даже из Киева. Его пояснения к Талмуду составляют часть "дополнительных комментариев" ("Тосафот") к комментариям Раши и необходимы для основательного понимания Талмуда.

Развитый в XI и XII веках, иудаизм во Франции сильно пострадал от преследований в XIII веке (в 1240 году по приказу короля в Париже торжественно сожгли Талмуд).

Изгнание евреев в 1394г. положило конец еврейской жизни во Франции².

Только Французская революция позволила евреям снова жить во Франции – и на сей раз как "свободным и равным" гражданам, – согласно декрету, который в 1791г. впервые в Европе даровал им полное равноправие.

Примечания

1. Крестоносцы начали поход из Франции в 1096г, уничтожая еврейские общины в долинах Рейна и Дуная всю весну и лето. Это были первые массовые убийства евреев в Европе.

2. В некоторых восточных и южных провинциях, которые тогда не относились к Франции, – таких, как Эльзас, Лотарингия и Прованс, – евреям все еще разрешалось жить.

ЙЕГУДА ГАЛЕВИ

Блистательный, величайший еврейский поэт всех времен после царя Давида, раби Йегуда Галеви родился около 1075г., а умер около 1141г. Йегуда Галеви был самой яркой среди звезд золотой эпохи Испании XI-XIII в.в..

Нет в Израиле города, где не было бы улицы, названной в его честь.

Почему Йегуда Галеви так популярен? Конечно же, не из-за его философских трудов, хотя они и очень важны. Его прославили обстоятельства его жизни и смерти и его стихи, многие из которых были положены на музыку и которые поются во всех еврейских общинах мира. Самое известное из них начинается словами: "Сердце мое на Востоке, а сам я на крайнем Западе". Так он выразил свое состояние души, которая рвалась к Сиону, в то время как сам он находился в Испании. Это чувство хорошо знакомо многим евреям диаспоры и сегодня – многие из них до сих пор не могут решиться переехать в Израиль.

Но Йегуда Галеви решил положить этому конец и уехать в Страну Израиля. Не нужно представлять дело таким образом, будто его решение было вызвано разочарованиями или опасностями, преследовавшими его в Испании, как это случилось в следующем столетии с Рамбаном. Нет, Йегуда Галеви на вершине славы решил покинуть Испанию, чтобы выразить свою глубокую любовь к Сиону не только в стихах, но и доказать это своей жизнью.

В Испании он жил счастливо. Он родился в Туделе (а возможно, в Толедо), воспитывался в зажиточной и очень культурной семье. Образование получил еврейское и арабское, изучил также медицину. Когда он был совсем молодым, его привлекали исключительно оживленные еврейские центры Кордовы и Гранады. Он начал писать стихи и подружился с такими еврейскими поэтами своего времени, как Моше Ибн-Эзра и Аврагам Ибн-Эзра.

В 1090г. берберское племя, пришедшее из Африки, завоевало часть Испании, и жизнь евреев осложнилась. Йегуда Галеви отправляется в христианскую Испанию. Много лет живет в Толедо, где получил известность как врач. Пополняет он свои доходы и коммерческими предприятиями, благодаря которым у него налаживаются связи с границей. Он часто ездит в Северную Африку, в Египет и на север Франции. Повсюду друзья и почитатели устраивают ему торжественные приемы.

Но он не в ладу с самим собой. Множество замечательных стихов его прославляют Иерусалим, а их автор остается на Западе. Этому раздвоению пора положить конец, и он решает уехать в Эрец-Исраэль. Его друзья, ученики пытаются его отговорить: это безумие, уехать в неизвестность, когда в Испании он так знаменит! Собственная дочь (которая была замужем за Аврагамом Ибн-Эзрой или его сыном – точно неизвестно) старается удержать его в Испании.

Но в 1140г. Йегуда Галеви, несмотря на уговоры, садится на корабль, отплывающий в Египет, откуда лежал путь в Эрец-Исраэль. Он прекрасно понимал, какой опасности подвергался: морской путь из Испании в Египет в те времена был далеко не безопасен. Кстати, попав в бурю, он пишет замечательное стихотворение: "Неужели снова потом?... Неужели я в могиле? Ничего, кроме неба и воды... Океан во гневе. Но сердце радуется, ибо я еду в страну Святого Храма и приближаюсь к Б-гу".

В сентябре 1140г. Йегуда Галеви высаживается в Александрии. Там его принимает друг, богатый коммерсант, который обеспечивает его всем необходимым. Зиму он проводит в Александрии и в Каире, где друзья еще пытаются его отговорить от поездки в Эрец-Исраэль, занятую тогда крестоносцами, пришедшими из Европы и враждебно настроенными против евреев. Но он не поддается на уговоры. Весной 1141г. он готов отправиться в Эрец-Исраэль. На этом точные сведения о его жизни обрываются. Согласно новейшим мнениям историков, отъезд задержался из-за плохой погоды, и в возрасте 66 лет он умер в Египте. Но с конца средневековья бытует другая версия о его смерти: он добрался в 1141г. до Иерусалима, наклонился, чтобы поцеловать камни, и его растоптал арабский всадник в тот самый момент, когда он произносил одну из своих самых знаменитых поэм, посвященных Сиону. Правда это или легенда? Как бы то ни было, пусть это и легенда – но именно она вдохновила немецкого поэта Генриха Гейне на одну из его красивейших поэм из цикла "Еврейские мелодии".

35 стихотворений, посвященных Сиону ("Ширей-Цион") жемчужинами сверкают среди 800 поэтических произведений Йегуды Галеви, дошедших до нас. Они и определили особую любовь евреев к этому замечательному поэту. А все поэтическое творчество - любовные стихи, стихи, посвященные друзьям, а также религиозные поэмы, многие из которых вошли в еврейскую литургию, ставит Йегуду Галеви в ряд величайших поэтов человечества.

Его владение ивритом просто поражает. Однако великое философское произведение "Кузари"¹ он написал, как было тогда принято, на арабском – но оно сразу же было переведено на иврит Йегудой Ибн-Тивоном. Это философские и религиозные размышления, над которыми он работал больше двадцати лет, написанные в форме диалога. Йегуда Галеви использует исторический фон, который позволяет ему развивать концепцию иудаизма в сравнении с исламом и христианством.

В основу положен исторический факт беседы об иудаизме, которую вел приблизительно в 740г. хазарский царь (откуда и название "Кузари", т.е. "Хазар"). В ту эпоху хазарское

царство простиралось от Черного до Каспийского моря. Исходя из этих данных, Йегуда Галеви и строит воображаемый диалог. Устав от идолопоклонства, хазарский царь хочет перейти в другую веру. К нему вызывают по очереди христианина и мусульманина, чтобы они рассказали о своей религии. Каждый из них объясняет, что его религия связана с Аврагамом и с Торой. Тогда царь решает призвать еврея, чтобы он изложил ему суть иудаизма. В виде этого диалога Йегуда Галеви и излагает свои идеи, которые обосновывает историческими фактами о неизбежности еврейского народа. Существование Иисуса и Магомета, с точки зрения исторической, можно оспаривать. Но 600000 евреев присутствовали у Синая при исключительном Б-жественном откровении, их свидетельства невозможно опровергнуть, и они передают их своим детям из поколения в поколение. Вот почему христианство и ислам вынуждены прибегать к историческому прошлому евреев, чтобы обосновать истинность своей веры. Мир идет путем перипетий своей истории, чтобы прийти к истинной вере в Единого Б-га.

В конце книги хазарский царь задает еврею вопрос, который странным образом и сейчас не теряет своей актуальности. Он касается отношений евреев со страной Израиля: "Ты мне объяснил, что народ Израиля и страна Израиля неотделимы друг от друга. Как же получилось, что ты не построил там своего жилища и не живешь там? Я вижу, твои поклоны Сиону -просто лицемерие; в лучшем случае – это ритуал, который исполняют по привычке, не вкладывая в него конкретного содержания". – "Ты совершенно прав, о царь хазаров, – отвечает Йегуда Галеви устами евреев в своем философском произведении. – Увы, когда теперь в наших молитвах мы говорим: "Поклонитесь на Святой горе", "Благословен Он, явившийся на Сионе" и тому подобное, это все равно, что птичье пение: мы даже не задумываемся о смысле слов, которые сходят с наших уст".

Из некоторых, к счастью, сохранившихся писем Йегуды Галеви, мы знаем, что он закончил писать "Кузари" незадолго до отъезда в Эрец-Израэль. Конечно, его решение было результатом глубокого осмысления того, что сказано в этих строках "Кузари". Не мог он больше оставаться жить на Западе, когда молитвы, думы, стихи влекли его к Востоку, к Эрец-Израэль.

Примечание

1. В Беэр-Шеве, Тель-Авиве, Герцлии есть улицы "Кузари". Таким образом, чтят не только поэта, но и его произведение.

ИБН-ЭЗРА

Такие города, как Иерусалим, Хайфа, Рамат-Ган, Холон, Ашдод, Нетания, Кирьят-Ата, Ашкелон и т.д. назвали свои улицы именем "Ибн-Эзра", предоставив нам право выбирать между двумя одинаково известными современниками: Авраамом Ибн-Эзрой и Моше Ибн-Эзрой. Дальние родственники, они жили в Испании в конце XI – начале XII в. и оба были поэтами и философами.

Если следовать хронологии, то первым нужно назвать Моше Ибн-Эзру¹. Он родился в Гранаде; год его рождения определяется между 1055 и 1070г.г. Моше Ибн-Эзра получил прекрасное образование и уже в молодые годы стал известным поэтом, продолжая занимать высокий пост среди местных правителей. Он одинаково хорошо владел ивритом и арабским, стихи писал на двух языках, а философские произведения -на арабском. Прославился он, главным образом как поэт.

Подробности его жизни до нас не дошли. Известно только, что он уехал из Гранады на север, в христианскую часть Испании то ли из-за несчастной любви, (как полагают одни историки), то ли потому, что Гранаду захватила нетерпимая мусульманская династия. Так или иначе, из его стихов явствует, что он вынужден был покинуть родной город и никогда не смог в него вернуться – откуда и его ностальгия, и трудности в жизни, и разочарования. Он скитался по христианской Испании² из города в город, и нам доподлинно не известно, где он жил и где умер (между 1135 и 1140гг.).

В его жизни счастливый период сменялся несчастным, но на его глубоко религиозных стихах это не сказывалось. Самые известные их них – "Слихот"³, где говорится о необходимости раскаяния и послушания Б-га. Многие религиозные стихи вошли в литургию на Рош-Гашана и Йом-Кипур, особенно в сефардских общинах.

Моше Ибн-Эзра дружил с Йегудой Галеви, который был моложе его и которому он очень помог в начале его пути. Йегуда Галеви посвятил ему много стихов.

Аврагам Ибн-Эзра тоже был другом Йегуды Галеви. Полагают, что он был также женат на дочери Йегуды Галеви. Аврагам Ибн-Эзра родился в Толедо в 1089г. и прожил там первые пятьдесят лет своей жизни, ненадолго выезжая в Марокко, Алжир и Тунис. После 1140г. Аврагам Ибн-Эзра постоянно путешествует, однако это не помешало ему во второй половине жизни много писать. Несколько лет он живет в Риме, а также в других городах Италии: Тоскане, Мантуе, Вероне. Оттуда в 1147г. отправляется во Францию, сначала на юг, потом на северо-запад, в Руан. Там он подружился с внуком Раши – "Рабеину Тамом". Некоторые считают, что умер он в Эрец-Исраэль, но в отношении этого есть противоречивые мнения.

Иногда в его стихах не без юмора говорится о том, что он неудачник и живет в бедности, за что бы он ни взялся, все не ладится. "Если бы я начал продавать гробы, люди перестали бы умирать, – пишет он, – а если свечи – солнце не садилось бы и не наступала бы тьма".

Но особенно известен Аврагам Ибн-Эзра как комментатор Танаха. В этом он совершенно не похож на своего родственника Моше Ибн-Эзру, который никогда не пытался комментировать Танах.

Если комментарий Раши – необходимая основа, то по значению комментарий Аврагама Ибн-Эзры следует непосредственно за ним. Он является авторитетом для всего еврейского мира. Досконально зная все тонкости иврита, Ибн-Эзра широко пользуется грамматическими и этимологическими особенностями терминов для их объяснения. Кстати, он написал замечательную книгу по ивритской грамматике: "Мозней лашон гакодеш", (буквально "Весы святого языка"), или, сокращенно, "Мознаим" ("Весы"). Широко использовал он Талмуд и мидраши, что не мешало ему противоречить их обоснованиям. В его комментариях чувствуется глубокое знание человеческой души, приобретенное в результате многочисленных поездок и беспокойной жизни. Наделенный смелой натурой, он задавался вопросом, действительно ли Моше был автором всего Пятикнижия, и кто были подлинные авторы Тегилем. Таким образом, он ввел большую свободу в еврейскую традицию толкования.

Его комментарий к "Шир-гаширим" – хотя и довольно короткий – дает ясное представление о его методе. Сначала – грамматический и этимологический разбор, затем – буквальное объяснение и, наконец, аллегорическое толкование. Согласно его исходному мнению, если книга "Шир-гаширим" включена в канон Танаха, она не может быть просто любовной идиллией. На самом деле речь идет об аллегории, подразумевающей всю историю еврейского народа, начиная с Аврагама и до прихода Машиаха в будущем.

Какого Ибн-Эзру мы вспоминаем, проходя по одноименной улице, – Моше или Аврагама? Скорее обоих сразу, поскольку Моше, как и Аврагам, оставили заметный след в культурном наследии Израиля.

Примечания

1. В Тель-Авиве улица названа не просто "Ибн-Эзра", а М.(Моше) Ибн-Эзра.
2. "Реконкиста", или отвоевание Испании христианами, началась с севера страны и постепенно оттесняла мусульман все больше и больше к югу. Реконкиста началась в середине XIв. и закончилась в 1492г. капитуляцией Гранады, последнего бастиона мусульман. Евреи достаточно долго и хорошо жили в мусульманской и христианской Испании – не без трудных, однако, периодов. В отличие от мусульман, вынужденных покинуть свои места во время Реконксты, евреи могли оставаться и после

прихода христиан. Только в конце XIIIв. нетерпимость христиан по отношению к евреям стала практически постоянной. Евреев преследовали и в 1492г. насильно обратили в христианство. А тех, кто не покорился, – изгнали.

3. "Слихот" – покаянные молитвы.

РАМБАМ

Рабейну Моше бен Маймон известен в Европе как Маймонид (по гречески "сын Маймона"), а у евреев – как Рамбам (по первым буквам его полного имени). В его честь названы улицы почти в каждом городе Израиля и, конечно, в Иерусалиме¹ и Тель-Авиве.

Рамбам, колосс средневековой еврейской философии, жил в XIIв. (1135-1204). Где он жил? На этот вопрос сразу не ответить, потому что жил он во многих местах.

Рамбам родился на юге Испании, в Кордове, но когда ему было тринадцать лет, мусульманская династия Альмогадов, известная своей нетерпимостью, захватила город, и его отец, выдающийся ученый и член раввинского суда, вынужден был бежать. Двенадцать лет семья скиталась из города в город сначала на севере Испании, потом, без сомнения, и на юге Франции. Именно в эти трудные годы совсем еще молодой Моше приобрел большую часть своих обширных знаний. Он начинает работать над некоторыми из своих сочинений, которые закончит в зрелые годы.

Рамбаму было 25 лет, когда он с родителями и братом Давидом поселился в марокканском городе Фесе. В знаменитой еврейской общине этого города юный Моше встречает выдающихся учителей, здесь он углубленно изучает медицину. Жизнь Рамбама в Фесе была очень насыщенной и плодотворной. Но через пять лет по неизвестным причинам семья Рамбама покидает Фее.

На сей раз все они отправляются в Эрец-Исраэль и останавливаются в Акко. В те времена это был большой портовый город, в котором хозяйничали крестоносцы. Семья прожила здесь пять месяцев. Объездила всю страну, побывала в Иерусалиме и Хевроне и была так этому рада, что потом каждый год праздновала годовщину прибытия туда. Потом, опять же по не очень ясным причинам, отбыла в Египет, в Александрию. Вскоре оттуда семья переехала в предместье Каира – Фостат, где отец Рамбама вскоре умер.

Как оказалось, в Фостате семья обосновалась окончательно. Рамбам там прожил до конца своих дней и умер в 69 лет. Но похоронен он в Тверии.

Первые восемь лет в Фостате у Рамбама была полная возможность расширять свои знания, писать и преподавать, потому что его брат Давид, торговавший драгоценными камнями, содержал свою семью и семью Рамбама, который стал духовным вождем евреев Фостата и Каира. Слава о нем быстро распространилась за пределы Египта. Он был Учителем, с которым советовался весь еврейский мир по всем спорным вопросам. Ему еще не исполнилось тридцати пяти лет, когда он стал общепризнанным авторитетом. Примерно в это время Рамбам женился второй раз (первая жена его умерла очень рано), и затем у него родился его единственный сын – Аврагам.

Но спокойный и безмятежный ритм жизни внезапно закончился: на семью обрушилось несчастье. Брат Рамбама Давид поехал по делам на Дальний Восток, взяв с собой все драгоценности, не только свои, но и те, что ему доверили друзья. Судно потерпело крушение в Индийском океане. Давид погиб, а вместе с ним пошли на дно все драгоценности. Рамбам долго не мог оправиться от столь тяжкого удара. Осталась жена Давида с двумя детьми, заботу о которых взял на себя Рамбам. Теперь ему кроме своей семьи надо было содержать и семью брата. Он наотрез отказывался брать плату за раввинскую службу и зарабатывал врачеванием.

Начиная с 1169г. и до самой смерти его жизнь была очень тяжелой. Наряду с напряженной работой над религиозными и философскими произведениями он работал врачом, чтобы зарабатывать на жизнь. Начало медицинской практики было нелегким. Понадобилось время, чтобы о нем узнали и оценили. Только в 1185г. он стал придворным врачом

султана, что обеспечило ему, наконец, постоянные доходы. Но в то же время он был обязан каждое утро находиться во дворце султана в Каире. Как только он возвращался в Фостат, после долгого пути верхом его осаждали больные, уже стоявшие в очереди у его дверей. Он едва успевал поест. Часто вел прием до позднего вечера. Когда, наконец, изнемогая от усталости, он ложился, ему было трудно даже говорить. Субботу Рамбам целиком посвящал молитве, занятиям Торой, вопросам общины, духовным вождем которой он все еще оставался.

Мы знаем подробности о его напряженной деятельности из знаменитого письма к его переводчику Шмуэлю Ибн-Тибону². Последний готов был преодолеть путь с юга Франции до Египта, чтобы поговорить с Маймонидом о некоторых проблемах, с которыми он столкнулся при переводе труда "Морэ невухим" ("Путеводитель заблудившихся"). Маймонид ответил ему приблизительно так: незачем отправляться в такой долгий путь; он занят выше головы (и подробно написал, чем) и может уделить беседе со своим переводчиком лишь несколько минут. И Рамбам дал ему пояснения в письме.

Каким образом Рамбаму удавалось писать свои произведения при такой занятости? Загадка. И все же он писал. Его два выдающихся труда написаны как раз в этот период: "Мишнэ Тора" на иврите (1180) и "Морэ невухим" на арабском (1190). Наряду с многочисленными произведениями в области иудаизма и медицины эти две книги наиболее известны.

"Мишинэ-Тора" и поныне остается основным трудом, который нужно изучать параллельно с Талмудом. Последний предлагает необъятные просторы для рассуждений и предписаний, но в них порой трудно сориентироваться. Маймонид же хотел стройно изложить все предписания, содержащиеся в Мишне и нашедшие свое окончательное выражение в Талмуде. Получилось мастерское произведение, синтезирующее Мишну и Талмуд, в которое Рамбам добавил и некоторые собственные предписания, базирующиеся на других источниках.

Что касается "Морэ невухим", то задачу этого философского произведения Рамбам изложил в предисловии: : "Я написал книгу, которая должна наставлять людей религиозных, живущих по Торе и в то же время изучающих философию. Кажущиеся противоречия между тем, чему учит философия³, и буквальным смыслом Торы часто вызывают у них колебания". Для Рамбама нет на самом деле противоречия между истинами, открытыми Б-гом в Торе, и истинами, которые может открыть человеческий ум, созданный Б-гом.

После смерти Рамбама "Морэ невухим" подвергся сильной критике. В нем усматривали излишний рационализм и неоправданно большую дань уважения Аристотелю. Но даже самые ярые противники вынуждены были признать силу аргументов, изложенных в этом произведении, и обширные познания ее автора в философии.

В целом творчество Рамбама неисчерпаемо. Со времен великих талмудистов за семь-восемь веков до него ни один еврейский мыслитель не оказал такого влияния, как он, и никто после него не мог с ним сравниться. Его иногда называют "вторым Моше-рабейну". После Танаха и Талмуда его труды являются основным источником по изучению иудаизма.

Примечания

1. В Иерусалиме в районе Рехавии улица называется "Сдерот Бен-Маймон".
2. Шмуэль Ибн-Тивон был из семьи, четыре поколения которой посвятили себя переводу на иврит произведений, написанных великими евреями Испании на арабском языке. Улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве названы их именем – Тивоним. Семья Тивон жила на юге Франции с начала XIIв. и до начала XIVв.
3. Средневековая философия находилась под влиянием греческой философии, особенно философии Аристотеля.

РАМБАН

Рабейну Моше бен Нахман (Рамбан) знаменит, главным образом, как комментатор Торы. Но был он еще и поэтом, и врачом, и философом. Рамбан относился к следующему поколению после Рамбама (ему было 9 лет, когда тот умер), и был, несомненно, самым выдающимся еврейским авторитетом XIII века как в Испании, так и в Эрец-Исраэль, куда он переехал в конце жизни.

Рамбан (он еще известен как Нахманид) родился в 1194г. в Жероне (на иврите – Геронда), в Каталонии (на северо-востоке Испании), которая сорока годами ранее очутилась под властью Арагонского королевства. Следовательно, вырос Рамбан в христианской части Испании. О его молодости и зрелых годах сведений мало. В его комментариях к Торе и Талмуду явно проявляется влияние его великих предшественников. Но Рамбану Рамбан во многих отношениях противоречил – хотя и старался пресечь резкие выступления против Рамбама, которые отрицательно сказывались на жизни и умах религиозных евреев – его современников. Нам также известно, что Рамбан зарабатывал на жизнь врачеванием.

Ученость Рамбана, его преподавательская деятельность, его труды (их более пятидесяти) принесли ему известность в Испании середины XIII в. Кроме того, он был в прекрасных отношениях с арагонским королем Яковом I. И все же его ждало тяжелое испытание.

В те времена католическое духовенство очень охотно устраивало теологические дискуссии (диспуты) с раввинами. Это всегда становилось ловушкой, которой нельзя было избежать. Бели раввины не находили ответа, подходящего для христианских доказательств божественности Христа, они считались побежденными и часто подвергались тюремному заключению или высылались. Если же они мужественно говорили то, что думали, священники не желали терпеть поражение от евреев, а потому наказание было еще более тяжким. Поэтому евреи ужасно боялись участвовать в этих диспутах.

Казалось, что в 1263 году все существенно изменилось. Арагонский король Яков I обязал Нахманида участвовать в диспуте в Барселоне, но обещал ему, что за ним сохраняется право говорить все, что он считает нужным, ничего не боясь. Как во многих других диспутах, первым выступал выкрест-еврей, ставший заклятым врагом евреев. В Барселоне его звали Падло Христиани. Диспут проходил в присутствии короля Якова I. От христиан выступал Пабло Христиани, высокое духовенство ордена доминиканцев и францисканцев; от евреев – только Рамбан. На редкость умно, откровенно и достойно парировал он христианские нападки. Он произвел настолько сильное впечатление на слушателей, что король подарил ему в качестве награды 300 золотых монет.

Но духовенство молчало недолго. Вмешался архиепископ, и доминиканцы обвинили Рамбана в том, что он злословил в адрес христианства. Сам римский папа Климент IV потребовал от короля Якова I осудить Нахманида.

Видя, как обернулось дело, Рамбан счел за лучшее покинуть Испанию. Он отплыл в Эрец-Исраэль, прибыл в Акко летом 1267г. и отправился в Иерусалим.

Более чем за 150 лет непрерывных сражений между крестоносцами и мусульманами страна была полностью разорена, а еврейское население истреблено. Особенно ужасным было положение в Иерусалиме.

Прибыв в Иерусалим, Рамбан нашел там всего двух евреев. Он очень хотел как можно скорее оживить еврейскую жизнь в святом городе. Найдя заброшенный дом, он приспособил его под синагогу. Из соседнего селения перенес туда свиток Тору и призвал евреев вернуться в Иерусалим. Были возобновлены ежедневные молитвы, и благодаря Рамбану еврейская община Иерусалима возродилась.

Не удивительно, что во многих городах Израиля улицы носят его имя: в Иерусалиме, в Беэр-Шеве, Бней-Браке, Хайфе, Нетании, Ришон-Леционе и др. Синагога, основанная Рамбаном в той части Иерусалима, которая теперь называется Старым городом, была восстановлена после объединения Иерусалима в 1967г., и в ней сейчас молятся каждый

день. В том же 1967 году праздновалось 700-летие возобновления еврейской жизни в Иерусалиме, начало которому было положено Рамбаном.

Однако по непонятным причинам Рамбан покинул Иерусалим и поселился в Акко, где и умер в 1269 году.

В Эрец-Исраэль Рамбан закончил свой комментарий к Торе, начатый еще в Испании. Комментарий порой основывается на комментариях Раши и Ибн-Эзры – хотя Рамбан порой и спорит с ними. Он углубил их комментарии, и его философский и психологический анализ чрезвычайно интересен. В этом он отличается от Радака, раби Давида Кимхи¹, тоже очень знаменитого комментатора, который в отличие Рамбана уделял большее внимание точному объяснению некоторых слов или выражений.

В своих комментариях Рамбан явно исходит из собственной концепции мира, Б-га и Израиля. Поэтому его комментарии к Торе и к Талмуду стали, в свою очередь, основой для новых комментариев, которые были написаны в следующих поколениях. Поэмы, написанные Рамбаном, богаты глубокими – часто мистическими – идеями. Одну из них он посвятил своему прибытию в Иерусалим. Сохранились лекции, которые он читал в еврейские праздники. Одна из них называется "Торат-Гашем тмима" ("Тора Г-спода совершенна" – как сказано в Тегилим 18:8) и, видимо, была произнесена вскоре после диспута в Барселоне.

Жизнь Рамбана – пример преданности делу своего народа, мужества и целеустремленности. Достаточно указать лишь на его участие в диспуте в Барселоне и то, что в конце жизни, уже в возрасте 73 лет, он решил переехать в Иерусалим и возродить там еврейскую жизнь.

Примечание

1. Радак – раби Давид Кимхи (1160-1235) – жил в Нарбонне на юге Франции. Он известен как комментатор Танаха и как специалист по ивритской грамматике.

АБАРБАНЕЛЬ

Дон Ицхак Абарбанель – сам титул "дон", сопровождающий его имя, говорит о испанском происхождении и о высоком положении в обществе. Он был выдающимся политиком и финансистом – сначала при португальских, а потом при испанских королях. Это было в конце XV – начале XVI в.в. Многие улицы в Израиле носят его имя: в Иерусалиме и Тель-Авиве, Бней-Браке и Холоне, в Реховоте, Нетании, Ришон-Леционе и т.д..

Уже с конца XIII в. его семья достигла очень большого богатства и небывалой известности в Испании. Впрочем, не случайно она считалась происходящей от самого царя Давида! Возможно, это было не чем иным, как гордыней, но они всерьез воспринимали знатность своего происхождения – равно как и служение еврейскому народу и еврейской вере, к которому оно их обязывало. Они долго жили в Севилье. В конце XIV в., после драматических событий 1391г. дон Шмуэль Абарбанель, дед Ицхака Абарбанеля, перебирается из Испании в Португалию¹. Там, в Лиссабоне, в 1437 году и родился Ицхак Абарбанель. У него действительно было счастливое детство. Он получил прекрасное воспитание – как религиозное, так и светское, достойное сына важного вельможи при дворе португальского короля. Он стал культурным и высокообразованным человеком в самом высоком смысле этого слова, знатоком Танаха, Талмуда, еврейских источников, равно как греческой и арабской философии, а также медицины, истории и астрономии.

Это был счастливый период в жизни Ицхака Абарбанеля, и продолжался он, пока на португальском престоле сидел король Альфонс V. Ицхак Абарбанель, как и его отец, был финансовым советником короля и блистательно справлялся с этой нелегкой обязанностью. Король Альфонс V был его покровителем и другом. Важный вельможа при дворе Ицхак Абарбанель пишет на прекрасном иврите философское произведение о Провидении и пророчестве.

Но все изменилось, когда ему было уже 44 года. В 1481г. умер король Альфонс V. Его

преемник Жоан II был совсем другим человеком. Высокопоставленные вельможи организовали против него заговор, он был раскрыт, они же были заключены в тюрьму. Абарбанеля предупредили, что его обвиняют в участии в этом заговоре и что его жизнь в опасности. Зная нрав нового короля, Абарбанель счел более благоразумным сразу бежать, хотя обвинения против него были необоснованны.

Он остановился в Испании, откуда шлет длинное письмо португальскому королю, в котором доказывает невиновность. Короля он не убедил, но тот все же отпустил в Испанию жену и детей Ицхака Абарбанеля, которых держал заложниками.

За несколько дней Абарбанель из высокопоставленной особы превратился в беженца. Тяжелое положение, в котором он оказался, навело его на глубокие размышления. Он обвинял себя в том, что слишком много времени отдавал делам суетным, искал славы, связей и богатства. Отныне он хочет посвятить себя священным занятиям. В маленьком испанском городе Сегура, где он обосновался, он преподает и составляет комментарии, в частности к книгам "Йегошуа" и "Шофтим". Он с головой уходит в работу, по праву не сомневаясь, что его опыт в политике во многом поможет ему.

Весной 1484г. положение снова меняется. К Абарбанелю приходит посланник от короля Фердинанда и королевы Изабеллы с приглашением ко двору. Государственная казна почти пуста. Необходим глубокий знаток в этом деле, чтобы помочь королю выбраться из затруднительного положения и дать возможность провести последний этап Реконксты – иными словами, изгнать арабов из Гранады на юге Испании, где они хозяйничали. Королевская чета считает, что Абарбанель и есть тот единственный человек, который способен справиться с этим сложным делом. Такому приглашению, а точнее, приказу трудно не подчиниться.

Благодаря своим способностям финансиста и своей неисчерпаемой энергии, он быстро занял в Испании то положение, которое ранее занимал в Португалии. Он вновь охвачен жадной деятельностью, наслаждается придворной жизнью и с удовольствием служит государю. Вместе с тем он не сомневается, что его высокое положение в случае необходимости может оказаться полезным еврейскому народу. Он снова счастлив и в редкие моменты отдыха продолжает работать над книгами Танаха. Так прошло восемь лет. Вдруг в начале апреля 1492г. в придворных кругах разнесся слух о том, что 31 марта истые католики король и королева подписали указ об изгнании евреев из Испании.

Абарбанель и другие евреи, вращающиеся в высших сферах общества, сначала не очень-то встревожились. Они были уверены, что после аудиенции с королем им удастся убедить его и отменить это решение. Абарбанель и еще несколько высокопоставленных его друзей добились трех аудиенций у короля и еще одной – у королевы. Предложение внести в казну деньги, мольбы, разумные доводы – все наталкивалось на глухую стену. 30 апреля указ был опубликован. До 31 июля евреям надлежало решить: либо они переходят в католичество, либо покидают Испанию.

Многие высокопоставленные евреи не устояли перед соблазном остаться в Испании ценой перехода в другую веру; королева Изабелла, высоко ценившая Абарбанеля, была уверена, что он согласится на крещение и сможет таким образом по-прежнему приносить пользу Испании в финансовых делах. Несмотря на советы некоторых близких друзей, Абарбанелю ни на минуту не пришла в голову мысль отказаться от своей веры и своего народа. 31 июля 1492г. он с женой и детьми в числе других изгнанников отплыл из испанского порта Валенсии в Италию. Судьба во второй раз была к нему неблагоприятна. Но на сей раз это коснулось не только его – бедствие обрушилось на весь народ.

Абарбанель так же тяжело переживал это, как еврейские мыслители нашего времени восприняли Катастрофу европейского еврейства во время Второй мировой войны. Все его дальнейшее творчество отмечено печатью этой драмы. В комментариях к Танаху отражена горечь разбитых иллюзий и ужас страшных сцен изгнания².

Неаполь сначала показался надежным убежищем, но через два года, в 1494г. город был окружен французской армией короля Карла VIII, а дом Абарбанеля разгромлен. Король Неаполя бежал, бежал и Абарбанель. Девять лет он скитался, но где бы он не останавливался, снова принимался за свои комментарии и философские труды. Он был в подавленном состоянии, понимал, что его личная судьба слилась с судьбой его народа в единой беде, и писал об этом. И все же даже в самые тяжелые минуты он не теряет надежды. Именно эта мессианская надежда и дает Абарбанелю силы продолжать свои труды.

В Неаполе он составляет комментарий к книге "Млахим", на Корфу заканчивает комментарий к книге пророка Йешаягу; в Монополи, маленьком порту на Адриатическом море, пополняет комментарий к "Дварим" и к пасхальной "Гагаде". В книге "Источники Избавления"¹ он выражает свою мессианскую надежду. Наконец, в Венеции, куда он приезжает в 1503г. и где проживет последние пять лет, он пишет философские труды, такие, как "Вершина веры", а также продолжает писать свои комментарии к Танаху.

В Венеции, где его сын Йосеф был известным врачом, Ицхак Абарбанель снова занимается политической и дипломатической деятельностью при дворе, продолжая, тем не менее, уделять большую часть времени комментариям и философским трудам. Он умер в Венеции в возрасте 71 года и был похоронен в Падуе. Но во время войн, которые раздирали Северную Италию в те времена, еврейское кладбище в Падуе было разгромлено, и могила Абарбанеля так никогда больше и не была найдена.

Высокопоставленный государственный муж, комментатор Танаха и философ, Абарбанель – личность выдающаяся даже среди многочисленных незаурядных личностей в еврейской истории.

Примечания

1. Резня евреев в Севилье и в других городах Испании произошла в 1391г. Спасаясь от нее, некоторые пошли на принудительное крещение. В их числе и Абарбанель. Но, как и многие, он тайно продолжал сохранять преданность иудаизму. Португалия тогда терпимо относилась к евреям, и как только Шмуэлю Абарбанелю представился слушать, он бежал туда, чтобы иметь возможность открыто исповедовать еврейскую веру.

2. Пятьюдесятью годами позже еврейский историк Йосеф Гакоген описал ужасные условия на корабле и страшные страдания изгнанников. Многие в пути умерли от отчаяния. "Мусульмане вспарывали животы женщинам, чтобы вынуть оттуда золото, которое, как они думали, те проглотили" и, не находя его, бросали несчастных в море. Других голыми высаживали на необитаемые острова. Многих продали в рабство в Генуе и в других местах.

ГААРИ

Само имя отражает его личность и уважение, которое он внушал окружающим: "Гаари" – на иврите "лев". Но на самом деле "Гаари" – это аббревиатура слов "Гаэлоки раби Ицхак" (б-жественный раби Ицхак), или, по другим мнениям, "Гаашкенази раби Ицхак", "ашкеназский раби Ицхак" (потому что его отец приехал в Иерусалим то ли из Германии, то ли из Польши). В энциклопедиях он значится под своей фамилией: Луриа. Однако названные в его честь улицы в Израиле носят имя "Гаари".

Родился он в 1534г. в Иерусалиме, в доме, который еще и сегодня стоит в Старом городе¹, а умер в Цфате совсем молодым, в возрасте 38 лет. Незадолго до того (в 1517г.) Эрец-Исраэль оказалась под властью турецкой Оттоманской империи. Все огромное пространство от Ирака до алжиро-марокканской границы было завоевано константинопольскими султанами. В середине XVI в. султан Сулейман Прекрасным особенно заинтересовался Иерусалимом, стены которого, разрушенные еще при завоеваниях крестоносцев², он велел восстановить. Он поощрял экономическое развитие Палестины, находившейся четыре столетия под турецким владычеством (1517-1917), пока

страну не завоевали англичане в конце Первой мировой войны.

Ицхак Лурия был еще ребенком, когда умер его отец. У матери, происходившей из сефардской семьи, в Каире жил хорошо обеспеченный брат, и она считала, что у него сын сможет получить прекрасное образование. В то время за обучение нужно было дорого платить, а молодая вдова осталась без средств. Так как Египет, как и Иерусалим, был под властью турок, переехать туда с сыном не составляло труда. Благодаря дяде юный Ицхак получает очень хорошее еврейское образование у выдающихся! учителей, которые жили в то время в Каире. Он отличается исключительным умом и очень рано начинает изучать книги по Кабале и еврейской философии мистического направления. Алчущий Б-га и Абсолюта, наделенный высокой духовностью, его считают человеком, вдохновленным свыше. Его наставления редчайшей глубины слушают, затаив дыхание, его личность завораживает и излучает свет.

Но в то же время Ицхак Лурия должен был кормить семью (молодым он женился на дочери дяди). Поэтому занялся коммерцией – как, впрочем, и большинство еврейских мудрецов Эрец-Исраэль той эпохи. Таким образом, материально он ни от кого не зависел и был достаточно свободен, чтобы посвящать много времени занятиям Торой.

В 1569г. он решает вернуться в Иерусалим, но, спустя несколько недель, переезжает в Цфат, который в то время экономически процветал и был центром еврейской жизни. Свидетельства того времени описывают необыкновенную религиозную атмосферу Цфата той эпохи³: там живут триста выдающихся Раввинов, функционируют восемнадцать йешив, двадцать две синагоги. Все еврейское население города вечером собирается маленькими группами изучать Тору.

В такой религиозной обстановке Ицхак Лурия (которого отныне называют Гаари) проводит три последних года своей жизни (он умер в 1572г. от эпидемии, столь частого явления в то время – особенно в жарких странах). Сначала ученик раби Моше Кордоверо⁴ (несколько месяцев он учился у него, пока тот не умер в конце 1570г.), он сам становится учителем и имеет много учеников. Но самым близким и выдающимся из них был раби Хаим Виталь⁵. После преждевременной кончины Лурии его сочли наиболее подходящим из всех учеников, кто мог бы изложить в письменном виде учение своего учителя, "Гаари" многому научил своих учеников, но преподавал исключительно устно.

Одно из его немногих записанных произведений представляет собой поэму, написанную в честь Царицы Субботы, рефрен которой таков: "Этот день для Израиля — свет и радость". Положенная на музыку и исполняемая на различные мелодии в зависимости от места и времени, поэма и в наши дни звучит за субботней трапезой в семьях, соблюдающих традиции. Будучи поэтической натурой, Гаари сделал многое, чтобы придать субботним заповедям особое лирическое и эмоциональное настроение.

Вокруг Кордоверо и Гаари собралась целая группа знаменитых мыслителей того времени. Самый известный из них – Йосеф Каро (1488-1575). Тоже мистик, он, однако, знаменит своим произведением "Шулхан Арух", которое до сегодняшнего дня остается основным кодексом еврейских религиозных законов. Синагога в Цфате, где молился Гаари, носит его имя.

Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Нетании, Петах-Тикве.

Примечания

1. Этот дом в еврейском квартале Старого города перестроен в "Музей старого ишува", который сейчас открыт для посетителей.
2. Крестоносцы в 1099г. осадили Иерусалим. Они захватили город и устроили резню, от которой пострадали и мусульмане, и евреи. В 1187г. мусульмане под командованием султана Саладина отвоевали город. Во всех этих сражениях древние стены, конечно, пострадали и были восстановлены только при Сулеймане.
3. См. письма Шломо-Шлоймеля Менестреля, приехавшего из Моравии в Цфат в 1603г.

4. Раби Моше Кордоверо (1522-1570) – выдающийся кабалист. До прибытия Ицхака Лурии он был самым уважаемым учителем в Цфате и сыграл большую роль в создании необычно возвышенной религиозной атмосферы в городе. Главное его произведение – "Гранатовый сад". Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

5. Раби Хаим Виталь (1543-1620) – выдающийся кабалист. Он продолжал распространять учение Гаари в Цфате, потом в Иерусалиме и в Дамаске (где умер). Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

ИЗРАЭЛЬ НАДЖАРА

В XVII в. в Эрец-Исраэль, находившейся тогда под властью турецкой Османской империи, можно было говорить о настоящем еврейском Ренессансе. Цфат, Иерусалим, Хеврон и Газа были важными центрами этого возрождения, которое отразилось также и на удивительном экономическом развитии – особенно в Цфате и Газе. Текстильные фабрики в Цфате по пошиву обмундирования для турецкой армии, давали неплохой заработок жителям этого города, почти! половину которых в XVI в. составляли евреи¹.

В то время самым плодовитым поэтом был, безусловно, раби Израэль Наджара. Его первый сборник "Песни Израиля", содержащий по меньшей мере 109 поэм, вышел в Цфате в 1587г. Израэль, Наджара происходил из очень известной семьи выходцев из Испании. Его дед поселился в Константинополе после изгнания евреев из Испании в 1492 году. Отец, Моше Наджара, позже переселившийся в Цфат, был, в частности, связан с раби Моше ди Трани, одним из выдающихся еврейских философов Цфата!².

Потом Моше Наджара поселился в Дамаске – столице одной из частей турецкой империи. Еврейская жизнь там была не такой интенсивной, как в Цфате или Иерусалиме, но все же очень процветала.

Видимо, в Дамаске и родился Израэль Наджара в 1555г. Потом он долго жил в Цфате и наконец стал раввином еврейской общины в Газе, довольно большой в то время. На этой должности он оставался до самой смерти в 1625г. Этот пост занял его сын, согласно свидетельству историка Давида Конфорти³, который оставил после себя знаменитую книгу "События поколений" с очень интересными сведениями об ученых сефардских евреях XVI и XVII вв.

Некоторые религиозные поэмы Израэля Наджары (а писал он и светские стихи) вошли в сефардские сборники молитв. Самая известная поэма из них – "Ктуба", посвященная празднику Шавуот. Согласно символике мистиков Цфата, Наджара представляет Шавуот как брачный союз между Б-гом и Израилем, заключенный на Синае (потому-то поэт и назвал свою поэму "Ктуба", то есть брачный договор). Эту поэму поют каждый год на Шавуот в сефардских общинах. Улицы в Иерусалиме, Холоне, Тель-Авиве, Рамат-Гане и в других городах названы в честь Израэля Наджары.

Но есть более знаменитая поэма той же эпохи: "Леха доди" ("Иди, мой возлюбленный, навстречу твоей невесте Субботе, которую мы встречаем") другого автора, раби Шломо Галеви Алькабеца, современника Израэля Наджары. Эта замечательная поэма известна во всем еврейском мире, но не известны подробности жизни ее автора. Родился он приблизительно в 1505г., где – неизвестно. В Цфате поселился в 1535г., и стал раввином. Кабалист (Моше Кордоверо был его учеником), он был еще и талантливым оратором, комментатором Танаха и автором мистических произведений.

Но в памяти еврейских общин всего мира он, безусловно, остался именно благодаря поэме "Леха доди". Впервые она была напечатана в Вене в 1584г. – в том же году, когда в Цфате умер ее автор.

Шломо Алькабец ввел мистический и поэтический ритуал – выходить в поле вечером в пятницу, чтобы встретить субботу. Там в белом одеянии, окруженный учениками, он пел свой гимн в честь встречи "невесты Субботы".

Вот уже четыре столетия, как эта поэма поется во всех синагогах мира на различные

мелодии. Она настолько известна и настолько органично вошла в литургию в честь наступления субботы, что многие думают, будто она гораздо древнее, чем на самом деле. Генрих Гейне в одной из своих поэм ошибочно приписывает ее Йегуде Галеви, якобы написавшему ее в XII в., а многие считают, что она взята из Танаха.

Однако далеко не все города почтили Алькабеца, назвав его именем улицы. Это сделали только в Иерусалиме, Бней-Браке и Цфате.

В эпоху возрождения поэзии XVI века в Эрец-Исраэль было много других поэтов. Но Израэль Наджара и Шломо Алькабец – действительно самые выдающиеся.

Примечания

1. В конце века к турецкому правителю этой области, который жил в Дамаске, мусульмане обратились с жалобой: мол, в Цфате слишком много синагог, и евреи слишком процветают. Эти жалобы в какой-то степени стали причиной упадка Цфата в XVII в. После этого Цфат уже никогда больше не знал такого расцвета еврейской жизни, как в XVI в..

2. Раби Моше ди Трани (1500-1580) после смерти раби Йосефа Каро стал духовным наставником евреев Цфата. В этом городе есть улица его имени.

3. Давид Конфорти (1617-1690), родившийся в Салониках, занимал разные раввинистические посты в Эрец-Исраэль и в Египте. Улица в Иерусалиме носит его имя.

ЛУЦЦАТТО

Обычай давать имена выдающимся раввинам в виде аббревиатур их полного имени существует с давних времен (Раши, например) и сохранился до наших дней. Улицы, носящие имя Луццатто, в Тель-Авиве, Бней-Браке, Раанане и Петах-Тикве называются также "Рамхаль" (аббревиатура "рабейну Моше-Хаим Луццатто"). Луццатто чтят еще и за самую известную его книгу "Месилат йешарим" ("Дорога праведников"); улицы под таким названием есть в Иерусалиме и в Тель-Авиве (таким образом, в Тель-Авиве в честь Луццатто названы две улицы, что бывает крайне редко)¹.

Возможно, это связано с тем фактом, что Моше-Хаим Луццатто, Рамхаль, был натурой исключительно многогранной. Жил сон недолго – умер в 1746г., когда ему еще не было и сорока лет. "Месилат йешарим" – замечательная книга о классической еврейской морали. Но Луццатто был еще и зачинателем возрождения ивритской литературы – совсем молодым он уже сочинял пьесы. Наконец, глубина его трудов по Кабале ставила его в ряд учителей еврейской мистики спустя два века после Гаари. Таким образом, есть три аспекта его творчества.

И жизнь его протекала в трех местах, очень удаленных друг от друга: в Италии, Голландии и в Эрец-Исраэль.

Родился он в Падуе, на севере Италии в 1707г. В XVIII в. евреи, жившие в этом городе, активно участвовали в интеллектуальной жизни одного из старейших и знаменитейших университетов Италии. Семья Луццатто была одной из наиболее уважаемых еврейских семей Италии. Многие представители этой семьи были известны как поэты, переводчики, ученые в Венеции, Падуе, Триесте еще в XVII в.

Но особенно знаменитые из них – Моше-Хаим (XVIII в.) и Шмуэль- Давид (XIX в.).

Как было принято в этой семье, Моше-Хаим Луццатто получил как еврейское образование, так и познания в области общей культуры. Такое сочетание породило в нем желание обогатить ивритскую литературу так, чтобы можно было ее сопоставлять с нееврейской литературой того времени. Первую пьесу на иврите он написал в 19 лет. Это – драма на сюжет из Танаха: история богатыря Шимшона ("Маасе Шимшон"). Видимо, Луццатто был первым драматургом, писавшим на иврите, который увидел свое произведение напечатанным.

Как только Луццатто приступил к написанию пьес, у него начались мистические видения: много ночей подряд ему являлся ангел и диктовал кабалистические тексты. Луццатто собирает вокруг себя учеников и объясняет им свои ночные озарения, завораживая одних и

приводя в ужас других.

В Падуе у Луццатто были преданные друзья. Но в Венеции еврейская община была гораздо менее терпимой. И там Луццатто строго осудили. Венецианские Раввины запретили ему публиковать то, что ему диктует по ночам ангел. Луццатто уступает, но спустя некоторое время снова берется за перо. Отсюда – затяжная и мучительная ссора, которая вынудила уязвленного Луццатто покинуть Падую и Италию.

Он поселяется в Амстердаме с женой и детьми в 1735г. Годы, прожитые в Голландии, были плодотворными. В Амстердаме он написал на иврите самую известную из его пьес "Слава праведникам", книгу, посвященную морали ("Месилат йешарим") и свою главную книгу по мистике – "Клах питхей хохма" ("138 ворот мудрости").

Но Амстердам не мог утолить его жажды абсолюта. Он слишком глубоко проникся мистикой Гарри, и его непреодолимо тянуло в Цфат и в Иерусалим.

В 1743г. он со всей семьей отправился в Эрец-Исраэль. Как проходило это долгое путешествие, нам неизвестно. Мы только знаем, что они прибыли в Акко, который в те времена был самым лучшим портом Страны Израиля.

О трех или четырех годах, проведенных в Луццатто в Эрец-Исраэль, нам тоже ничего не известно. Может, он остался в Акко, а может, переехал в Цфат, или в Тверию, или в Иерусалим. Мы только знаем, что всю семью унесла эпидемия чумы или холеры, которая в ту эпоху часто свирепствовала на Ближнем Востоке. Раввины Тверии сообщили о его смерти в письме, где есть редкая хвала, которая до этого была адресована лишь великому Рамбаму: "От Моше (Моше-рабейну) до Моше (Луццатто) не было подобного Моше-рабейну". Монументальные произведения Рамхаля – главное его наследие.

Конечно, в наши дни его пьесы мало кто читает. А меж тем они более ста лет служили классическим справочным пособием для тех, кто пытался писать на иврите художественные произведения, чтобы опровергнуть мнение, что это сугубо религиозный язык. Но в наше время богатая ивритская литература затмила драмы Луццатто. Однако следует воздать ему должное как зачинателю.

Вклад Рамхаля в еврейскую религиозную философию полностью выдержал испытание временем. "Клах питхей хохма" изучается всеми, кто хочет углубить еврейскую мистику. Это широкое введение в цфатскую школу Кабалы, обогащенную личным вкладом Луццатто.

Но еще больше его известность связана с книгой "Дорогой праведников". Эта книга принесла ему почет и уважение во всех йешивах – особенно в Польше, где ее было даже принято учить наизусть. Она выдержала бесчисленное количество переизданий, переведена почти на все языки, на которых говорят евреи, рассеянные по всему миру. Сегодня в Израиле этой книгой восхищаются во всех религиозных кругах. Написанная достаточно простым и совершенно прозрачным языком, она в силу своей высокой морали отвечает требованиям и поныне актуальным. Приведем один всего пример: "Когда человек поглощен материальными заботами, мысли его как бы связаны ими; они не дают сердцу оказать действие. Безусловно, человек должен зарабатывать на жизнь, но не обязательно так глубоко погружаться в дела и профессию, чтобы не оставалось времени служить Б-гу". Книга "Месилат йешарим" заслуживает того, чтобы в ее честь были названы улицы.

Спустя сто лет Шмуэль-Давид Луццатто тоже прославился в Италии. Он тоже удостоился быть названным своими инициалами: Шадал (Шмуэль-Давид Луццатто); многие улицы названы в честь него: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Бней-Браке, Герцлии. Его жизнь, более безмятежная, чем жизнь Рамхаля, вся прошла в Италии, в Падуе (1800-1865). В Падуе он вступил в переписку с самыми большими еврейскими мыслителями, рассеянными по Европе в середине XIXв. Его 700 писем на библейские или философские темы представляют собой как бы главы одной книги; они были изданы во многих томах. Он писал также стихи, комментарии к Танаху, труды по грамматике. Чаще всего на иврите,

но и по-итальянски.

В 1829г. в Падуе был основан раввинистический колледж; Шмуэль-Давид Луццатто стал там преподавать Танах, еврейскую историю и философию. Он составил антологию средневековой еврейской поэзии, которая была очень популярна в конце XIXв. и внесла большой вклад в пробуждение интереса к ивритской поэзии.

Примечания

1. Мы уже говорили о том, что есть улицы, названные именем Йегуды Галеви и его книги "Кузари".

ГАГРА И БААЛ-ШЕМ-ТОВ

Эти два совсем разных человека диаметрально противоположно понимали и преподавали иудаизм. А жили в одно и то же время: в XVIII в. и даже почти в одном и том же месте: в Восточной Европе.

Пользовавшийся уважением даже у своих противников, Элиягу бен Шломо-Залман всегда был известен под именем "Виленский гаон". Был он известен еще и под аббревиатурой Гагра. Многие улицы названы в его честь либо тем, либо другим вариантом его имени в Иерусалиме, Тель-Авиве, Петах-Тикве, Кфар-Саве, Ришон-Леционе, Нетании, Холоне. В виде исключения в Рамат-Гане улица названа его полным именем: "Гаон Элиягу".

Среди музыкантов бывают вундеркинды, которые в пять-шесть лет уже сочиняют серьезную музыку. Есть вундеркинды и в области еврейских познаний. Одним из них был Виленский гаон. В шесть лет он прочел лекцию в виленской синагоге и блистательно ответил на все вопросы, которые ему задавал раввин. Всю свою долгую жизнь (1720-1797) он только и делал, что учился, учил и писал. Но его произведения -главным образом комментарии к Танаху, Талмуду и другим книгам по еврейской традиции – были опубликованы лишь после его смерти. Об этом позаботились его дети и ученики.

После женитьбы в восемнадцатилетнем возрасте он посетил большие еврейские общины в Германии и Польше. Но там он оставался недолго. Обосновался он в Вильно, откуда не выезжал до конца своих дней. Напряженность его религиозных занятий превосходила все, что можно себе представить. Он даже мало выходил из дому и не позволял себе никаких развлечений. Его окружали, кроме семьи, несколько друзей и узкий круг учеников, от которых он требовал очень высокого уровня знаний. Его сыновья утверждали, что спал он не больше двух часов в сутки и же более получаса подряд. Молитва, занятия, обучение – ничего другого он не знал и накапливал феноменальные знания и мысли благодаря удивительной памяти и выдающемуся уму.

Он не занимал никакого официального поста в виленской общине. Но фактически он был ее духовным вождем и пользовался непререкаемым авторитетом.

Совсем молодым он посвятил себя изучению естественных наук, географии, математики и астрономии, чтобы лучше постичь некоторые места в Талмуде. Всю жизнь он продолжал углублять познания в этих дисциплинах, считая, что без них нельзя правильно понимать Тору. Он открыто выражал неодобрение тем, кто пренебрегал изучением этих областей знания (а такое пренебрежение было очень распространено в то время среди ученых талмудистов).

Хотя Виленский гаон жил очень замкнуто, он, как мы видим, готов был открыто занимать ту или иную позицию по важным религиозным вопросам. Особо часто и резко он вмешивался в борьбу против хасидизма.

Зачинателем этого движения был Исраэль бен Элизер (1700-1760). Он родился в Подолии в бедной семье. Очень рано осиротел. Он часто удирает из школы в лес помечтать. Словом, с ранних лет был полной противоположностью Виленскому гаону.

В 18 лет его женили, но вскоре после свадьбы жена умерла. Он женился второй раз и уехал с женой в Карпатские горы, где они содержали постоянный двор. Потом его ученики будут говорить, что именно в эти годы, когда он жил на природе, сложилась его личность и

проявились выдающиеся способности исцелителя. Тогда его и начинают называть Баал-шем-тов, как традиционно называли раввинов, совершавших чудеса. Потом Баал-шем-тов сократили до "Бешт". Таким именем и назвали в его честь улицы в Иерусалиме, Петах-Тикве, Бней-Браке и еще в нескольких городах.

Почему так мало городов чтят его имя, трудно понять, ведь у него был на редкость много учеников в Польше конца XVIII в., и память о нем хранит бесчисленное количество евреев в Израиле и во всех странах рассеяния. А вот в мире йешив не проходят "учения" Бешта. Потому что Израэль бен Элизер ничего не написал. Хасидизм, особенно в том столетии, которое последовало за смертью Бешта, завладел народными массами, а не учеными. Для Бешта главным было погружение в молитву, а уж потом изучение Торы. И в этом причина непримиримой вражды Виленского гаона к Бешту и его последователям.

Его репутация необыкновенного человека уже утвердилась, когда в 1736 году он покидает Карпаты и возвращается на Подольщину. Он поселяется в Меджибоже и остается там до самой смерти. Отныне в это местечко стекаются евреи со всей Польши, чтобы послушать его.

Его учение навсегда осталось устным, он не написал ни одной книги, ровно ничего. Он проповедовал, главным образом, любовь к Б-гу в радости и в доверии. Нет такого униженного или порочного, если его раскаяние искренно, которого Б-г в своем бесконечном милосердии не мог бы простить. Тора должна быть источником радости; любовь к Б-гу должна наполнять верующего ликованием: никакого аскетизма – только радостное рвение, воодушевление при исполнении б-жественных повелений и горячие молитвы, усиленные пением и даже танцами.

При всем при этом Бешт не был новатором. Его идеи имели опору в древней еврейской традиции и никогда не переставали преподаваться в народе Израиля. Новое же состояло в том, что Бешт поставил акценты на некоторых аспектах, которые старались предать забвению. В йешивах молитве зачастую отводилось минимальное место, радость представлялась неуместной, песни – пустяками. Бешт вернул молитве ее значение в радости, иногда в ущерб занятиям (в этом его и упрекают противники). "Все, что я могу сделать, – говорил он, – это благодаря молитве, а не занятиям". Молитва действительно превратилась в истинный центр религиозной жизни – будь она ученой, строго соответствующей ритуалу, или чисто эмоциональной, даже примитивной.

Есть такое очень известное хасидское сказание. Однажды, проходя полем, Бешт увидел пастуха, собиравшегося горячо произнести весь алфавит подряд. Бешт удивился. "Просто я не знаю обычных молитв, – ответил пастух, – вот и пою Б-гу буквы: Он-то наверняка сумеет составить из них слова, подходящие Его славе."

В поисках Б-га, в преданности Ему важнее всего рвение. Невежда, как и ученый, простак, как и умник, могут дойти до одинакового рвения. Но человек, достигший вершины и почувствовавший дыхание Б-га на себе, достигший необычайной нравственной силы, которую он ставит на службу другим, – это "цадик", который может выступать перед Б-гом за своих братьев и тем самым во многих случаях творить чудеса. Поэтому вера в цадика, праведника – одно из следствий учения Бешта.

По мере того, как хасидизм после смерти Бешта набирал силу, ожесточалось сопротивление ему Виленского гаона. Началась настоящая борьба между последователями Виленского гаона, которых тогда стали называть "митнагдим" ("протестующие"), особенно многочисленными в Литве, и последователями Бешта, особенно многочисленными в Галиции.

Из числа последних самый выдающийся раби Шнеур-Залман (1747-1812). В своей главной книге "Танья" он излагает философию хасидизма, подчеркивает значение как молитвы, так и занятий Торой. Он стал родоначальником нового движения в хасидизме, который требует больше знаний, и которому он дал название "Хабад" (аббревиатура трех ивритских

слов: *хохма* – мудрость, *бина* – ум, *даат* – знание)¹. Его сын, Раби Дов-Бер, поселился в Любавиче, в местечке под Смоленском. Такой хасидизм, который соединяет занятия Торой с радостью песен и выполнения заповедей начал пользоваться особым успехом в XX в. Последователи Виленского гаона и последователи Бешта переселяются в Эрец-Исраэль начиная с первой четверти XIX века. Их потомки остаются непримиримыми, особенно их ученики. Непримиримость иногда проявляется в Израиле и в США, где "Любавичский ребе", нашел убежище во время Второй мировой войны.

1 Улицы под названием "Хабад" есть в Иерусалиме, Тель-Авиве, Нетании, Ришон-Леционе.

МОЗЕС МЕНДЕЛЬСОН

В XVIII в. он сыграл значительную роль в развитии современной еврейской философии и ее внедрения в мировую культуру. В следующем веке и до наших дней он считался и считается противоречивым еврейским мыслителем: некоторые видят в нем гениального философа, которым Израиль может гордиться, для других он причина отхода западных евреев от еврейства и главный идеолог ассимиляции. В Иерусалиме ни одна улица не названа в его честь, а в Тель-Авиве, Беэр-Шеве и Холоне, наоборот, названы.

Вся его жизнь (1729-1786) прошла в Германии, охваченной духом просветительства, что сильно повлияло на его философию. Он родился и вырос в маленьком саксонском городке Дессау к юго-востоку от Берлина. С молодых лет он выделялся незаурядным умом и с завидной быстротой усвоил все, чему его обучали, все, что он читал. Всегда склоненный над книгой, он под конец серьезно заболел. Болезнь прошла, но он остался горбатым.

В небогатой семье он получил традиционное еврейское образование, но не удовлетворился им. В 14 лет он один отправляется в Берлин, тяжело работает, чтобы прокормить себя, сначала счетоводом, потом воспитателем в богатой еврейской семье. Но все свободное время он изучает сам латынь, математику, философию.

В 1754г., когда ему было 25 лет, он познакомился со знаменитым немецким писателем Готхольдом-Эфраимом Лессингом, который сразу же был покорен блистательным умом молодого эрудита. Лессинг ввел его в высшие философские и литературные круги немецкой столицы, и все восхищались "молодым евреем, который пишет по-немецки". Вскоре он был представлен королю-философу Фридриху II, который присвоил ему статус "покровительствуемого еврея". Мендельсон постепенно становится знаменитым, его дружба с Лессингом была широко известна, и писатель наделил героя своего произведения "Натан Мудрый" своего еврейского друга.

Известность Мендельсона достигла апогея в 1763г., когда был академический конкурс по философии: он занял на нем первое место, а великий Иммануэль Кант – второе. Предмет состязания был следующий: "Поддаются ли метафизические науки столь же очевидным доказательствам, как науки математические?" Четырьмя годами позже, в 1767г. выходит в свет его "Федон", после чего его начинают называть "Немецким Платоном". Написанное изысканным немецким языком, произведение пользовалось бешеным успехом в эпоху, когда "дух просветительства" упивался философией. Оно переиздавалось пятнадцать раз, переводилось на все европейские языки, а также на иврит. Оно стало любимой книгой самых известных правителей, они мечтали удостоится чести побеседовать с Мендельсоном.

Тогда же он берется за перевод Танаха на немецкий, который занимает много времени – тем более, что он хочет снабдить перевод еврейским комментарием, чтобы дать объяснения, соответствующие проблемам, стоящим перед человеком его времени. "Пятикнижие" он закончил в 1783г. Дальше – "Шир-гаширим", которую Мендельсону удалось закончить, но дальше он не смог продвинуться.

Наконец, в том же 1783 году выходит в свет фундаментальный труд Мендельсона "Иерусалим", который в то время читали гораздо меньше, чем "Федон", но который, тем не менее, остается вершиной его философии и его истинным философским и религиозным

завещанием.

В 1786г., когда ему было 57 лет, он внезапно умер, оставив шестерых детей. Двое стали особенно известными: старшая дочь Доротея, которая позднее приняла христианство и во втором браке стала женой немецкого писателя Фридриха Шлегеля, и сын Абрахам, тоже принявший христианство, который стал отцом композитора Феликса Мендельсона-Бартольди.

В то время перевод Торы на немецкий Мендельсона получил широкий отклик. Почти тысячу лет со времени рава Саадьи-гаона², который перевел Тору на арабский, ни один еврей Тору не переводил. Классический перевод на немецкий сделал Лютер за двести лет до Мендельсона, но язык его был архаичным, устаревшим. Мендельсон преследовал две цели: ознакомить христиан с Торой в современном хорошем переводе и дать возможность евреям, зачастую говорившим на плохом немецком, улучшить язык чтением священного произведения, содержание которого они тогда почти все знали на иврите.

Главное произведение Мендельсона "Иерусалим" представляет собой параллельный анализ христианства и иудаизма. Оно написано по-немецки и содержит упрек христианству за нетерпимость по отношению к иудаизму. А иудаизм он определяет как "двойной конформизм действий благодаря великой свободе мысли". Такое определение объясняет противоположные суждения об этом произведении. Судя по содержащейся в нем заботе о соблюдении религиозных предписаний и их незыблемости, он ортодокс. Но его утверждение о полной свободе мысли зачисляет его в ряды главных реформистов. В следующем веке и одни и другие с полным правом могут считать Мендельсона своим вождем.

О нем, как и о Луццатто, его поклонники сказали: "От Моше до Моше не было подобного Моше".

Примечание

1. Саадья бен Йосеф, прозванный Саадьей-Озоном (882-942), первый великий еврейский философ средневековья. Его именем названы улицы во многих городах, в частности в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Бней-Браке, Герцлии, Нетании, Ришон-Леционе.

Прожив много времени в Египте, где он родился, переехал в Вавилон, где возглавил Талмудическую академию в Суре. Писал свободно на иврите и арабском. Пользовался огромным авторитетом в еврейском мире той эпохи, откуда и титул "гаон" (гений), которое сохраняется за ним уже более тысячи лет. Его перевод Торы на арабский - всего лишь часть его наследия, которое в области философии очень значительное.

МОШЕ МОНТЕФИОРЕ

Все, кто живет в Иерусалиме или кто бывал в нем, знают мельницу, которую он выстроил, и рядом выставленную (после восстановления) карету¹, в которой он много раз развезжал по Европе. Моше Монтефиоре был человеком незаурядным, и не только потому, что умер в сто лет. В его честь названы улицы в Тель-Авиве, Беэр-Шеве, Холоне, Петах-Тикве, Рамат-Гане, Рамле, Цфате и в других городах Израиля. В Иерусалиме целые районы носят его имя, но скромно, каким он и сам был, без фамилии, просто Моше: Йемин-Моше, Огель-Моше, Зихрон-Моше, Кирьят-Моше. Они названы в честь него потому, что их строительство началось благодаря его финансовой помощи и моральной поддержке.

Кто же этот человек, любивший Иерусалим и щедро жертвовавший за него деньги? Он был самой знаменитой еврейской личностью XIXв., пока не появился Герцль. Герцль был подобен метеору, который посвятил девять лет из своей короткой жизни служению своему народу. Моше Монтефиоре светил менее ярким светом, но прослужил своему народу шестьдесят лет из своей долгой жизни. Он родился в 1784г. в Ливорно (северная Италия), но вырос в Лондоне. Энергичный, живой, проявлявший большие способности в области ведения дел, он занимал совсем молодым очень важное место в развитии экономики начала XIX в. Его идеи (новые в то время) страхования, с одной стороны, и газового освещения –

с другой, наконец, его партнерство с миллионером Натаном Ротшильдом, которому он стал шурином, позволили ему достичь полного материального благополучия уже в возрасте сорока лет.

Но в отличие от очень многих бизнесменов, которых ослепляет успех и которые всегда мечтают о еще большем богатстве, Моше Монтефиоре довольствовался тем, что у него уже было. Блестящий ум своего времени, он посвящает себя служению иудаизму. Он и его жена Йегудит в полном согласии между собой никогда не оставляли без ответа просьбу еврея прийти на помощь, где бы он ни находился.

В 1827г. (Монтефиоре было 43 года) отложив все дела, он отправляется с женой в первое путешествие в Эрец-Израэль – потому что любовь к Иерусалиму и к Израилю жила в нем с самого детства. Супругов сопровождает их друг, слуга и повар, поскольку они едят только кашерное. В те времена подобные путешествия были долгими и опасными. На Среднем Востоке свирепствовала холера. Монтефиоре и всех, кто был с ним, неоднократно держали в карантине по пути туда и обратно. Наконец, из Яффо до Иерусалима можно было добраться только на лошадях, другого транспорта не было. В Иерусалим нужно было въезжать на муле, рискуя попасть в руки разбойников, прятавшихся за поворотами тропинок. Но уж очень они хотели туда попасть.

Любовь к Иерусалиму не покидала Монтефиоре всю его жизнь. Он ездил в Эрец-Израэль еще шесть

раз, последний – когда ему был 91 год (в 1875г.), уже без жены, которая умерла раньше него. Невозможно здесь перечислить все, что Монтефиоре сделал для Эрец-Израэль, все, что он предпринял. Мы ограничимся лишь несколькими выдающимися делами.

Первая перепись еврейского населения в Стране Израиля (не очень точная) была проведена его стараниями. Первая проезжая дорога от побережья до Иерусалима была проложена благодаря ему. Первая оранжерея, возделанная евреями на севере Яффо, где сегодня самый центр Тель-Авива и улица Монтефиоре, – тоже была создана благодаря ему. Он подвиг евреев Иерусалима выйти за его стены, расширить город к востоку, сделать современные сточные трубы в старом городе, привести в порядок могилу Рахели в Бейт-Лехеме, давать образование девочкам...И еще многими-многими областями повседневной жизни в Эрец-Израэль XIX в. занимался Монтефиоре. Если его старания не всегда имели успех, они, по крайней мере, способствовали первым шагам, следуя которым другие добивались успеха потом. Вот всего один пример. Дома, которые построили благодаря ему вне старых стен Иерусалима, сначала совсем не пользовались успехом. Но спустя двадцать лет, появились уже целые новые кварталы, некоторые были выстроены на деньги Монтефиоре. Район Кирьят-Моше в Иерусалиме, построенный спустя лет сорок после его смерти, еще воспользовался остатками фонда Монтефиоре (отсюда и название района).

Не только евреи Эрец-Израэль пользовались существенной помощью Монтефиоре. В своей карете с женой и сопровождающими он появлялся повсюду, где еврей нуждался в помощи.

В 1840г. евреев Дамаска обвинили в убийстве французского священника, труп которого обнаружили, а убийцу найти не удалось. Дело было в феврале. Снова был пущен в ход средневековый миф о том, что евреи совершают ритуальное убийство, чтобы употребить для мацы на Песах христианскую кровь. Уважаемых членов еврейской общины Дамаска арестовали и пытали. Двое под пытками умерли. Опасались массового избиения евреев Дамаска. Семьи обратились за помощью к евреям Западной Европы. При поддержке королевы Виктории Монтефиоре поехал в Египет, под властью которого тогда находился Дамаск. С ним поехал Адольф Кремье из Франции. Они добились освобождения арестованных евреев.

Несколько слов о Кремье. Французский адвокат и политический деятель, Кремье (1796-1880) был одним из основателей в Париже Всемирного еврейского союза (на иврите: "Кол

Израэль хаверим"). Улицы в Иерусалиме и Тверии названы в честь этого Союза, а именем самого Кремья названы улицы в Иерусалиме, Хайфе и Тель-Авиве. В 1870 году Союз создал первую сельскохозяйственную школу в турецкой Палестине и назвал школу "Миквэ-Израэль" (слова из книги пророка Ирмеягу, 14:8 и 17:13). Школа находилась тогда в нескольких километрах от Яффо, а теперь она – между Тель-Авивом и Холонем. Школа продолжает разрастаться и сейчас насчитывает более тысячи учеников. Улицы под названием "Миквэ-Израэль" есть в Тель-Авиве, Холоне и Иерусалиме. Во главе комитета директоров Союза стоял Шарль Неттер, которому и принадлежала мысль о создании этой школы и который все силы вложил в ее развитие. Около нее он и похоронен. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Рамат-Гане.

В 1840г. Монтефиоре был в Константинополе. Там он и узнал о декрете султана о том, что заявление о ритуальном убийстве – навет на евреев. Этим декретом освобождались из заключения евреи Дамаска.

Известность Монтефиоре после успеха с "Дамасским делом" возросла. К нему обращались евреи многих стран, и он отвечал на все письма, на все просьбы. Он советовал, поддерживал, помогал, посылал деньги. В серьезных случаях прибегал к личному вмешательству.

Так, он решил попросить аудиенции у царя Николая I. Тот только что предпринял меры, тяжело ударившие по евреям России: запретил проживать ближе, чем на 50 верст от западной границы.

Согнанные с насиженных мест, вынужденные ютиться в черте оседлости и без того переполненной, евреи обратились к Монтефиоре за помощью. Он тут же отправился в путь с женой и свитой. Путешествие длилось месяц, и в Санкт-Петербург они попали в конец холодной зимы. Аудиенция состоялась 9 апреля 1846г. Царь был любезен с этим незаурядным евреем, другом английской королевы, и пообещал ему облегчить судьбу евреев. Царь разрешил Монтефиоре посетить черту оседлости, где его встречали с большим воодушевлением. К сожалению, царские обещания выполнены не были, и все осталось по-прежнему. Через двадцать шесть лет, в июле 1872 году Монтефиоре овдовел и в возрасте 88 лет снова отправился в Санкт-Петербург. Царь Александр II начал вводить реформы в пользу евреев. Монтефиоре хотел выразить ему внимание в дни празднования двухсотлетия со дня рождения Петра Первого. В дневнике, который он вел каждый день, он записал: "Его Императорское Величество покидает место летних учений и приезжает в Зимний дворец специально, чтобы избавить меня от лишнего утомления ввиду моего преклонного возраста... У меня нет слов, чтобы описать, какие теплые чувства выказали мне его Императорское Величество и члены правительства." Но и на этот раз любезные слова царя служили всего лишь ширмой для его истинных намерений. Ибо вслед за коротким периодом относительной либерализации в первые годы царствования Александра II уже наступил период все ужесточающихся мер относительно евреев.

Тем не менее, тот факт, что Монтефиоре был дважды принят царями всея Руси, чрезвычайно усилило его популярность.

Встреча с султаном Марокко была более эффективной. Она состоялась в феврале 1863 года в Марракеше, который был тогда столицей. В Марокко в те времена евреи составляли около половины миллиона. Султан принял Монтефиоре, как князя, и марокканские евреи ему оказали необычайно горячий прием. Монтефиоре прежде всего попросил освободить несправедливо осужденных девять евреев, и его просьба была удовлетворена. Но он также просил, чтобы положение всех евреев страны было улучшено. Он хотел, чтобы были отменены некоторые знаки дискриминации, например, указ ходить по улицам босиком. Султан внял этим просьбам и издал наказ правителям провинций обходиться с евреями справедливо и наравне с другими подданными султана. Даже если на деле все эти обещания и не были выполнены, заступничество Монтефиоре несомненно сыграло очень

положительную роль для евреев Марокко.

В 1867 году он поехал выручать евреев Румынии. Проездом во Франции он нанес визит вежливости Наполеону III. Но прибыв в Бухарест, он встретил недружелюбный прием, что осложнило выполнение задачи. Все же отношения, которые он наладил во время поездки, позволили ему позднее повлиять на Берлинский договор 1878 года, который давал гражданские права евреям Румынии. К сожалению, румынский правитель не соблюдал договора.

Когда он праздновал у себя в Рэмсгейте на юге от Лондона, 99-й день рождения, это был настоящий праздник для всех друзей. Письма и телеграммы поступали десятками тысяч со всего света. Евреи и неевреи стремились поздравить его. В Рэмсгейте пришлось открыть специальное почтовое отделение.

В подарок он хотел получать деньги, чтобы увеличить пожертвования на Эрец-Исраэль. Он заказал новый свиток Торы для частной синагоги переписчику, который уже давно жил у него в доме. В прошлые годы он ему уже заказал двадцать четыре экземпляра, большинство из которых было роздано в синагоги бедных районов.

В октябре 1884 года ему исполнилось сто лет. В честь такой годовщины мэр Рэмсгейта велел выстроить две триумфальные арки и украсить весь городок цветами и знаменами. Размноженный сотнями тысяч экземпляров портрет Монтефиоре висел во всех еврейских домах от России до Марокко, не говоря уж о Иерусалиме.

Он умер в июле 1885 года, оставаясь в ясной памяти до самой последней минуты. Похороны тоже стали многолюдными выражениями уважения и благодарности. Уже при жизни он вошел в историю своего народа, который его не забывает.

Улицы и районы, носящие его имя в Израиле, напоминают нам о неслабеющем почтении к нему. Более того, известный израильский певец, родившийся в Иерусалиме, сделал популярной среди молодежи прекрасную песню о выдающихся заслугах перед всем еврейским народом этой незаурядной личности.

Примечания

1. Подлинная карета стояла, пока ее не сожгли хулиганы. На ее место поставили воспроизведенную по сгоревшему образцу.

ЛЕОН ПИНСКЕР

Леон Пинскер пользуется в Израиле особой известностью. Более дюжины городов назвали его именем свои улицы: Иерусалим, Тель-Авив, Хайфа, Герцлия, Реховот, Хедера, Акко, Нетания, Петах-Тиква, Ришон-Лецион и многие другие.

Пионеры, прибывшие в основном из России в конце XIX в., были основателями многих поселений в Эрец-Исраэль. Имя Пинскера им было хорошо знакомо, и, вполне естественно, они чтят его память – даже спустя много лет после его смерти в 1891 году.

Пинскер был своего рода предшественником Герцля – тех идей, которые еще не назывались "сионизм" (поскольку слово это появилось лишь в 1890 г. из уст Натана Бирнбаума¹).

Он родился в Польше в 1821 году и, хотя был евреем, приехал в Москву изучать медицину, а в 28 лет переселился в Одессу уже как врач. Этот город, еврейская община которого насчитывала почти 100 000 человек, в конце XIX века стал очагом самых горячих сторонников заселения Эрец-Исраэль. Там Пинскер остается до конца своих дней. Его занимает судьба евреев Польши и России. Он уверен, что все могло бы для них сложиться лучше, если бы они осовременились и постарались бы вписаться в окружающую среду. Эту мысль он выражает во многих статьях, опубликованных, в частности, в первом еврейском еженедельнике на русском языке "Рассвет", основателем которого он и был.

Но в 1881 г. все меняется. После убийства Александра II по России прокатилась волна погромов – особенно на юге, от Киева до Одессы и по всей Украине. Оптимизм Пинскера рухнул. Ассимиляция, как он понял, отнюдь не избавляет евреев от их несчастий. Только

создание национальной автономии где-нибудь вне России может дать ответ на так называемый "еврейский вопрос".

Пинскер сближается с уже существующими кружками, которые собирают деньги для посылки эмиссаров в Палестину (в то время под турецким владычеством) в целях подготовки алии. Такие кружки были в разных местах Польши и России, и между ними не было координации. Самым активным был в конце 1881г. харьковский кружок совсем молодых людей, возглавляемый Исраэлем Белкиндо² и ставивший своей целью поселиться в Эрец-Исраэль и там обрабатывать землю. Они решили назвать себя "Билу" – аббревиатурой слов из книги пророка Йешаягу (2:5) "Бейт Яаков, леху венелха" ("Дом Яакова, давайте пойдём..."). Из этого харьковского кружка примерно в 300 человек только шестнадцать переехали в Эрец-Исраэль в 1882г. Решив обрабатывать землю, они были действительно первыми в деле возрождения еврейского сельского хозяйства, и в этом заключается их историческая роль, хоть их и было крайне мало³.

Были они неумелыми, без денег, и их начинания в Ришон-Леционе, а затем в Хедере и Самарине оказались крайне слабыми и вызвали, в конечном счете, одно разочарование. Чтобы поддержать их, понадобилась помощь барона де Ротшильда, и объединение разрозненных кружков в движение "Ховевей Цион" ("Любящие Сион"). Оно состоялось на конференции в Катовице (1884) под влиянием Пинскера, который согласился быть председателем этого движения.

Бурление идей, которое привело к движению "Ховевей Цион" (или, как его еще называют "Хибат Цион"⁴) началось на 30 лет раньше, вместе с движением "Гаскала"⁵ (просвещение). В то время, когда началось обновление иврита (которое было блистательно закончено потом Элизером Бен-Йегудой), Гаскала проповедовала идеи национального обновления, благодаря первым журналам на иврите – "Гамелиц" (который выходил в Одессе, начиная с 1860г., потом, после погромов в 1871г., в Одессе и Санкт-Петербурге), "Гамагид" и "Гашахар"⁶. Последний издавался в Вене под редакцией Переца Смоленскина, который тоже был среди тех, кто возрождал иврит⁷.

Термин "Хибат-Цион" распространился после выхода в свет романа, написанного Аврагамом Мапу на иврите и названного: "Агават-Цион". Этот роман начал сразу же пользоваться огромным успехом. Тотчас же после его опубликования в 1856г. он был переведен на шесть или семь языков, поскольку тогда еще очень мало евреев могли прочесть его на иврите. Действие романа происходит в Иудее, в эпоху царя Хизкиягу и пророка Йешаягу в Иерусалиме. Отсюда и название, которое выражает традиционную любовь евреев к святому городу Иерусалиму. В Израиле много улиц Мапу в честь этого популярного в свое время автора – в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Реховоте, Петах-Тикве, Ришон-Леционе и в других).

Пинскер плохо знал иврит. Его программная книга "Автоэмансипация" вышла по-немецки (1882), но она подвела серьезную идеологическую базу под движение "Ховевей Цион". Однако Пинскер не был уверен, что "тот клочок земли, который мы получим в собственность и откуда никто нас не сможет выгнать, будет Эрец-Исраэль. Возможно, что вся святая страна и станет нашей собственностью. Тем лучше. Но не в этом суть. Речь идет раньше всего о том, чтобы выяснить, какая страна готова предложить убежище евреям, вынужденным покинуть их страны."

В этом отношении Пинскер высказывал мысль, которую спустя двадцать лет выскажет Герцль. Но не такая идеология двигала евреями, когда они требовали только Эрец-Исраэль. Эти евреи принадлежали к народным массам, любившим Сион всем своим существом. Это были кружки "Ховевей Цион", поддерживаемые такими людьми, как Лиленблюм* и Макс Мандельштам⁹, которые стимулировали основание первых сельскохозяйственных центров в Эрец-Исраэль.

Пионеры 1881-1890гг. получали моральную и материальную поддержку "Ховевей Цион".

Благодаря им сионистское политическое движение Герцля обрело конкретное основание. "Практический сионизм" предшествовал сионизму политическому. Рождение таких поселений, как Реховот, Ришон-Лецион, Зихрон-Яков, осуществилось благодаря "Ховевей Цион" и поддержке Эдмонда де Ротшильда. Но в конце концов Пинскер стал их защитником. Эдмонд де Ротшильд сказал ему прямо, когда тот приехал в Париж с настоятельными просьбами, что он, Ротшильд, будет сотрудничать с "Ховевей Цион", помогать пионерам в Эрец-Исраэль при условии, что Пинскер будет председателем этого общества. Вот почему Пинскер, который собирался уйти с этого поста, остался несмотря на пошатнувшееся здоровье.

Когда к 1890г. турки наложили ограничение на еврейскую иммиграцию, Пинскер пал духом. Он задался вопросом, не нужно ли усматривать хороший выход из положения в эмиграции евреев в Аргентину, которую устраивал барон Морис де Гирш¹⁰. Но у Пинскера не осталось времени на размышления: он скончался в 1891г. Его похороны в Одессе вылились в церемонию воздаяния почестей за заслуги.

В 1934г. его останки были перевезены в Иерусалим и погребены на горе Скопус рядом с университетом.

"Автоэмансипация" Леона Пинскера остается еще и сегодня обязательным чтением для того, кто хочет понять процесс развития национального самосознания у евреев.

Примечания

1. Натан Бирнбаум (1864-1937) философ и журналист, жил, в основном, в Вене и в Берлине. Сначала был последователем Герцля и приверженцем политического сионизма, он затем перешел на сторону "культурного сионизма" Ахад-Гаама и, наконец, пришел к строгой ортодоксии "Агудат-Исраэль". В Иерусалиме и Тель-Авиве есть улицы его имени.
2. Он переехал в Эрец-Исраэль в 1882г. с группой билуйцев и стал одним из первых воспитателей в стране. Улицы носят его имя в Тель-Авиве, Ришон-Леционе, но фамилия Белкинд может относиться и к другим членам семьи, которые играли большую роль в Палестине – особенно между 1882 и 1918гг.
3. В Израиле есть много улиц "Билу" – в частности, в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Нетании, Петах-Тикве. Мошав под Реховотом носит название "Кфар-Билу". Он был основан в 1932г. в честь пятидесятилетия со дня приезда билуйцев в Эрец-Исраэль.
4. Два названия-синонима – "Ховевей-Цион" и "Хибат-Цион" – даны улицам в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Рамат-Гане, Петах-Тикве и т.д.
5. От ивритского корня *сехель* – "ум", слово Гаскала" аналог термина "просвещение", вошедшему в употребление в Европе с XVIII в.
6. В Иерусалиме улицы носят названия этих журналов, а также в Тель-Авиве, Хайфе, Петах-Тикве и т.д.
7. Журналист и талантливый прозаик, Смоленский (1842-1885) жил сначала в Одессе, потом в Вене. В его честь названы улицы во многих городах Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве и т.д.
8. Моше-Лейб Лилиенблум (1843-1910) родился под Ковно, но в 25 лет переехал в Одессу. Талантливый журналист, он резко критиковал раввинов и йешивы. Почти все его статьи написаны на иврите. После погромов 1881г. он становится горячим сторонником "Ховевей Цион" и пишет много статей в "Гамелице" и "Гашахаре") в поддержку еврейского национализма и "практического сионизма". Его именем названы улицы в Тель-Авиве, Холоне, Ришон-Леционе и т.д.
9. Макс-Имануэль Мандельштам (1839-1912) был из семьи в которой многие (его отец, дядя) были горячими сторонниками "Гаскалы". Он изучал медицину и стал известным офтальмологом- В его клинику в Киеве приезжали издалека. Погромы 1881г. толкнули его на борьбу в рядах "Ховевей Цион". Позднее он был горячим последователем Герцля но после Сионистского конгресса 1903г. стал последователем Зангвилля и других

сторонников "территориализма". В Тель-Авиве и в других городах есть улицы его имени. 10. Барон Морис де Гирш (1831-1896) из семьи немецких евреев исключительно богатой, сначала финансировал строительство железной дороги "Восточный экспресс", соединившей Константинополь с Парижем. Свое огромное состояние он употреблял на филантропические дела – в частности, помогая жертвам погромов эмигрировать из России. В 1891г. он основывает Ассоциацию еврейских колонизаторов которая дает возможность еврейским беженцам селиться в различных странах – в основном, в Аргентине, но также и в США и в Канаде. План создания еврейского государства в Палестине он считал утопией и поэтому не поддерживал "Ховевей Цион". В Тель-Авиве есть улица его имени.

И. АЛКАЛАЙ И Ц. КАЛИШЕР

Эти два человека были религиозными предшественниками политического сионизма. Не будучи между собой знакомы, живя в разных концах света, они создали новое направление в традиционной еврейской философии: вера в массовое и окончательное возвращение евреев в Эрец-Исраэль даст плоды лишь в том случае, когда они сами за это возьмутся. На протяжении веков изгнания сформировалась следующая идея: поскольку изгнание произошло по воле Б-га, только Он и положит ему конец, когда сочтет нужным. Люди не в праве брать это на себя – это значило бы в каком-то смысле нарушить б-жественную волю. И вот, в середине XIXв. сефардский раввин Йегуда Алкалай (1798-1878) пришел к выводу, что еврейские источники говорят об обратном: инициатива должна исходить от людей, а уже потом Б-г завершит их дело, послав Машиаха.

Такому повороту мысли Алкалай был обязан не только складу своего ума, но и влиянию политики окружающего мира. Пробуждение национального самосознания в Европе того времени укрепляет его в том, что он правильно толкует традиционные тексты: еврейский народ должен снова осознать себя народом и вернуться в свою страну, в Эрец-Исраэль.

У него были очень тесные и конкретные связи с Эрец-Исраэль, поскольку он вырос в Иерусалиме, хотя родился в Сараево. Но в 27 лет он возвращается в родной город, а потом становится раввином маленькой общины Землина (под Белградом), находившимся тогда под властью австрийцев. Там среди сторонников его идеи, которую можно назвать предсионистской, был и дедушка Теодора Герцля (со стороны отца).

Белград оспаривали между собой турки, австрийцы и сербы. Это были ожесточенные баталии между этническими группами, которые отстаивали свою национальную принадлежность. В такой сложной политической обстановке и созрели идеи Йегуды Алкалая.

Его первая программная книга "Даркей Ноам" ("Пути доброжелательства") появилась в 1839г. на ладино, разговорном языке большинства евреев Турецкой империи, почти поголовно потомков евреев, изгнанных из Испании. Потом Алкалай писал уже только на иврите, и возрождение языка составляло часть его программы.

Резкое сопротивление со стороны ортодоксальных кругов его не обескуражило. Эрец-Исраэль нуждалась в евреях-сельскохозяйственниках, в еврейской армии, в возрождении иврита. И он отправляется после 1850 года на много месяцев в Англию. Повсюду, куда он приезжает, он создает группы под названием "общества по устройству в Эрец-Исраэль". Название расплывчатое, но задача ясна: способствовать развитию крупномасштабного сельского хозяйства в Стране Израиля. К сожалению, группы эти были крайне малочисленны. Последние годы своей жизни он делит между Иерусалимом и Сербией. Его усилия не возымели большого успеха. Ортодоксальные сефардские раввины как в Палестине, так и на Балканах, не приняли его идеи о том, что "национальное пробуждение" должно исходить сначала от людей. Не было у него аудитории и в реформистских общинах, которые в ту эпоху процветали в Германии, ибо те напрочь отметали мысль о возвращении в Сион и дошли до того, что исключили из своих молитвенников просьбы восстановить Иерусалим. Несмотря на множество статей (переведенных на многие языки),

Алкалай не имел успеха.

И все же во многих городах улицы носят его имя: в Иерусалиме, Хайфе, Бней-Браке, Холоне, Реховоте, Герцлии, Ришон-Леционе, Кфар-Саве и др. Названы они, конечно же, в честь провидца, пришедшего слишком рано в мир, который еще не созрел тогда для его идей. А еще улицы названы его именем потому, что он прожил часть жизни в Иерусалиме, и его привязанность к Эрец-Исраэль была не только теоретической, но и практической. Он хорошо знал страну, потому «то провел в ней всю молодость, он имел точное представление и о трудностях, и о возможностях ее улучшения. Нужно еще добавить, что известный современный писатель Израила Йегуда Бурла¹ сделал его героем своего романа.

* * *

Цви-Гирш Калишер (1795-1874) жил на севере Европы. Он был раввином Торуня, порта на Висле северо-восточнее Варшавы, находившейся в XIX веке под властью Пруссии. Калишер принадлежал к еврейско-немецкой культуре, но пришел к точно таким идеям, как Йегуда Алкалай.

В силу географического положения Торуня Калишер был связан с евреями и Германии, и Польши. Таким образом у него была аудитория больше, чем у Алкалая, который делил свое время между Иерусалимом и Сербией – а в те времена и там, и там еврейские общины были малочисленными. Идеи Алкалая Калишер знал, поддерживал и развивал. Главная его книга (на иврите) "Дришат Цион" ("Требование Сиона"), появившаяся в 1862г., получила широкое распространение. Ее тут же перевели на немецкий, и она стала справочной книгой для тех европейских евреев, которые начали мечтать о национальном пробуждении. Она оказала большое влияние и на Моше Гесса, опубликовавшего отдельные места из нее в своей книге "Рим и Иерусалим"².

Благодаря идеям Цви-Гирша Калишера Шарль Неттер решает создать сельскохозяйственную школу в "Миквэ-Исраэль". Он даже приглашает туда Калишера, дабы тот научил на месте, как соблюдать предписания Торы относительно ведения сельского хозяйства. Этот план не был осуществлен, и Калишер умирает в Торуне, а не в Палестине.

Его идеи, те же, что и у Алкалая, предвосхитили действительность: более массовое, чем раньше, возвращение евреев в Эрец-Исраэль в сочетании с политическим признанием наций в мире началось уже после его смерти. Вот что он пишет в своей книге "Дришат Цион": "Дорогой читатель, умоляю тебя сбросить с себя душевную лень. Не разделяй мнения, распространенного среди простаков, которые ждут звуков мессианского шофара как сигнала всемирного потрясения. Ни в коем случае! Освобождение начнется с пробуждения самосознания евреев, которые готовы взять на себя трудное дело возвращения в Святую Страну, а уже потом нации дадут согласие на это возвращение."

Раввин Йегуда Алкалай и раввин Цви Калишер были провозвестниками сионизма, главным образом, на религиозной почве. Их идее последовал поколение спустя раввин Шмуэль Могилевер (1824-1898). Заинтересовавшись во время учебы в йешиве раввина Берлина в Воложине, он осознает особую важность плана сельскохозяйственного развития Эрец-Исраэль после погромов 1881г. С тех пор он поддерживает движение "Ховевей Цион". В противоположность многим раввинам Польши и России, он не боится ни открыто стать на сторону "модернистов" – таких, как Либиенблум, – ни требовать поддержки у Эдмонда де Ротшильда в Париже.

В 1891г. он едет в Эрец-Исраэль, чтобы составить себе на месте представление о положении первых пионеров. По возвращении он предлагает, чтобы "Ховевей Цион" создали духовный центр "Мерказ рухани", или сокращенно "Мизрахи"³. Идея была выдвинута, но осуществилась она уже после его смерти, и в 1902г. движение "Мизрахи" было введено в качестве религиозной партии в состав Всемирной сионистской организации.

Улицы имени Могилевера есть во многих городах Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Бней-Браке, Хедере, Бат-Яме, Нетании, Холоне, Петах-Тикве и т.д. Кифбуц "Ган-Шмуэль" тоже назван в память о насаждении цитрусовых в этих тогда пустынных местах возле Хедеры по инициативе Могилевера. Название было дано в 1894г. по случаю празднования семидесятилетия Шмуэля Могилевера.

Примечания

1. Йегуда Бурла (1886-1969) ввел Йегуду Алкалая в свой роман "На горизонте", вышедшем на иврите в 1943г. и имевшем большой успех. Улицы его имени есть в Иерусалиме, Беэр-Шеве, Герцлии, Хайфе.
2. Моше Гесс (1812-1875) считается первым предшественником светского сионизма. Журналист и философ, он жил в Германии и в Париже, принадлежал к социалистическому движению того времени. Его книга на немецком языке "Рим и Иерусалим", вышедшая в 1862г. оказала большое влияние на Герцля. В заголовке имеется в виду Рим во времена Гарибальди, Рим во времена итальянского национального освободительного движения. Он хотел побудить евреев последовать примеру итальянцев.
3. В свете политической обстановки конца XX в. Национальная религиозная партия Израиля ("Мафдаль") является прямым продолжением "Мизрахи".

РОТШИЛЬД

В Тель-Авиве есть очень красивый бульвар Ротшильда. Есть улицы и бульвары с таким названием и в других городах: в Иерусалиме, Хайфе, Холоне, Ришон-Леционе. Однако, они так названы не только в честь богатой еврейской семьи в Европе, как можно было бы предположить. Речь, обычно, идет об увековечивании памяти лишь одного члена этой семьи: Эдмонда де Ротшильда (1845-1934), который сыграл чрезвычайно важную роль в развитии сельского хозяйства в Эрец-Исраэль. Его сын Джеймс (1878-1957) тоже многое сделал для Израиля.

Родившийся в Париже молодой Эдмонд там же и вырос. Его родители – Джейкоб-Джеймс и Бетти – решили уже в 1850 году делать пожертвования евреям Эрец-Исраэль. В частности, благодаря им была создана первая еврейская больница в Иерусалиме – сначала в Старом городе, а потом и в новом, вне городских стен. Эдмонд живо интересовался судьбой еврейского народа, но в особенности понял значение Эрец-Исраэль для преследуемых евреев, главным образом, после погромов в России 1881 года.

Осенью 1882 года положение пионеров, приехавших в Страну Израиля при поддержке "Ховевей Цион" в России, было критическим с точки зрения финансового положения. Тогда раввин Шмуэль Могилевер решает поехать в Париж к барону Ротшильду за помощью для сельскохозяйственного поселения Самарин, немного севернее Хайфы, где обосновалась группа, приехавшая из Одессы. В то время барон Эдмонд, молодой элегантный человек 36 лет, пользовался уважением в аристократических кругах Парижа, где он зарекомендовал себя большим знатоком искусства. В отличие от своих братьев, он не очень занимался делами в банке Ротшильда. Он стал знатоком картин великих мастеров. Казалось бы, ничто не способствовало тому, чтобы он занялся делами Эрец-Исраэль.

Раввин Шмуэль Могилевер сумел найти как раз те слова, которые тронули сердце Эдмонда де Ротшильда, и отныне до самой смерти он посвящает свое время и деньги развитию сельского хозяйства Эрец-Исраэль.

Сначала он помогал непосредственно пионерам Самарина, но потребовал, чтобы это нееврейское название было заменено на Зихрон-Яаков ("Память о Яакове") сразу после смерти его отца Джеймса, имя которого на иврите было Яаков. Потом уже он помогал Ришон-Лециону и всему прибрежному району. Он посылает из Франции специалистов по виноделию внедрить виноградарство, которое принесет заработок пионерам. Подвалы Ришона и Зихрона созданы благодаря ему. Позже и в Рош-Пина, и в Петах-Тикве стала существенно ощущаться его помощь. Поездки в Эрец-Исраэль он предпринял в 1887 и

1893г.г., задолго до того, как стал известен Герцль, с которым он, впрочем, не очень ладил. Действительно, Эдмонд Ротшильд считал свою помощь филантропической, а не политической. Его предприятия находятся под наблюдением людей, которых он посылает из Франции и которые обращаются часто с пионерами довольно надменно. Сионистский идеал любви к Эрец-Исраэль и эмоциональная связь с предками не очень трогает этих евреев, приехавших из Франции и достаточно ассимилированных.

Они видят в этой работе своего рода колониальную карьеру в стране, находящейся под властью турок. Отсюда и столкновения, и споры, и взаимное непонимание. Когда с Бен-Гурионом и его современниками в 1903 и 1905гг. прибывают из Восточной Европы молодые евреи с сионистскими, а также и с социалистическими идеалами, образуется настоящая пропасть между новым типом пионеров, которые мечтают об обществе равноправия и обобществлении средств производства, и пионерами, приехавшими раньше, поддерживаемыми бароном и обожавшими его за желание обновить сельское хозяйство в Эрец-Исраэль.

Любили его еще и за простоту. Он всегда старался оставаться в тени. В Эрец-Исраэль его называли *га-надив гаядуа* ("известный благотворитель"). Все названия в Израиле "Ганадив" даны именно в честь Эдмонда де Ротшильда. Так, например, возле Зихрон-Якова высится "Рамат Ганадив" ("Холм благотворителя"). Там разбит прекрасный парк вокруг могилы Эдмонда де Ротшильда и его жены Аделаиды. Умерли они в Париже, но в 1954 году их останки были перевезены в Израиль.

После Первой мировой войны Эдмонд де Ротшильд неоднократно ездил в Палестину, перешедшую под британский мандат. В 1922 году его именем называют совсем новое поселение на юге Хайфы – Биньямина: еврейское имя Эдмонда было Биньямин.

У Эдмонда было два сына: Джеймс и Морис. Младший, Морис, не проявляет особого интереса к Израилю, зато его, Мориса, сын, названный Эдмондом в честь дедушки, наоборот, оказывает Израилю значительную финансовую поддержку – особенно с 1967 года. Старший сын, Джеймс (тоже названный по имени своего дедушки) переехал в Англию и присоединился к той части семьи, которая жила там. Действительно, в самом начале XIX века Натан-Меир Ротшильд поселился в Лондоне и создал, как он говорил, "английскую ветвь" семьи. Его внук, Натаниэль-Меир, стал первым Ротшильдом в палате лордов. Уолтер (1868-1937), старший сын Натаниэля, получил в наследство титул лорда в 1915 году, после смерти своего отца. Он пользовался в Англии большим авторитетом. Это ему 2 ноября 1917 года адресовано письмо, известное под названием Декларация Бальфура.

Джеймс де Ротшильд (старший сын Эдмонда) загорелся сионистскими перспективами и всем, что предусматривала Декларация Бальфура, обещавшая создание национального еврейского очага в Палестине, подвластной Англии. Офицер британской армии во время Первой мировой войны, он принадлежал к британскому экспедиционному корпусу, который завоевал турецкую Палестину зимой 1917-18гг. под командованием Алленби. В ноябре 1918 года ему, сорокалетнему офицеру, поручают в Иерусалиме задание, с виду незаметное, но которое оказывается решающим для будущей медицины Израиля. Второго ноября 1918 года, в первую годовщину Декларации Бальфура, он очень торжественно передает ключи от иерусалимской больницы Ротшильда медицинскому персоналу, присланному в Палестину американской "Гадасой". Отныне больницы называется: больница "Ротшильд-Гадаса". Имя французских основателей сохраняется в знак благодарности, но организацию и развитие больницы взяла на себя "Гадаса". После многих преобразований бывшая больница "Ротшильда" в Иерусалиме стала больницей "Гадаса", самой впечатляющей на всем Ближнем Востоке.

После того, как Джеймс де Ротшильд побывал в Иерусалиме, он еще больше убедился в значении сионизма. Он помогает своему отцу в осуществлении новых проектов.

Образование государства Израиль приносит ему огромную радость. Он умер в 1957 году, завещав Израилю большие суммы, предназначенные для постройки здания Кнесета в Иерусалиме. Поэтому улица, ведущая к Кнесету, названа его именем. Во всех других городах Израиля улицы и бульвары названы в честь его отца Эдмонда де Ротшильда. Сегодня, когда позабылись обиды пионеров-социалистов на "буржуазные" способы управления барона де Ротшильда и его служащих, роль, которую он сыграл в развитии Израиля, оценивается гораздо больше.

ЭЛИЭЗЕР БЕН-ЙЕГУДА

Тонкое худое лицо, бородка клинышком, на редкость живые глаза за стеклами пенсне. Внешний вид человека слабого, даже болезненного. А внутри угадывается одаренная натура человека железной воли.

Знаменитым Бен-Йегуду сделала его отчаянная решимость возродить иврит, превратить его в разговорный язык, живой и звучный. Но, конечно же, ему было бы трудно осуществить эту мечту, не помоги ему различные обстоятельства, частично вызванные болезнью, найти свою дорогу в жизни.

Бен-Йегуда – псевдоним, которым он подписывал свои статьи (разумеется, на иврите), начиная с того времени, когда ему исполнился 21 год. Настоящее же его имя – Элиэзер Перельман. Он родился в литовском местечке в 1858г., но не о его биографии здесь речь, и мы переходим прямо к главному.

А оно состоит в том, что задолго до Герцля он был одержим идеей, которая не покидала его: еврейский народ, как и все другие, имеет право на свою историческую родину, но у Бен-Йегуды к этой идее присоединилась практическая мысль: народ в рассеянии может снова стать единым, только обладая общим языком и общей культурой. Иврит должен снова стать живым разговорным языком, каким он и был до рассеяния еврейского народа. Эта одержимость, превратившаяся в мощный рычаг деятельности, и придает личности Бен-Йегуды редкостное, неповторимое обаяние.

Если бы Бен-Йегуде позволило здоровье, он изучал бы медицину (хотя поступить в университет еврею в царской России было почти невозможно), но у него нашли туберкулез. В больнице Ротшильда в Париже, где Бен-Йегуда лежал, он познакомился с одним больным, приехавшим в Париж в надежде излечиться от прогрессирующей слепоты. Откуда господин приехал? Из Иерусалима. И все две недели, которые Бен-Йегуде оставалось провести в больнице, он не расставался с Аврагамом-Моше Лунцем. Оба молодых человека, почти одногодки (Лунц был на 4 года старше) разговаривали между собой только на иврите. Хотя Лунц был из Ковно, говорил он на иврите с сефардским произношением.

Эта решающая встреча определила направление поисков Бен-Йегуды. Ведь он не знал, какое произношение должно быть у языка иврит как языка, общего для всего еврейского народа, поскольку два очень разных произношения были распространены в конце XIX в.: так называемое ашкеназское произношение, распространенное (с различными вариациями) у евреев в Европе и уехавших оттуда в США, число которых все время росло; и так называемое сефардское произношение (тоже с существенными вариациями), распространенное у евреев от Ирана до Йемена и Северной Африки, то есть в азиатских и африканских общинах.

Бен-Йегуда, хоть и вырос в Литве, благодаря Лунцу понял еще в Париже, что остановится на сефардском произношении. А еще и потому остановился он на нем, что несколько месяцев провел в Алжире, благодаря (если можно так выразиться) своей болезни. Его туда отправили из Парижа, чтобы африканское солнце помогло ему излечиться от туберкулеза. Бен-Йегуду покорила та мелодика иврита, которую он услышал в синагогах Алжира.

Решение было бесповоротным: иврит, которому он хочет придать статус общего разговорного языка всех евреев, будет звучать в сефардском произношении. Итак, одна из

важнейших заслуг Бен-Йегуды, о которой часто забывают, состоит в том, что он унифицировал все произношения в иврите, установив одно, называемое произношением Страны Израиля, и таким образом его стараниями появился единый разговорный и литературный иврит в Израиле и во всем мире.

Как только Бен-Йегуда пошел на поправку, он вернулся в Париж. Приняв решение поселиться в Эрец-Исраэль, он заезжает в Вену за своей невестой Дворой, садится с ней на пароход, по Дунаю добирается до Константинополя и оттуда – до Палестины. Из-за волокиты с оформлением документов они по дороге попали еще и в Каир и там очень скромно отпраздновали свадьбу.

В 1881 году, едва ступив на Землю Израиля, молодой супруг уславливается с женой, что ребенок, который должен родиться, не услышит над своей колыбелью никакого языка, кроме иврита. Действительно, их дети слышал только иврит.

Что и говорить, Элиэзеру Бен-Йегуде пришлось выстоять против враждебности всего окружения. Это была самая настоящая битва – врагов много, а сторонников мало. Среди последних был Давид Елин и Аврагам Лунц, вернувшийся из Парижа. Он окончательно ослеп, но стал видеть яснее многих своих современников историю и будущее Иерусалима. Все трое основали в 1890г. Комитет языка – зародыш нынешней Академии языка иврит. Под их нажимом иврит ворвался в двери школ, где медленно, с большим трудом начал завоевывать надлежащее ему место: преподавание всех предметов на нем – географии, арифметики, естествознания, физики, а не только Танаха и литературы, как это было прежде.

Через десять лет после переезда в Иерусалим Двора Бен-Йегуда умерла, оставив пятерых маленьких детей, трое из которых вскоре тоже умерли из-за антисанитарных условий в Иерусалиме того времени. Бен-Йегуда женился на Хемде, младшей сестре Дворы, и она родила еще шестерых детей. Хемда стала незаменимой сподвижницей Элиэзера. Она еще горячее, чем ее старшая сестра, поддерживала дело всей жизни мужа. С его помощью она приобрела глубокие познания в иврите и стала участницей гигантского труда – составления исчерпывающего словаря иврита, в котором каждое слово сопровождалось указанием, где оно впервые встречается: в Танахе, Талмуде, средневековых текстах и т.д. Ибо иврит никогда не переставал обогащаться новыми словами, даже в те столетия, когда он оставался только письменным языком.

Когда в 1922 году Бен-Йегуда умер, словарь еще не был закончен, и последние необходимые дополнения в этом фундаментальном восьмитомном труде сделала Хемда. А когда в 1951 году умерла и она, словарь был готов и вышел уже в государстве Израиль, о котором так мечтал Бен-Йегуда, имя которого стало легендарным.

Т. ГЕРЦЛЬ И М.НОРДАУ

В Израиле все знают, кто такой Теодор Герцль. Нет сколько-нибудь значительного населенного места без улицы или проспекта Герцля – здесь всех их не перечислить. Более того, город Герцлия тоже назван в его честь.

Но если в общем роль Герцля известна как основателя сионистского движения и "предсказателя" еврейского государства, то некоторые моменты его короткой жизни заслуживают отдельного разговора.

Родился он в 1860г. в Будапеште, где получил начальное образование. Когда ему было 18 лет, семья поселилась в Вене, где он и прожил всю жизнь. В молодости проявлял способности к литературе. Писал романы, пьесы, статьи в газеты. Короче, был писателем, пользующимся успехом в Вене конца XIX столетия, где бурлила интеллектуальная жизнь.

В 1895г. газета "Новая свободная печать" направила его специальным корреспондентом в Париж на процесс Альфреда Дрейфуса, обвиненного в измене родине. И Герцль слышит, как французская толпа, собравшаяся на площади Инвалидов, ревет: "Смерть евреям!". Нет, не "смерть Дрейфусу", что было бы относительно логичным, поскольку его считают

виновным, а именно "смерть евреям" – всем евреям за предполагаемое преступление одного из них! И этот рев того самого французского народа, который столетием раньше впервые в Европе дал евреям равные права с остальными гражданами, потряс Теодора Герцля до глубины души и заставил предаться горьким размышлениям о еврейском вопросе.

Не в силах прийти в себя, он за несколько недель написал на своем родном немецком языке брошюру-программу, которую назвал "Еврейское государство". В эти же недели он начинает издавать свою газету, которая выходит до самой его смерти.

Благодаря этой газете мы знаем о беседах, о встречах Герцля, в частности, в первые месяцы 1895 года. Когда он рассказывал друзьям о своей идее создания еврейского государства, некоторые серьезно беспокоились о его душевном состоянии и советовали обратиться к психиатру. И он, действительно, обратился к психиатру – доктору Макс Нордау, тоже уроженцу Будапешта, ставшему очень известным в Париже психиатром (куда он переехал в 1880г., когда ему было 30 лет). Нордау был еще и писателем, нелицеприятно анализирующим деградацию европейской философии и поэзии того времени (одна из его самых известных книг так и называется: "Деградация").

Нордау сразу же загорелся идеей создания еврейского государства. В конце разговора, в котором Герцль изложил свои мысли, Нордау воскликнул: "Если вы сумасшедший, то и я тоже! Можете на меня рассчитывать". И действительно, Макс Нордау стал правой рукой Герцля во всех его начинаниях на всех сионистских конгрессах. Он, как и Герцль, радовался Декларации Бальфура. После жутких погромов на Украине 1919г. он призвал Сионистскую организацию немедленно рассмотреть вопрос о перевозке 600 000 евреев из России в Палестину, тогда подмандатную территорию Англии. Сионистские руководители сочли такой план нереальным. В 1921г. Нордау был уже тяжело болен, и ему пришлось отказаться от сионистской деятельности, как раз когда рассматривался этот вопрос. Спустя два года он умер в Париже. В 1926г., по инициативе Меира Дизенгофа – мэра Тель-Авива, останки Нордау были перезахоронены на старом тель-авивском кладбище, которому Нордау уделял особое внимание.

Именем Нордау названо много улиц в Израиле: в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе, Ашдоде, Бней-Браке, Бейт-Шеане, Хедере, Рамле, Петах-Тикве, Рамат-Гане, Нетании и т.д. – словом, почти во всех городах и поселках.

Как уже было сказано, начиная с той решающей встречи в 1895г., между Герцлем и Нордау установилась тесная связь, хотя Герцль в конце 1895г. вернулся в Вену. Там и вышла в свет брошюра "Еврейское государство" в феврале 1896г. Почти тотчас же она была переведена на иврит, английский, французский, русский, румынский. На сей раз почувствовав поддержку, Герцль готовит съезд Сионистского конгресса, который состоялся в Базеле (Швейцария) с 29 по 31 августа 1897г. На нем Герцль был избран председателем. Была принята "Базельская программа", составленная Максом Нордау. Она лежала в основе сионистского движения вплоть до 1948г. "Сионизм имеет целью создать для еврейского народа очаг в Палестине, обеспечивающий ему гражданские права". В программе фигурирует и "упрочение национального самосознания еврейского народа", что отвечало запросам сторонников "культурного сионизма" Ахад Гаама.

Герцль видел главную цель в политическом признании государства для евреев. Вечером после первого же заседания Конгресса он записал в своем дневнике фразы, ставшие потом знаменитыми: "В Базеле я основал еврейское государство. Если бы сегодня я произнес эти слова вслух, они вызвали бы всеобщий хохот. Но, возможно, через пять и наверняка через пятьдесят лет, это станет очевидно всем". И действительно, через пятьдесят лет и девять месяцев после тех августовских дней 1897г., в мае 1948г. было провозглашено независимое Государство Израиль – после того как 29 ноября 1947г.¹ в ООН проголосовали за его создание, о чем так мечтал Герцль.

Он ушел из жизни рано. До самой смерти, наступившей в июле 1904г., Герцль не прекращал активной деятельности в трех направлениях: 1) искал финансовую поддержку, 2) добивался у сильных мира сего получения международного признания еврейского государства в Палестине, что для него было важнее физической обработки земли, 3) укреплял сионистскую организацию, родившуюся на конгрессе в Базеле.

По первому пункту трудно было добиться успеха, и Герцля постигло тяжелое разочарование. Но наконец в 1902г. был создан "Англо-палестинский банк" в Лондоне. В него поступали деньги, необходимые для развития сельского хозяйства в Палестине. Позднее банк открыл филиал в Палестине, и в 1951г., спустя три года после образования Государства Израиль, банк был преобразован в Национальный банк Израиля (на иврите "Банк леуми леисраэль").

Второй пункт (международное признание еврейского государства) очень беспокоил Герцля. Он ходатайствовал перед константинопольским султаном, бывшим тогда хозяином Палестины, перед немецким императором Вильгельмом II – союзником султана, вел переговоры в Англии на собраниях и в кулуарах, ездил по всему миру включая Палестину в 1898г. (в первый и последний раз) – все было напрасно. Третий пункт был самым легким. Из всех еврейских общин в центральное бюро в Вене поступали заявления о присоединении к движению.

Присоединялись целыми группами и в одиночку, особенно члены "Ховевей Цион" из России, которые, гораздо больше Герцля настаивая на обработке земли, присоединялись, тем не менее, к сионистской организации.

Но у Герцля было и много противников, их число увеличивалось, по мере того как его политические ходатайства перед сильными мира сего терпели неудачи. Многие считали, что планы эмиграции в Аргентину на деньги барона Мориса Гирша намного надежнее мечтаний "возмутителей спокойствия", которые подвергают пересмотру спокойное положение евреев в тех странах, где они, наконец, чувствуют себя хорошо. Что же касается евреев, все еще преследуемых, пусть эмигрируют в Америку, в Северную или Южную, без шума, потихоньку.

Эти аргументы и критика не поколебали Герцля, который продолжал поездки и деловые встречи. Но оппозиция появилась и в самом сионистском движении с наступлением событий 1903 года. В апреле, как новый взрыв бомбы, разразился кишиневский погром. Сразу же Герцль возобновляет связи с Англией и в начале августа во время поездки во Россию узнает новость о том, что Англия готова предложить евреям автономный очаг в одной из своих африканских колоний – в Уганде. :

Это предложение Герцль с воодушевлением передает Шестому сионистскому конгрессу в Базеле в конце августа 1903г. Хотя и не без колебаний, Макс Нордау поддерживает его и бросает фразу, ставшую знаменитой: "Нам необходимо какой-нибудь постоянный дом, какое-нибудь место, где гонимые смогут передохнуть. Если Англия нам его предлагает, пусть и в Уганде, мы должны согласиться". После яростных споров поставили вопрос на голосование. Из 500 делегатов 295 проголосовали за, 178 – против и 132 воздержались. По законам демократии 178 делегатов должны были подчиниться большинству. Но они были настолько убеждены, что согласиться на Уганду значит загубить дело сионизма, что дружно встали и молча покинули зал. Остальные были просто потрясены. Герцль смертельно побледнел. Голосовавшие против все были из России – а ведь главным образом для них хотели найти "постоянный двор". Но они, собравшись в соседнем зале, уселись на пол, как во время поста 9-го Ава², и пели траурные псалмы. Если предложение Уганды действительно будет принято, с надеждами на Сион – покончено.

Самым ярким противником Уганды стал Менахем Усышкин³, как только узнал об этом предложении. Его поддержал Бер Ворохов⁴, который колесил по всей России, ратуя за сионистский социализм и яро протестуя против Уганды. Таким образом, в сионистском

движении произошел серьезный раскол. Он достиг апогея, когда в июле 1904г. в возрасте сорока четырех лет умер Герцль.

В следующем 1905 году на конгрессе план Уганды был окончательно отвергнут, но незначительное меньшинство с таким решением не согласилось и, выйдя из Сионистской организации, основало партию "территориалистов", готовую создать еврейский национальный очаг в любой стране. Во главе стоял крупный еврейско-английский писатель Исраэль Зангвиль⁵. Но после Декларации Бальфура "территориализм" прекратил свое существование, и Зангвиль вернулся в сионистскую организацию. Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

Похороны Герцля в Вене превратились в грандиозную манифестацию. Более 10000 делегатов приехали из всех еврейских общин в мире. Согласно последнему волеизъявлению Герцля, на похоронах не было никаких речей.

В августе 1949г., спустя 45 лет, гроб Теодора Герцля был привезен в государство Израиль, ставшее, как он и предсказал, государством независимым и признанным большинством стран мира. Здесь на холме близ Иерусалима, переименованном в "Гору Герцля", состоялось перезахоронение Теодора Герцля в присутствии десятков тысяч евреев, многие из которых, пережив лагеря смерти, обрели родину благодаря Герцлю и всем тем, кто шел по намеченному им пути.

Примечания

1. В Иерусалиме и Герцлии есть улица 29-го ноября.
2. День разрушения Первого и Второго Храма.
3. Усышкин как раз тогда находился в Палестине и поэтому не присутствовал на Шестом сионистском Конгрессе.
4. Бер Ворохов (1881-1917). Во многих городах Израиля есть улицы его имени: в Иерусалиме, Тель-Авиве и т.д. Родился на Украине, очень молодым вступил в движение социалистов и одновременно сионистов. В 20 лет основал в Днепропетровске (бывший Екатеринослав) Союз трудящихся социалистов-сионистов. Затем эта организация присоединилась к "Поалей-Цион" (партии "Рабочие Сиона" социалистического толка), которую поддерживал Сыркин. Как и Сыркин, Ворохов был теоретиком социалистического сионизма. Его социальные и политические статьи печатались во многих газетах. Он уехал из России в 1907г. в Вену, но в 1914г. переехал в США. Он оказывал огромное влияние на идеологию пионеров-социалистов, приехавших в Палестину, хотя сам к ним не присоединился.
5. Исраэль Зангвиль (1864-1926) родился в Лондоне в семье еврейских эмигрантов из России, стал знаменитым после своего первого романа "Дети гетто", вышедшего в 1892г. Потом его новеллы "Мечтатели из гетто" о видных личностях в еврейской истории укрепили за ним славу талантливого писателя. Сатирическая новелла "Повелитель нищих" имела огромный успех. Зангвиль написал еще много новелл и романов не из еврейской жизни.

АХАД-ГААМ

В Израиле немного населенных мест, где бы не было улицы имени Ахад-Гаама – неважно, большие ли это города (Иерусалим, Тель-Авив, Хайфа, Беэр-Шева, Нетания и т.д.) или маленькие (Хедера, Реховот, Афула, Нагария, Рамла и т.д.) Писатель, комментатор, очеркист, журналист, Ахад-Гаам (1856-1927) оставил нам на иврите множество произведений, которые дают пищу для размышления евреям XX в. и останутся источником познаний для будущих поколений.

Ахад-Гаам – скромный псевдоним (на иврите "один из народа") Ашера Гинцберга, сына хасида из Киева. Отец был торговцем, достаточно состоятельным, и дал сыну традиционное еврейское образование. Мальчик много читал, очень рано увлекся еврейскими средневековыми философами – в частности, Рамбамом, трезвым умом

которого он восхищался. Тогда же он самостоятельно изучает русский, латынь, английский, немецкий и французский. Читает, главным образом, философию. Он очень хочет поступить в университет, но для еврея это было почти невозможно, и он отказывается от своего желания. Его привлекает напряженная еврейская жизнь в Одессе, и в 28 лет он переезжает туда. Это 1884г. Он сразу же налаживает связи с "Ховевей Цион" во главе с Пинскером и становится активным членом этой организации.

Первую поездку в Эрец-Исраэль он предпринимает в 1891г. Оттуда он возвращается очень разочарованным и публикует одну из своих первых нашумевших статей: "Это не путь". Его поразил сельскохозяйственный застой в стране и признаки отсутствия национального сознания у первопроходцев. Вторая поездка двумя годами позже лишь укрепила его в этом мнении. Отныне в его произведениях появляется ведущая тема: культурное и духовное возрождение должно предшествовать материальному развитию на этой земле.

Конечно, Ахад-Гаам не сохранил той веры и религиозности, какая была у его отца, набожного хасида. Но он уверен, что еврейские традиционные ценности необходимы для еврейской жизни, в особенности в Эрец-Исраэль. Одно из его знаменитых выражений: "Больше, чем евреи берегут субботу, суббота бережет их". Нужно всячески развивать еврейские учения. Еврейская философия должна быть возрождена, и только тогда может преуспеть развитие сельского хозяйства и экономики. Такие воззрения вызвали возражения со стороны многих, особенно со стороны сионистов-социалистов, которые организовали группу в 1897 году на первом Сионистском конгрессе. Во главе этой группы стоял Нахман Сыркин. Он упрекал Ахад-Гаама за идею об Эрец-Исраэль как духовном центре. По его мнению, это значило не понимать конкретную драму еврейского пролетариата и антисемитизма. Желание евреев бежать из России от погромов требует решений немедленных¹, а Ахад-Гаам требует зрелости самосознания, на что уйдет много времени. У Сыркина тоже были сторонники. В Израиле улицы во многих городах носят его имя: в Тель-Авиве, Хайфе, Ашкелоне, Холоне, Герцлии, Нетании, Кфар-Саве, Бней-Браке.

Возможно, его популярность в Израиле во многом обязана его любви к ивриту – любви, которой было у него не меньше, чем у Ахад-Гаама. Сыркин часто произносил речи на идише, чтобы аудитория лучше его понимала, но считал, что иврит безусловно должен быть национальным языком еврейского народа.

Ахад-Гааму тоже это было совершенно очевидно. В 1896 году, когда он берет на себя руководство ежемесячником на иврите "Гашилоах", он устанавливает в нем литературные нормы высокого уровня. После Бен-Йегуды он, конечно же, больше всех формировал иврит в современном духе для социологических, политических и философских вопросов современности.

В журнале "Гашилоах" он публикует большую часть своих статей – даже когда перестает его возглавлять. Его статьи, неизменно наполненные глубокими размышлениями, часто вызывали возражения. Но его критика вызывала глубокий интерес даже у самых ярых его противников.

К Первому сионистскому конгрессу он отнесся без энтузиазма, хотя и был убежденным сторонником сионизма. Но Герцль и Нордау ему казались слишком ассимилированными, а недостаток национального самосознания у них, по его мнению, был причиной того, что они отдавали предпочтение сионизму политическому в ущерб сионизму культурному – единственному, который, по мнению Ахад-Гаама, создаст здоровую и эффективную алию. Без идеала, построенного на традиции в широком смысле слова и опирающегося на нее, первопроходцы потерпят крах. Вот что Ахад-Гаам твердил всю жизнь в различных статьях, которые и сегодня, спустя столетие, актуальны.

В 1903 году, после кишиневского погрома² он оказывается среди тех, которые, в частности с Бяликом и Дубновым³, призывают евреев организовать самооборону. В том же году он уходит из "Гашилоаха", руководство которым становится для него слишком тяжелой

задачей. Фирма Высоцкого предлагает ему место, которое облегчит его материальное положение и даст возможность писать. Чтобы занять это место в филиале Высоцкого в Лондоне, Ахад-Гаам в 1907 году покидает Одессу и, очутившись в Лондоне, занимается подготовкой Декларации Бальфура. Его влияние на Вейцмана, который находился в Лондоне в то же время, было очень существенным. Вскоре после Первой мировой войны, в 1922 году он поселяется в Тель-Авиве, где остается до конца своих дней. Он умер в 1927 году, когда ему исполнился 71 год. В Тель-Авиве он составляет сборник своих очерков под общим названием "Аль парашат драхим" ("На перекрестке дорог"). Эта очень насыщенная и разносторонняя книга, делает Ахад-Гаама одним из великих еврейских мыслителей XX века.

Примечания

1. Вот почему на сионистском конгрессе 1903 года Сыркин поддержал проект Уганды. Нахман Сыркин родился в Белоруссии (1868-1924), долгое время жил в Берлине, потом в Париже, наконец, в 1907г. переехал в США. Журналист и идеолог сионистского социалистического движения, в создании которого он участвовал, он публикует много статей (многие из них на иврите), в которых утверждает, что социалистическая идеология и национальное возрождение еврея полностью совместимы. В этом смысле он выражал полную противоположность Бунду, который отвергал национальное чувство еврея во имя социалистической идеологии.
2. Кишиневский погром (6-7 апреля 1903 года) за два дня унес жизни 49 евреев и более 500 оставил ранеными. Сотни домов были разрушены, 2000 семейств остались без крова. Ужас кишиневского погрома вызвал негодование во всем мире.
3. Шимон Дубнов был самым великим еврейским историком первой половины XX в. До него открыл путь в современную еврейскую историографию Генрих Грец (1817-1891), немецкий еврей, долгие годы преподававший в раввинистической семинарии в Бреслау. 11 томов его "Истории еврейского народа" служили основным справочным пособием для всех последующих исторических работ. Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве. Дубнов (1860-1941) жил в Санкт-Петербурге, Одессе, Берлине. Он уехал из Германии в Ригу, когда нацисты пришли к власти. И там в 1941 году немцы его арестовали и зверски убили в возрасте 81 года. Не сионист, сторонник внутренней автономии евреев в европейских странах, его именем тем не менее названы улицы в Израиле, где его признают и почитают как ученого и гениального историка. Улица Дубнова, в частности, есть в Иерусалиме.

МЕИР ДИЗЕНГОФ

Дизенгоф! Самый центр Тель-Авива. Почему это имя дали излюбленной части этого большого города Израиля?

Прежде, чем стать одним из основателей Тель-Авива и его первым мэром, Меир Дизенгоф прошел беспокойный путь от входившей тогда в Россию Бессарабии, где в 1861г. он родился, до Яффо и Тель-Авива. На этом пути было много встреч, разочарований и успехов, о которых следует вкратце сказать.

Детство и юность прошли в Кишиневе. Служил в русской армии в Житомире, где в свободные часы посещал подпольные собрания русских революционеров. После военной службы обосновался в Одессе и входил в те круги, где мечтали свергнуть царизм так горячо, что это не могло оставаться тайной; Дизенгофа арестовала полиция Александра III, и в двадцатипятилетнем возрасте он отсидел восемь месяцев в тюрьме.

В эти месяцы происходят душевные метания, и в ходе напряженных размышлений рождается новый Меир Дизенгоф, решивший посвятить весь свой пыл исключительно еврейскому народу и Эрец-Израэль.

По выходе из тюрьмы он налаживает связи на сей раз с евреями, которые только недавно организовали движение "Ховевей Цион". Дизенгоф горячо отдается этому

догерцелевскому сионизму. В Одессе он сошелся с Пинскером и Лилиенблумом – видными деятелями этого движения. Вернувшись в Кишинев, он организует филиал "Ховевей Цион" и начинает разрабатывать планы алии.

Но, чтобы попасть в Эрец-Исраэль, нужно иметь какое-нибудь ремесло. Его интересует химия. А чтобы ее изучать, нужно покинуть Россию. Как сотни и тысячи еврейских студентов его поколения, для которых в русских университетах существовала процентная норма, Дизенгоф отправляется на Запад, где поступление в университет никак не связано с национальностью.

Из Парижа, Лондона и Берлина он выбирает Париж, где барон Эдмонд де Ротшильд покровительствует движению "Ховевей Цион". После трех лет учебы Меир Дизенгоф получил диплом инженера-химика, и тогда барон предложил ему основать в Палестине стекольную фабрику, выпускающую бутылки для вина, поскольку между Зихрон-Яаковом и Ришон-Леционом были виноградники. Через несколько месяцев специализации в Лионе Дизенгоф отправился в Эрец-Исраэль. Осуществилась его мечта.

В Тантуре возле Зихрон-Яакова он строит стекольную фабрику. Песчаные дюны тянутся вдоль всего этого побережья. Но квалифицированных рабочих не хватает. Дизенгоф едет на несколько недель в Россию и нанимает молодых евреев, которые хотят обучиться ремеслу в Тантуре. В эту фабрику он вкладывает всю душу. Но результаты оказываются плачевными. Выясняется, что песок в этом районе не годится для бутылочного стекла. Самолюбие молодого химика уязвлено, но приходится смириться с неизбежностью: в 1894 году после двух лет усилий и бесполезных вложений фабрика закрывается.

За эти два года Дизенгоф хорошо ознакомился с условиями, в которых живут еврейские рабочие тогдашней Палестины. Он хочет побудить рабочих организоваться для защиты своих прав. Это не нравится представителям барона, которые вскоре после закрытия фабрики заставляют его покинуть страну.

Специалист по производству бутылочного стекла, он получает различные предложения и переезжает из Парижа в Бельгию, а оттуда в Одессу. Он подружился с Ахад-Гаамом, Бяликом и многими другими знаменитыми членами движения "Ховевей Цион", которые постепенно присоединились к сионистскому движению, образованному Герцлем в 1897г. на Первом сионистском конгрессе в Базеле. По разным причинам Дизенгоф смог принять участие только в Пятом конгрессе, хотя вдохновился идеей Герцля сразу же, правда, в более конкретном и практическом плане. Он немедленно возвращается в Эрец-Исраэль.

Жизнь Дизенгофа пошла по другому руслу. Никакой химии, никаких бутылок. Необходимость скупать земли в Эрец-Исраэль – вот что им движет. Только что образовался "Керен каемет леисраэль", но собранных сумм мало. Дизенгоф создает акционерное общество "Геула" и колесит по всей России, продавая акции, которые позволяют покупать больше земель. Потом в сентябре 1905г. через год после смерти Герцля он возвращается в Эрец-Исраэль и уже навсегда.

Его снова привлекает не Иерусалим, а побережье. Порт Яффо, город восточного типа со смешанным населением: много арабов и некоторое количество евреев. Еще с несколькими друзьями он высказывает идею постройки на окраине Яффо еврейского квартала европейского типа, заселенного только евреями.

Для осуществления такого плана было создано акционерное общество "Ахузат байт". На дюнах, почти на самом берегу моря выросли шестьдесят первых домов.

Этот квартал нужно как-то назвать. В честь Герцля выбрали Тель-Авив: Нахум Соколов предложил такой перевод с немецкого на иврит названия провидческого романа Герцля "Altneuland". 21 мая 1910 года официально назвали этот квартал Тель-Авивом.

Возглавлял процесс развития Тель-Авива неутомимый борец Меир Дизенгоф. В коротком обзоре невозможно входить в подробности его роли на каждом новом этапе истории Тель-Авива. Маленькое предместье Яффо, вначале лишь шестьдесят домов и триста жителей,

разрасталось непомерными темпами до Первой мировой войны.

В Первую мировую войну этот рост резко остановился из-за гонений турецких властей на жителей Тель-Авива, которых выселяли из их домов и отправляли на север. Палестина находилась в состоянии войны. Союзники Германии, турки подозревали евреев в том, что они хотят поражения Турции и победы англо-французских армий. Турецкое военное правительство давало почувствовать району свой железный кулак. Аресты, пытки, ссылки вошли в обиход. Дизенгоф изо всех сил помогал беженцам и спасал все, что можно было спасти в Тель-Авиве, пока его самого не арестовали и не выслали в Дамаск.

Победа англичан над турками, захват Палестины генералом Алленби, наконец, создание национального еврейского очага – вот события, которые в корне меняют судьбу Эрец-Исраэль. После войны Тель-Авив снова быстро растет. Начиная с 1921 года, это уже не предместье Яффо, а самостоятельный город, со своей мэрией – первый полностью еврейский город в новые времена. Дизенгоф был выбран мэром. Он оставался им до 1937 года с короткими перерывами, когда его смещали из-за конфликтов внутри муниципального совета. Его жена была женщиной редкой культуры. В ее скромном, но в высшей степени интеллигентном доме устраивались встречи с бывшими проезжими в Тель-Авиве большими ивритскими писателями того времени, политиками и людьми искусства всего мира. У четы Дизенгоф не было детей – их ребенком был Тель-Авив.

"Дизенгоф" – главный проспект Тель-Авива, самый что ни на есть его центр, и по праву. Почти 30 лет развитие Тель-Авива и жизнь Меира Дизенгофа сливались воедино. Сегодня без улицы и площади Дизенгоф Тель-Авив – не Тель-Авив. Но без человека под фамилией Дизенгоф Тель-Авив, возможно, и вовсе не возник бы.

"КЕРЕН КАЕМЕТ"

"Керен каемет леисраэль" (сокращенно ККЛ) – это очень важная институция, в честь которой названо много улиц: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Нетании, Гиватаеме, Пардес-Хане и т.д.

Действительно, речь идет об осуществлении единственного в своем роде начинания, которое сыграло огромную роль в первой половине XX века.

ККЛ был основан в конце декабря 1901г. на Пятом сионистском конгрессе в совершенно определенных целях. До 1880г. евреи Палестины (под властью турок) жили почти исключительно в городах. Благодаря "Ховевей Цион" и Эдмонду де Ротшильду еврейские первые поселенцы могли покупать земли и строить из них сельскохозяйственные фермы, уже начиная с 1881г. Когда образовалась Всемирная сионистская организация (на конгрессе в Базеле в 1897г.), в Палестине начались сельскохозяйственные работы. Сионистская организация поощряла покупку земель, но не хотела, чтобы создавался класс зажиточных еврейских владельцев, которые эксплуатировали бы бедных крестьян. Сионистское движение с самого начала стремилось создать, по возможности, общество, основанное на равенстве, и пыталось тормозить развитие частной собственности в пользу кооперативной.

В 1987г. Герман-Цви Шапиро¹ выдвинул совершенно новую идею, заключающуюся в том, чтобы владельцем земель, покупаемых на деньги всех евреев, был Национальный фонд. Как бедные, так и богатые должны финансировать этот фонд и становиться своего рода совладельцами земли Израиля. Мысль сочли слишком утопической и отвергли, а через год Шапиро умер.

Но этой идеей загорелся Герцль, и на Пятом сионистском конгрессе 1901 года ему удалось поставить ее на голосование и получить большинство голосов. Как только были объявлены результаты голосования на пленарном заседании, делегаты поспешили стать первыми членами фонда. Очень скоро начали поступать деньги из еврейских общин всего мира, особенно от бедных евреев Польши и России, которые непременно хотели хотя бы скромно участвовать в покупке земель в Эрец-Исраэль для еврейского народа. Вскоре в

каждой еврейской семье появилась бело-голубая кружка ККЛ, куда клали как мелкие монеты, так и крупные купюры. Собранные суммы целиком шли на покупку земель в Палестине.

"Керен каемет леисраэль" – владелец земель в Эрец-Исраэль согласно договору, сдает их в аренду на 50 лет. По предписанию Торы на 50-й год – *йовель* – землю возвращают прежнему хозяину (Ваикра, 25:23-24), на что и опирался Шапиро в своем предложении. В современных условиях арендный договор истекает через пятьдесят лет, и его нужно возобновлять. Когда ККЛ отпраздновал первый *йовель*, то есть пятидесятилетний юбилей, контракты были возобновлены, и в честь этого юбилея целый район в Иерусалиме назвали Кирьят-Йовель.

Первые земли ККЛ купил в Нижней Галилее и в Иудее (где теперь Хульда, между Иерусалимом и Реховотом), затем – в Иорданской долине, где появился первый киббуц, который назвали Дгания (1909). Покупки продолжались по мере поступления денег. Многие богатые арабы, жившие в Бейруте, Дамаске и других местах, владели землями в Палестине, которые не приносили им дохода, так как были запущенными. Эти "отсутствующие" владельцы, как их называли, охотно продавали эти земли за высокую цену, и у ККЛ не всегда хватало денег, поэтому дело продвигалось медленно. Важным событием стал приезд в Палестину экономиста и социолога Артура Ру-пина² советы которого позволяли установить первоочередность и политическое значение покупок земли и их обработки.

Еще в конце 19-го века за двадцать лет до создания ККЛ Йегошуа Ханки³ уже помогал советами и на практике покупать земли во время первой алии 1890-х годов. Он хорошо знал страну, в которую приехал с родителями восемнадцатилетним юношей в 1882г. Потом он постоянно сотрудничал с ККЛ, его именем названы улицы в Тель-Авиве, Хайфе, Бней-Браке, Герцлии, Реховоте, Петах-Тикве, Хедере, Ришон-Леционе, Раанане.

Речь идет не только о покупке земель. Необрабатываемые порой веками, целые районы были покрыты камнями, занесены песком или заросли сорняком. Еврейские первопроходцы при поддержке ККЛ подняли целинные земли, осушили многочисленные болота (источники малярии к тому же), насадили деревья, которые впоследствии изменили экологию страны. Лесонасаждение стало своего рода специальностью ККЛ, у руководителей которых появилась замечательная мысль: сажать деревья в честь рождения детей, заключения браков или в чью-то память. Этот обычай сохраняется и до наших дней, и во многих домах Израиля или за границей есть красиво оформленные удостоверения о посадке от имени семьи стольких-то деревьев в честь рождения (или бар-мицвы) детей.

Центр ККЛ находился сначала в Вене, потом в Кельне и, наконец, переехал в Иерусалим после Первой мировой войны, то есть после создания "еврейского национального очага" в Палестине под мандатом англичан. Покупка земель расширилась особенно после того, как во главе ККЛ стал Менахем Усышкин.

Пионеры тяжело работали в киббуцах или мошавах на землях, которые им сдавал в аренду ККЛ и которые они своими руками сделали плодородными. Географическая конфигурация еврейских земель была крайне важна во время мандата для установления границ будущего еврейского государства. Поэтому страшная "Белая книга", изданная англичанами в 1937г., ограничивала не только иммиграцию, но и запрещала евреям покупать земли в целых районах Палестины, даже если арабские хозяева готовы были их продать. По первому плану раздела Палестины в 1936-37гг. (предложенному комиссией Пиля), было ясно, что раздел между будущим еврейским государством и будущим арабским государством будет проведен примерно в соответствии с принадлежностью земель евреям, живущим на них. Впрочем, этот принцип был заложен и в плане ООН в 1947г.

Значение "Керен каемет леисраэль", как видим, трудно переоценить с точки зрения и политической, и сельскохозяйственной. С момента образования государства Израиль в

1948г. роль ККЛ в покупке земель утратила смысл, но он остался собственником всех купленных им земель. Его деятельность оставалась основополагающей в деле лесонасаждений, обработки земель, очистки их от камней в целинных районах, ирригации и т.д. ККЛ был и остается опорой сельскохозяйственного развития страны.

Через двадцать лет был создан другой национальный фонд, названный "Керен гаесод". Он тоже играет важную роль в развитии страны, но в другой сфере. Его назначение – собирать деньги и финансировать не на коммерческих началах сельскохозяйственные и промышленные предприятия, строительство и т.д. Короче говоря, и "Керен каемет" и "Керен гаесод" сотрудничают между собой в осуществлении одних и тех же задач. Их представители в разных странах – большей частью добровольцы – собирают деньги для Израиля.

"Керен Гаесод" был основан в Лондоне после Первой мировой войны, когда только что созданный национальный еврейский очаг в британской Палестине подавал надежду на более значительное развитие страны, чем при турках. В 1926г. "Керен гаесод" переехал из Лондона в Иерусалим, где и сосредоточено его управление финансами. Деньги собираются в разных странах в порядке разных форм помощи Израилю. Одними из основателей "Керен гаесод" были Хаим Вейцман и Шмарьягу Левин⁴. Литературные и ораторские способности последнего способствовали тому, что он стал рупором "Керен гаесода" на конференциях во многих еврейских центрах Европы и Америки. "Керен гаесод" и сегодня имеет большое значение. Поэтому многие улицы в Израиле названы в его честь: в Иерусалиме, Хайфе, Беэр-Шеве, Рамле, Цфате, Зихрон-Якове, Афуле и т.д.

Примечания

1. Герман-Цви Шапиро (1840-1898) из Литвы, глубоко религиозный математик, был профессором в Гейдельбергском университете (Германия). Убежденный сионист, он боролся сначала в рядах "Ховевей Цион", а в последние годы жизни стал последователем Герцля. Крупный ученый и знаток еврейской традиции, он привлекал широкую публику и своими лекциями, и статьями в еврейских газетах. Он был, главным образом, известен как инициатор создания ККЛ. Его именем назвали улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Ришон-Леционе, Герцлии и т.д.

2. Артур Рупин (1876-1943) играл решающую роль и в экономике "заселений", и в социальной организации киббуцев, мошавов и т.д. Сионистская организация поставила его во главе "Палестинского бюро", открытого в Яффо в 1908г., и он до самой смерти оставался одной из ведущих фигур в развитии экономики страны. Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве. В бейт-шеанской долине киббуц в его честь назван Кфар-Рупин.

3. Йегошуа Ханкин (1864-1945) родился на Украине, был связан почти со всеми покупками земли, будь то через ККЛ или ЕКО (Еврейское колонизационное общество), финансировавшееся в основном Эдмондом Ротшильдом. В 1932г. возглавил "Корпорацию развития палестинской земли". Играл большую роль в покупках земли в израильской долине. Мошав в этой долине назван его именем -Кфар-Йегошуа. Умер он в Тель-Авиве, но похоронен на горе Гильбоа, возвышающейся над долиной Изреэль, которая многим ему обязана.

4. Шмарьягу Левин (1867-1935), сионистский лидер, член исполнительного комитета с 1911г., был еще и талантливым писателем. Он писал на иврите и на идише. Очень образованный и замечательный оратор, он ездил на сионистские конференции – в частности, в Америку, где он оставался во время Первой мировой войны. Его статьи во многих еврейских газетах на литературные и политические темы принесли ему известность как одному из сионистских вождей его поколения. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Холоне, Беэр-Шеве, Герцлии, Кфар-Саве, Ришон-Леционе. Севернее Герцлии поселение Кфар-Шмарьягу названо в его честь.

МЕНАХЕМ УСЫШКИН

Его называли человеком железной воли, но им двигала не только она. Его воодушевлял идеал, не дававший ему покоя: евреи должны восстановить свою древнюю родину, язык и культуру предков своими руками. Первую половину жизни он прожил в России, вторую – в подмандатной Палестине, и всегда видел перед собой идеал, владевший им в молодости, благодаря которому он стал одним из виднейших сионистов первой половины 20 века. В очень многих местах Израиля улицы носят его имя: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Бней-Браке, Петах-Тикве, Нетании, Ришон-Леционе и т.д.

Менахем Усышкин родился в местечке Могилевской губернии в Белоруссии. Но когда ему было 8 лет, отец как купец первой гильдии получил право жительства в Москве, куда и переехала семья. Там наряду с еврейским образованием, о котором очень заботился отец, начиная с 13 лет Менахем получал техническое образование, и, что бывало крайне редко, отец добился разрешения, чтобы сын не ходил в техническое училище по субботам. Всю жизнь Менахем Усышкин оставался верен еврейским традициям – пусть и не соблюдая их так строго, как отец.

Он получает и общее образование, и еврейское, которое ему дают частные учителя, нанятые отцом, чтобы единственный сын углублял познания в иудаизме. Учителя не ограничиваются традиционными текстами и приступают к занятиям современным ивритом. Таким образом, Усышкин с юношеских лет становится поклонником Мапу и Смоленскина.

Прекрасно зная иврит, Усышкин всю жизнь борется за него. Он убедил Герберта Самюэла, первого английского наместника подмандатной Палестины, сделать три языка официальными: иврит, английский и арабский, что в 1920г. далеко еще не разумелось само собой.

Усышкину не было еще и двадцати лет, когда вспыхнули погромы 1881-82гг. Отныне ему все ясно и бесповоротно: будущее евреев в их родине, в Эрец-Исраэль. Он присоединяется к движению "Ховевей Цион" и создает в Москве кружок, куда входит и Яков Мазэ, который позже будет играть в нем видную роль.

На личности Мазэ стоит немного задержаться. Кстати, одна из улиц Тель-Авива носит его имя. Приверженец "Ховевей Цион", Яков Мазэ (1859-1924) был выдающейся фигурой среди еврейских деятелей России. Когда в 34 года его назначили "казенным раввином" Москвы, стало ясно, что он резко отличается от других "казенных раввинов", обычно людей посредственных и покорных. Он проявил себя как настоящий духовный вождь московского еврейства и одареннейший оратор. Он умел в случае необходимости оказать сопротивление властям. Даже после 1917 года он отказывается склонить голову перед новой властью и добился силой убеждения, чтобы Большую московскую синагогу не закрыли. Ее закрыли только после его смерти.

Он стал знаменит на весь мир во время нашумевшего дела Бейлиса, киевского еврея, которого обвинили в убийстве 12-летнего мальчика в целях ритуального якобы использования христианской крови для мацы. Ссылаясь на еврейские тексты, Мазэ блистательно разоблачал ложь тех, кто заявлял, что иудаизм требует ритуального убийства. Его ораторский пыл, доказательность, мужество подействовали на суд, который в конце концов оправдал Бейлиса.

Не только Яков Мазэ защищал Бейлиса. Вместе с ним на основании расследования и полученных данных Бейлиса защищали талантливые адвокаты, среди которых был и еврей Оскар Грузенберг¹.

Хотя Мазэ и был горячим последователем "Ховевей Цион", в Эрец-Исраэль он не поехал, в отличие от Усышкина, который там окончательно поселился в 1920г. До этого Усышкин туда ездил дважды. В первый раз в 1891г. Это было его свадебное путешествие. В те времена не было принято, чтобы молодые пары проводили медовый месяц в турецкой

Палестине. По возвращении Усышкин поселяется в семье жены в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), где он прожил пятнадцать лет, прежде чем переехал в Одессу (в 1906г.). Там он оставался до самого переезда в Эрец-Исраэль.

От первой встречи с Эрец-Исраэль у него осталось сильное впечатление. Вернувшись в Россию, он публикует на иврите в журнале "Гамелиц" серьезную статью, в которой возражает тем, кто высказал пессимистическую точку зрения, тоже вернувшись из Эрец-Исраэль. Усышкин, напротив, нашел там много оснований для надежд. После неизбежно трудного начала придет успех, и страна возродится. Он горячо поддержал идеи Герцля, как только познакомился с ними, и поехал в Париж и в Вену поговорить с ним перед созывом Первого сионистского конгресса. Усышкин вправе себя считать рупором "Ховевей Цион" в России и хочет присоединить это движение к сионизму Герцля.

Кишиневский погром в апреле 1903г. снова глубоко потряс евреев России. Усышкин чувствует больше, чем когда бы то ни было, необходимость развивать Эрец-Исраэль трудом на земле и летом 1903г. снова отправляется туда. В Зихрон-Яакове он собирает всех руководителей различных направлений, очень многочисленных, но не связанных между собой. 80 тысяч евреев турецкой Палестины того времени группировались по месту работы, по странам исхода, по идеологическим устремлениям, но ни один централизованный орган не принимал во внимание защиту их общих интересов или общего языка, иврита, который вообще еще не был признан.

Собрание в Зихрон-Яакове 1903 года не добилося больших успехов в деле объединения (которое наступило лишь в 1920г.). Напротив, более скромное и малочисленное собрание достигло более плодотворных и длительных результатов. После большого собрания Усышкин созвал совещание преподавателей иврита. Он наметил программу, которой они неукоснительно следовали: во всех сельскохозяйственных еврейских школах преподавать только на иврите; унифицировать произношение на иврите, чтобы не было различий в произношении ашкеназских учеников и сефардских; подготовить школьные учебники на иврите по всем дисциплинам и даже научные материалы. Подготовка последних требовала особо длительной работы, но неустанная поддержка Усышкина была хорошим стимулом. Находясь в Эрец-Исраэль, Усышкин не присутствовал на Шестом сионистском конгрессе в Базеле летом 1903г., на котором Герцль предложил евреям убежище в Уганде. В Зихрон-Яакове в разгар деятельности Усышкин получает телеграмму: "Герцль предлагает Уганду". Его первой мыслью было, что телеграмма зашифрована. С несколькими друзьями он целую ночь пытается ее расшифровать. Что могут значить эти слова? Позднее эта новость была подтверждена. Никакой шифровки. Герцль действительно предлагает еврейскому народу Уганду. Усышкин был потрясен. Сразу же по возвращении в Европу он начинает многолетнюю борьбу против любых проектов еврейского государства вне Эрец-Исраэль. В конце октября 1903г. он собирает в Харькове всех делегатов из России на Сионистский конгресс. Герцлю направляется ультиматум: отказаться от Уганды и чтобы будущие конгрессы занимались исключительно вопросами развития Палестины.

Конфликт между Усышкиным и Герцлем достиг апогея в апреле 1904г., когда в Вене собрался совет Сионистской организации. Герцль спросил Усышкина: "Вы действительно верите тому, что мы сможем получить Палестину?" И Усышкин с присущей ему откровенностью ответил: "Да, верю. А если Вы не верите, то не должны возглавлять сионистское движение".

Не прошло и трех месяцев, как Герцль умер. Потрясенный этой смертью, Усышкин тотчас же выезжает в Вену на похороны. Конфликт между ними не носил личного характера, а был противоборством идеалов и принципов. Усышкин уважал Герцля и даже восхищался им. Но тесно связанный с еврейской традицией, Усышкин и мысли не допускал, что можно предлагать еврейскому народу даже в минуту крайней опасности, какую бы то ни было землю вместо Эрец-Исраэль.

Жизнь Усышкина была настолько заполнена, что невозможно описать ее на нескольких страницах. Мы остановимся лишь на нескольких особо примечательных моментах.

Декларация Бальфура вызвала у него глубокую радость. Хотя Усышкин и был настроен против Англии, которая стала союзницей России, где проходили погромы, он вынужден был выразить англичанам благодарность за столь долгожданное обещание. Он организует в Одессе огромную демонстрацию 2 декабря 1917г., спустя месяц после Декларации. Пятьдесят тысяч евреев приняли в ней участие и прошли нескончаемой вереницей через всю Одессу к английскому консульству. Там Усышкин от имени всех выразил консулу благодарность еврейского народа. Он произнес речь на иврите, ибо не хотел публично выступать ни на каком другом языке. Ничего не поделав, придется прибегнуть к услугам переводчика, раз его не понимают.

На иврите же выступал Усышкин и в Париже на заседании 27 февраля 1919г., где представители сионистов изложили высоким международным инстанциям твердое желание еврейского народа вернуться в официальном порядке в Эрец-Исраэль. Мирная конференция должна была решить судьбу прежних турецких владений на Ближнем Востоке. Арабов выслушали через несколько дней. Сионистскую делегацию пригласили выступить перед "Советом десяти", представлявшем страны-победительницы. Для евреев это был торжественный момент. Их было пятеро. Четверо говорили по-английски и один по-французски. Когда очередь дошла до Усышкина, он горячо, на иврите – "языке пророков" – изложил требование "потомков народа пророков" вернуться на землю предков.

Не такое было время, чтобы оставаться в России, и в ноябре 1919 г. Усышкин окончательно уезжает из Европы в Эрец-Исраэль. Его назначают главой сионистской делегации, на которую англичане и сионистская организация возложили временное руководство политической, экономической и культурной деятельностью евреев, живущих в Палестине, ставшей подмандатной территорией Англии. Он эту миссию выполнил как нельзя лучше. Он живет в Иерусалиме, но бороздит всю страну и, главным образом, занимается покупкой земли для первопроходцев.

Ничего удивительного, что в 1924 году его выбрали председателем комитета директоров "Керен каемет леисраэль" (ККЛ). Он занимал этот пост до конца жизни. Умер он в октябре 1941г. На этом посту он сыграл неоценимую роль. В те времена речь шла, главным образом, о том, чтобы покупать земли на деньги, собранные в еврейских общинах всего мира. Ему таким образом удается купить земли в Изреэльской долине, у Хайфского залива и еще во многих местах. Будущее Эрец-Исраэль решалось в годы между двумя мировыми войнами, и Усышкин это ясно видел. Его часто критиковали, его упрекали в растрачивании огромных сумм, которые ему порой лишь еще обещали, на покупку заболоченных или засушливых земель. Но в нем жила непоколебимая вера, и будущее показало, что он был прав. Заболоченные земли осушили, засушливые – оросили, каменистые – очистили от камней. Благодаря работе ККЛ, благодаря провидческим усилиям Усышкина и тяжелому труду пионеров, природу преобразили.

Усышкин много сделал и в области культуры. Один из первых, кто хотел создать еврейский университет в Иерусалиме, он помог купить для этого землю и участвовал в торжественном открытии на горе Скопус в 1925г. Будучи членом административного совета университета, он не жалел сил и на этом поприще.

Менахем Усышкин, натура цельная, работал не покладая рук, во имя национального еврейского идеала. Он вполне заслужил, чтобы его именем были названы улицы во многих городах Израиля. В честь него назван и кибуц Кфар-Менахем².

Примечания

1. Оскар (Исраэль) Грузенберг (1866-1940). В Иерусалиме, Тель-Авиве, Ришон-Леционе и т.д. есть улицы его имени. Родом он был с Украины. Окончив юридический факультет в

Киеве, он стал адвокатом в Санкт-Петербурге. Занимая высокое положение, он не скрывал своего еврейства, защищал невинно осужденных евреев не только в деле Бейлиса. После Октябрьской революции уехал из России сначала в Берлин, потом в Ригу, и наконец, в Париж. Разделял сионистские устремления.

2. Немного восточнее Кирият-Малахи.

НАХУМ СОКОЛОВ

Видный писатель и сионистский деятель, он был самой крупной фигурой сионистского движения первой половины 20-го века после Герцля и Вейцмана. Вот почему в Израиле практически везде есть улица Соколова, начиная с больших городов: Иерусалима, Тель-Авива, Хайфы, Беэр-Шевы, и кончая небольшими городками и поселениями: Год-Гашарона, Кирият-Аты, не говоря, разумеется, о городах средних – Реховоте, Афуле, Ришон-Леционе, Нетании, Герцлии, Бней-Браке и т.д.

Родился он в польском местечке в 1859г., но в 20 лет переехал в Варшаву. Там проявился его талант писателя и журналиста. У него были и выдающиеся лингвистические способности. Кроме идиша, русского и польского, он разговаривал на иврите, французском, итальянском, немецком и английском.

Известность ему сначала принесла статья в ивритской газете "Гацфира" ("Рассвет")¹, выходившей в Варшаве. Вскоре он стал ее главным редактором. Действительно, большинство статей писал в ней он. Газета стала ежедневной и просуществовала практически до Первой мировой войны как главный орган информации польских евреев, направленный на их объединение. Человек огромной общей и еврейской культуры, Соколов привлекал всякую публику, от самой консервативной до самой модернизированной. Став горячим последователем Герцля после Первого конгресса в Базеле, он придает газете сионистское направление.

Его участие в сионистском движении становится все более деятельным, и в 1906г. его выбирают генеральным секретарем движения. Тогда же учащаются его поездки в Палестину и в Америку. Он налаживает связи со многими руководителями государств и очень убедительно излагает им цели сионизма. В этом смысле он действительно продолжает политику Герцля. Знание языков в этом деле ему помогает.

Когда вспыхнула Первая мировая война, он поселился в Лондоне и остался там уже до самой смерти (1936г.). В Англии, как и Вейцман, он сыграл большую роль в переговорах, предшествовавших Декларации Бальфура. В июне 1917г. он поехал в Париж заручиться согласием Франции на проект "еврейского национального очага" в Палестине. С той же целью ездил он и в Италию, где получил аудиенцию у римского папы Бенедикта XV.

На исходе войны сионистская делегация выступила по делу "еврейского национального очага" в Палестине перед "мирной конференцией", поскольку Декларация Бальфура не могла вступить в силу без ратификации со стороны великих держав. 27 февраля 1919г.² сионистская делегация получила слово; во главе стоял Нахум Соколов, чье выступление было выслушано очень внимательно. Рассказывая об этом в своих воспоминаниях, Вейцман писал: "Он говорил, избегая сентиментальности, но так, будто нес на плечах 2000 лет страданий евреев. Его спокойствие и достоинство произвели большое впечатление".

В 1920г. сионистская конференция в Лондоне обсудила новое явление, возникшее в связи с войной. Тогда-то Вейцман и был избран председателем Всемирной сионистской организации. Но, когда в 1931г. Вейцман ушел с этого поста из-за протеста против ограничений англичанами иммиграции, на его место выбрали Соколова; он оставался на этом посту четыре года, пока Вейцман не стал снова председателем. Но на этой Лондонской конференции Соколова назначили председателем исполнительного комитета, который осуществлял все решения Организации.

Когда в 1931г. он покидает этот пост, чтобы заменить Вейцмана, председателем исполнительного комитета становится Бен-Гурион и остается им до образования

государства Израиль (1948г.).

Здесь трудно входить в подробности, но все же нужно сказать, что Нахум Соколов принимал самое деятельное участие в развитии сионистского движения. Он, например, написал "Историю сионизма" (в двух томах по-английски), которая вышла в 1919г., в самый острый момент, когда решалась судьба "еврейского национального очага" в Палестине, который существовал лишь в обещаниях, записанных в Декларации Бальфура 1917г. Книга имела огромный успех.

Упомянем важную заслугу Соколова, о которой мало кто знает и которая связана с самим названием Тель-Авива. Соколов был талантливым переводчиком, и ему поручили перевести на иврит книгу Теодора Герцля "Altneuland", как только она вышла в 1902 году в Германии. В ней Герцль писал о том, что в наши дни называется научной фантастикой: наступит день, когда в Палестине будет еврейское государство. Многие его мечты, казавшиеся тогда утопическими, осуществились. Скажем, помощь, которую еврейское государство будет оказывать малоразвитым странам Черной Африки (о ней писал Герцль еще в 1902г.). Соколов с легкостью перевел всю книгу, а вот название никак не удавалось перевести.

Он, конечно, мог перевести дословно "Древняя и новая земля". Но как хороший переводчик он хотел сохранить трех ударный ритм; более того, немецкое название содержит в себе четкую связь с понятием культуры, в нем есть аллюзия на пражскую "Altneuschule", очень известную и самую древнюю синагогу в Европе.

Соколову пришла мысль поискать в Танахе, и там он действительно нашел решение. Пророк Йехезкель, изгнанный в Вавилон, жил в селении, которое называлось Тель-Авив (Йехезкель, 3:17). Это название, во-первых, трехсложное и, во-вторых, содержит в себе связь с понятием культуры, содержит также и понятие "древняя" (*тель* – это холм в археологических раскопках) и "новая", поскольку *авив* на иврите – весна. Книга Герцля в переводе Соколова на иврит была названа "Тель-Авив". Такое же название выбрали для города на границе с древней Яффо, когда на песчаных дюнах, доходивших до берега Средиземного моря, построили в 1909г. первые дома. Таким образом Тель-Авив назван в неявном виде в честь Герцля. Только спустя пятнадцать лет, когда утихло брожение в сионистском движении, Герцлю назвали в честь Герцля в явном виде.

Впрочем, Соколов был горячим последователем Герцля, даже когда не соглашался с ним. После смерти Герцля Соколов играл огромную роль и как политический руководитель, и как журналист. В Тель-Авиве Дом журналистов назван его именем. И киббуц Сде-Нахум в долине Изреэль тоже. Киббуц был основан после его смерти. Останки Соколова, умершего в Лондоне, спустя двадцать лет, в 1956г. были перевезены в Иерусалим и перезахоронены на горе Герцля – там, где места отведены для тех, кто были председателями Всемирной сионистской организации.

Примечания

1. В честь этой очень важной в деле возрождения литературы газеты названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Холоне, Нетании, Ришон-Леционе.
2. В этой делегации находился и Усышкин, и Вейцман в оппозиции Герцлю в связи с планом Уганды.

РАВ КУК

Столько улиц в городах Израиля от Кирьят-Шмона до Ашкелона, от Герцлии до Офаким, от Нетании до Ашдода и, разумеется, до Иерусалима и Тель-Авива, названо его именем, что устанешь их перечислять. Откуда такая популярность и как может быть такое единодушное отношение к раввину наших дней, когда в Израиле общество столь плюралистично в вопросах религии?

Дело в том, что рав Аврагам-Ицхак Гакоген Кук (1865-1935) был раввином вне какой-либо общины. Представитель самой строгой восточноевропейской ортодоксии по своей

набожности, эрудиции, образу жизни, даже одежде – традиционная шапка, отороченная мехом, – он в то же время отнюдь не отворачивался от современного мира и был сторонником национального возрождения, другом всех верующих и неверующих.

В противоположность многим своим коллегам в те годы, он почти уже сорокалетним уезжает навсегда в Эрец-Исраэль, причаливает в порту Яффо, становится ее раввином, когда национальное возрождение в турецкой Палестине считалось в кругах йешив чуть ли не ересью.

Позднее, став главным раввином Иерусалима, а потом и главным ашкеназским раввином подмандатной Палестины, он идет против течения, признавая светский сионизм. Его дружеские визиты в самые нерелигиозные киббуцы и мошавы, его уважение ко всяким направлениям среди горячих ревнителей религии превратили его в почитаемого учителя. всю свою жизнь он заботился о единстве еврейского народа, покоящемся на многовековой традиции.

Перипетии его жизни, знакомство с великими раввинами способствовали развитию всех качеств, благодаря которым он стал раввином вне какой-либо общины.

Родился он в еврейском местечке в Латвии, которая была тогда под властью России. С раннего детства он блестяще преуспевал в занятиях Талмудом, что и привело его в Воложинскую йeshиву в Белоруссии. В те времена она была самым большим центром по изучению еврейских наук в Европе, в ней было почти 500 ешиботников, приехавших не только из Польши и России, но и из Германии, Англии и т.д.

Когда туда прибыл совсем молодой Аврагам Кук, возглавлял йeshиву раввин Нафтали-Цви-Йегуда Берлин, которого обычно называли Ганацев (по первым буквам его имени)¹. Ганацев принимал в йeshиву только лучших и был чуток к современным ему проблемам, что было редкостью для йешив того времени. Он сочувствовал движению "Хибат Цион", ("Любовь к Сиону"), которое сформировалось в России в 1881г. при активном участии Пинскера, Лилиенблюма и других. Вместе с тем он очень заботился о сплоченности еврейских общин ввиду тенденций отхода от иудаизма, опасность которого он ясно понимал. Он полностью противился идеям своего современника

Шимшона-Рафаэля Гирша² из Франкфурта, который стремился к созданию отдельных ортодоксальных общин. Молодежь, воспитывавшаяся в Воложине, не должна была закрывать глаза на все эти проблемы, а, наоборот, быть религиозными лидерами, справляющимися с требованиями времени. Все это укрепляло Аврагама Кука в его собственном направлении мыслей. Влияние Ганацева на него было не менее существенным, чем влияние Хафеца-Хаима³ (которого он встретил позже) – правда, в другой области.

В Воложине он женился на дочери очень известного раввина Элиягу-Давида Рабиновича-Теомим из Поневежа (Польша). Как было принято в те времена, молодожены поселились у родителей жены. Раввин Рабинович-Теомим и сам был заинтересован в обновлении Эрец-Исраэль (позже он переезжает в Иерусалим): Святая Земля жаждет Торы, те, кто ее изучают, должны ее туда принести.

В Поневеже Аврагам Кук продолжает свое талмудическое образование, но читает и современные еврейские книги и журналы на иврите и по-немецки. Он много размышляет о кризисе иудаизма в конце XIX века, когда евреи все больше и больше отходят от традиций. Молодых привлекают светские науки, и они уходят из йешив, из слишком замкнутого мира. Аврагам Кук не хочет мириться с пассивностью почти всех тех, кто ответственен за йешивы, полагая, что кризис может иметь катастрофические последствия для еврейского народа.

В 1888 году, когда ему было 23 года, он занял пост раввина в местечке Хермалисе (Литва), а через шесть лет – в Бауске (Латвия). Все эти шестнадцать лет прошли относительно спокойно. Он пишет, преподает. Его известность быстро возрастает и выходит за пределы

местечек, где он живет.

В 1904г. году он принимает важное решение. Отклонив лестные предложение поста раввина в Вильно и в Ковно, он принимает этот пост в Яффо, куда и прибывает, точно отдавая себе отчет, с какими огромными проблемами это связано.

Маленькая страна с тонкой прослойкой еврейского населения (около 80 000) и при этом раздираемой раздорами. Даже внутри "религиозного" клана страшный антагонизм: хасиды и митнагдим, приверженцы национальной религиозной партии "Мизрахи" (которая только что образовалась (1902 г.) в рамках Всемирной сионистской организации) и противники всякой национальной идеи. Последние вскоре сгруппировались вокруг "Агудат-Израэль", образованной в Германии в 1909г.

Рав Кук старается оставаться вне партий и враждующих между собой групп. Он хочет быть раввином всех. В Яффо, еврейское население которой значительно увеличилось после гонений 1905г. в России, у него дел выше головы. Он ежедневно читает курс по Талмуду и еврейской философии. Вместе с "Мизрахи" он основывает в Яффо и в Иерусалиме школы, где проводится традиционное талмудическое обучение, как в йешивах, и общеобразовательное – как в лицее. Он отвечает на запросы, которые ему шлют со всех концов света.

Не примыкая к "Агуде", но в уступку некоторым друзьям он соглашается присутствовать на втором заседании "Агуды", которое должно состояться в Берлине в 1914 году. Рав Кук покидает Яффо в конце июня 1914 года. В Берлин он прибывает за несколько дней до начала войны.

После второго августа (когда началась Первая мировая война) его как русского подданного и выходца из вражеской страны посадили в тюрьму. Благодаря стараниям немецких раввинов, его выпустили при условии, что он покинет страну. Вернуться в Эрец-Израэль невозможно, все пути закрыты. И рав Кук находит убежище в Швейцарии, где семья одного из приверженцев приютила его в маленьком городке Санкт-Галлен, и он там прожил больше года. Воспользовавшись этим вынужденным отдыхом, он написал несколько своих самых важных очерков.

В начале 1916г. еврейская община Лондона приглашает его стать ее раввином, и он сразу же соглашается. В Лондоне он снова активно участвует в еврейской жизни, но продолжает писать. Он вступает в спор вокруг Декларации Бальфура (ноября 1917г.) и сурово осуждает тех, кто, будучи ассимилированными или крайне религиозными, эту Декларацию подвергают оголтелой критике. В письме, которое он рассылает, чтобы его читали субботним утром во всех ортодоксальных синагогах Лондона, он пишет так: "Выяснить вопрос о том, национальная или религиозная основа у еврейского существования – все равно, что ломать комедию. Мы знаем только один иудаизм – целостный". Этот текст, написанный без обиняков, следовало бы привести полностью. Он нисколько не утратил своей актуальности.

После возвращения в Эрец-Израэль, тогда уже подмандатную, его выбрали главным раввином Иерусалима, а в 1921 году, – всей Палестины, когда англичане ввели такую должность. Но в некоторых раввинских кругах Иерусалима и Бней-Брака у него были противники, которых шокировали его посещения нерелигиозных киббуцев.

А он, наоборот, раскрывал сердце и дом всем. Вечерние занятия накануне праздника Шавуот – двери его скромного дома в Иерусалиме распахнуты настежь. С девяти вечера до зари он обучает каждого, кто хочет его слушать, и повторяет свою любимую максиму: "Второй Храм был разрушен из-за беспричинной ненависти между евреями. Чтобы его восстановить, нужна беспричинная любовь между ними."

Смерть пришла к нему, уже больному, в 70 лет. Вызвали знаменитого иерусалимского врача, совершенно неверующего, пытаясь его спасти. Рав Кук сказал ему, улыбаясь: "Надеюсь, недалек тот день, когда евреи – великие специалисты в своем деле – будут еще и

великими евреями."

Его смерть была тяжелой утратой для всей страны. Его любили и самые смиренные евреи, и самые высокопоставленные англичане, он умел прислушиваться к самым различным мнениям, никогда не отступая от своей непоколебимой преданности повелениям Торы.

Сионизм для него был залогом сплочения еврейского народа на своей земле. Но этот залог не может выполнить своего назначения, если его не наполнит пламень души. Неверующие сионисты – они же рабочие, которые строят Святая Святых; без этих тружеников с неутомимыми руками и "нерелигиозными" мыслями "пастырю" не найти своего истинного места и не выполнить своего назначения. Но и рабочие не имеют права думать, что их чисто физического труда достаточно для прихода Машиаха.

Немного сочинений рава Кука вышло при его жизни. Его богатое творчество, включая замечательные стихи, было обнаружено через много лет после его смерти. Труд "Шабат гаарец" был опубликован в 1937г. Но в основном его большие произведения появились с помощью его сына Цви-Йегуды Кука, начиная с 1955г. Назовем лишь "Орот гатшува", (1955г.), "Орот гакодеш" (три тома, 1963-64), "Игрот тарах" (три тома, 1962-65).

Очень большая йешива в Иерусалиме названа в честь него без упоминания его имени: "Мерказ га-рав", ибо для многочисленных последователей он был и остается по преимуществу Равом, и нет нужды называть его по имени.

Примечания

1. Улица Берлина в Иерусалиме наводит на мысль и о раввине Нафтали-Цви-Йегуде Берлине (1817-1893), и о его сыне Хаиме Берлине, переехавшем в Иерусалим и возглавившем большую йешиву. Религиозный кибуц в Бейт-Шеане назван именем отца: Эйн-Ганацив.

2. Раввин Шимшон-Рафаэль Гирш (1808-1888). Улица его имени есть в Бней-Браке.

3. Израиль-Меир (1838-1933) всегда называется по названию его самой известной книги "Хафец-Хаим". Его авторитет в области религии был бесспорно значительным в еврейском мире первой половины XX в. Он прожил очень скромную жизнь в местечке Радунь (около Гродно) в Белоруссии. Один из основателей партии "Агудат-Израэль", он был противником сионизма, что не мешало назвать его именем улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Бней-Браке. Есть и религиозный кибуц его имени.

.БАЛЬФУР

Видный английский политик, Бальфур, возможно, никогда не сыграл бы столь важной роли, как подписание Декларации, которая носит его имя, если бы за одиннадцать лет до этого между ним и Хаимом Вейцманом не состоялась беседа, оказавшаяся решающей.

В 1906г. в Великобритании проходили выборы. Опытный политик Бальфур был премьер-министром как раз в 1903г., когда его министр колоний Джозеф Чемберлен предложил Герцлю создать еврейское государство в Уганде. К своему большому удивлению, Бальфур узнал, что евреи не согласились, и сказал одному из своих друзей, что ему, Бальфуру, было бы любопытно познакомиться с одним из этих евреев, которые отвергли предложение: "Он не понимает их мотивов.

Организовывая предвыборную кампанию, Бальфур отправился в Манчестер. Там оказался Хаим Вейцман. Он был известен как один из противников проекта Уганды. По просьбе их общего друга Бальфур принял Вейцмана, хоть и был очень занят. Беседа, которая должна была занять несколько минут, продлилась час. Вейцман о ней рассказывает в своих воспоминаниях: "Он спросил меня, почему некоторые евреи-сионисты так упорно протестовали против Уганды. Британское правительство ведь действительно хочет сделать что-нибудь, чтобы облегчить бедственное положение евреев. Я долго толковал ему о значении сионистского движения, о его духовной сути, объяснил, что вне глубокой религиозной убежденности, выражаемой в современных политических терминах, ничто не может обеспечить жизнь этому движению; что эта убежденность зиждется на Палестине, и

только на ней. Если бы Моисей, добавил я, приехал на Шестой конгресс, когда некоторые уже были готовы принять резолюцию в пользу Уганды, он наверняка еще раз разбил бы Скрижали...". Но Бальфур оставался равнодушным.

Тогда я ему резко сказал: "Господин Бальфур, если бы я предложил вам Париж вместо Лондона, вы согласились бы?"

Он помолчал, посмотрел на меня и ответил: "Но, доктор Вейцман, Лондон у нас есть".

"Верно, сказал я. – Но Иерусалим у нас был, когда на месте Лондона были еще болота".

Он подался вперед и, продолжая внимательно смотреть на меня, сказал две фразы, которые я прекрасно запомнил. Первая: "И много евреев думают, как вы?"

"Полагаю, – сказал я, – что выражаю мнение миллионов евреев, которых вы никогда не встретите и которые сами высказаться не могут, но с которыми я мог бы прокладывать дороги в стране, откуда я приехал".

Тогда он сказал вторую фразу: "Если дело обстоит таким образом, вы станете серьезной силой".

Незадолго до моего ухода Бальфур сказал: "Странно: евреи, которых вижу я, совсем другие". "Господин Бальфур, сказал я, – это потому, что вы не видите настоящих евреев".

В годы перед Первой мировой войной разница между ассимилированными евреями-несионистами и теми, кто как Вейцман и многие другие, страстно хотели вернуть евреям родину их предков, была уже четко видна. Последним отныне были отданы симпатии Бальфура.

Невозможно тут рассказать о всех переговорах, которые предшествовали Декларации Бальфура. Скажем только, что те сионисты, которым она обязана своим появлением, – это Хаим Вейцман и его друзья, а члены британского правительства, которые способствовали ее появлению, – это несколько государственных деятелей, среди которых на первом плане стоят Ллойд-Джордж и Бальфур.

В разгар войны, в декабре 1916 г. сменилось правительство: Эсквит был свергнут, и премьер-министром стал Ллойд-Джордж. Он сделал Бальфура министром иностранных дел. Отныне переговоры о будущей Декларации оживились. Однако возникло неожиданное препятствие, когда лорд Монтегю, совершенно ассимилированный еврей и антисионист, вошел в правительство Ллойд-Джорджа в июле 1917г. Это из-за него и некоторых других в Декларации появились некоторые неопределенности, потому что в то время и в той стране, как и в других странах и по другим поводам, некоторые евреи требовали принятия мер против того, что большинству представляется жизненно важным для еврейского народа.

На самом деле Декларация Бальфура – это просто письмо на английском языке, подписанное Артуром Джеймсом Бальфуром на бланке Министерства иностранных дел, датированное вторым ноября 1917г.

Письмо адресовано лорду Уолтеру Ротшильду, горячему сионисту, члену Палаты лордов и вице-президенту Ассамблеи представителей английских евреев. Один из негативных результатов вмешательства лорда Монтегю состоял в двойственной формулировке. Первый вариант, принятый Бальфуром, обещал, что "Палестина будет национальным еврейским очагом". Вторая версия, принятая после вмешательства министра лорда Монтегю, которую Бальфур и вынужден был принять, обещала, что "еврейский национальный очаг будет в Палестине". Это изменение в одно слово открыло возможность для всех последующих территориальных изменений¹.

Как бы то ни было, Декларация Бальфура была принята с великой радостью всеми сионистскими кругами. Но она была еще и козырем для поддержания британский притязаний на Палестину. Не нужно забывать, что тогда война шла еще полным ходом. Франция и Англия надеялись на победу (которой еще не было) а с нею и на разрушение Турецкой империи, союзницы Германии. Франция и Англия стремились завладеть

Палестиной и Ливаном – ключевыми районами, соседствующими с Суэцким каналом и господствующими над восточным Средиземноморьем.

Историки еще и сегодня задаются вопросом, была ли Декларация Бальфура (которая в 1920г. была утверждена на мирных переговорах) плодом идеализма или политических интересов.

Заинтересованность самого Бальфура была двойной: с точки зрения подлинного сочувствия делу сионизма, зародившемуся в нем со встречи с Вейцманом в 1906г., о которой было сказано выше, и вместе с тем с точки зрения политического интереса – впрочем, вполне законного для Англии. ^г

Создание еврейского национального очага под опекой Британии привело к бурному экономическому развитию. Нарастает строительство – новые кварталы с улицами Бальфура появляются в Иерусалиме и Тель-Авиве, в Хайфе, Нетании, Нагарии, Ришон-Леционе, Беэр-Шеве, Петах-Тикве, Кфар-Саве и Рамле.

В 1922г. в долине Изреэль был создан мошав под названием Бальфурия. В Галилее посажен большой лес в честь Бальфура.

Открытие Еврейского Университета на горе Скопус состоялось в 1925г. Бальфур был почетным гостем на этой торжественной церемонии. Он был счастлив увидеть, как развивается еврейский национальный очаг, появившийся благодаря его подписи. О Декларации он сказал: "Это лучшее, что я сделал в своей жизни".

Когда в 1930г. в возрасте 82 лет Бальфур умер, весь еврейский мир был в глубоком трауре. Появились еще улицы его имени.

Воспоминания о политических деятелях часто улетучиваются вместе с очередными выборами. Возможно, в Англии Бальфура не очень чтут. Но в Израиле его имя остается навсегда почитаемым, потому что оно принадлежит человеку, которому Израиль многим обязан, и евреи хранят ему верность.

Примечания

1. В частности, в 1921г. вся Трансиордания была дарована эмиру Абдулле, и таким образом была создана территориальная база для будущего Иорданского королевства.

М.МОЙХЕР-СФОЙРИМ

Его часто называют отцом литературы на идише. Ибо до него, если разговорный идиш и был распространен в Восточной Европе, литературным языком он не считался. И действительно, кроме газет на среднем уровне и книг религиозного содержания (главным образом, для женщин) очень мало было написано на идише на высоком уровне. Иногда просвещенные евреи писали на языке своего окружения, но гораздо чаще – на иврите. Да и Менделе начал свою литературную карьеру на иврите.

В 1860г., когда ему было 25 лет, вышел его "Мишпат шалом" ("Мирный суд"). Семью годами раньше возрождение ивритской литературы было отмечено успехом, выпавшим на долю романа Аврагама Мапу "Агават Цион", основанного на рассказах из Танаха. А Менделе с самого первого его эссе интересовался современными евреями. Он был и строгим их критиком, и задушевным их бытописателем.

Потому он и перешел на идиш, язык своего народа, чтобы "превратить эту Золушку, – как он говорил, – в настоящую даму". Однако он продолжал писать и на иврите – временами чаще, чем на идише, временами реже.

Своего рода двойкий писатель и двойкая личность, что отражено в его псевдониме Менделе Мойхер-Сфорим (Менделе – продавец книг).

Менделе родился в 1835г. в семье Абрамовичей в белорусском местечке, и называли его Шалом-Яков. Отец умер, когда ему было 13 лет. Юный Шалом-Яков, уже весьма сведущий в Талмуде, продолжал религиозное образование во многих йешивах Волыни и Украины. Жил он крайне бедно и ощущал себя частью тех бедных и богобоязненных евреев, которых он потом описывал в своих произведениях как на иврите, так и на идише.

После окончания учебы он стал учителем.

Он прожил одиннадцать лет в Бердичеве, двенадцать – в Житомире, два года – в Женеве и наконец переехал в Одессу, где и прожил тридцать пять лет до самой смерти в 1917 году, когда ему было 82 года.

Его первое произведение на идише "Дос клейне менчеле" ("Маленький человек") написано в последние годы его пребывания в Бердичеве. Оно печаталось с продолжением в журнале "Кол мевасер", выходившем тогда в Одессе. Успех пришел немедленно и надолго. С тех пор, – писал он в своих автобиографических записках, – "я был самым духом языка идиш... сдобривая его всеми положенными ему специями и приправами. Отныне это была настоящая дама, красивая и изящная, которая одарила меня многими детищами".

Что толкало Менделе писать на идише, когда интеллектуальная еврейская элита презирала этот "жаргон" и старалась создать современную ивритскую литературу? Менделе объясняет это в двух автобиографиях, написанных, впрочем, на иврите: "Решимот летолдотай" ("История моей жизни") в 1889г. и "Баямим гагем" ("В те дни"), впервые вышедшую в 1904 году.

Его тревожит следующий вопрос: когда он пишет на иврите, для кого он пишет? Для своего народа, но большинство евреев не понимает иврита – только идиш. И он решает писать для большинства народа, жаждущего культуры, на идише, не теряя своей репутации ивритского автора. Он знал, что вызовет на себя огонь критики, когда будет писать на идише. Распри по поводу преимущества иврита перед идишем начались с его первых рассказов на идише и длились до первой четверти XX века, когда иврит утвердился как официальный язык еврейского возрождения в Палестине, возрождения языкового и литературного, еще более утвердившегося с образованием государства Израиль в 1948г.

Самая известная повесть "рассказчика на идише", конечно же, "Фишке дер крумер" ("Фишке-хромой"), 1869г. Герой повести – Фишке, который хромает, но колесит по всей России и Польше (как и Менделе в молодости). Ни завязки, ни развязки – просто яркая картина еврейского обнищания в России, написанная рукой мастера, произведение мирового значения.

Популярный рассказчик, Менделе и потрясающий реалист, и безжалостный сатирик. Намеренно отойдя от изысканного искусства, к которому стремились сторонники иврита того времени, он обращается к сердцам своих читателей, и каждый узнает себя или своих родичей, или соседей в персонажах, которых писатель делает живыми.

Тому пример Биньямин в "Путешествии Биньямина III". Родившись в Тунеядовке, вымышленном городке в Галиции, Биньямин мечтает стать великим путешественником, как знаменитый Биньямин из Уделы, пересечь моря, попасть в Эрец-Исраэль... Отправился он, не предупредив никого, даже жену. Он чувствует себя сильным и смелым, как Александр Македонский. Он скоро станет славой Тунеядовки. Но, очнувшись за пределами своего местечка, которое до того он ни разу в жизни не покидал, он сразу же ударился в панику, поскольку услышал позади себя голос и конский топот: он представил себе страшнейшего из разбойников, который, конечно же, ограбит его и перережет ему горло. Мертвый от страха, он упал в обморок. Придя в себя, он увидел, что лежит в повозке доброго крестьянина, который в конце концов привез его, смущенного, в Тунеядовку, где жена и все местечко уже считали его жертвой погрома и называли "Биньямин – бедный мученик". Так это прозвище к нему и прилипло, хотя он вернулся живым и невредимым из своего грандиозного путешествия за три километра от Тунеядовки.

Этот тип храбреца на словах стал общечеловеческим. Те, кто читал Альфонса Доде, немедленно увидят сходство между Биньямином III и Тартареном из Тараскона.

Но Менделе занимали также специфические конфликты между евреями. Свои глубокие анализы он писал чаще всего на иврите. В эссе "Перед судом небесным и перед судом

земным" (по начальным словам торжественной молитвы в Йом-Кипур) он сталкивает сторонников Гаскалы, самых строгих сторонников соблюдения всех предписаний и тех, кого еще называли "Ховевей Цион" и которые потом стали сионистами. Он излагает мотивировки каждой стороны. Хотя их аргументы сегодня можно считать устаревшими, поскольку прошло больше века, да еще такого, который глубоко изменил жизнь еврейского народа, этот глубокий антагонизм между евреями сохранился; рассматривая проблемы в исторической перспективе, он тем самым разбирает проблемы наших дней в их истинном объеме, который нельзя ни недооценивать, ни преувеличивать.

В еврейскую историю Менделе вошел, но участия в ней не принимал. Правда, в различные периоды своей жизни Менделе разделял одну за другой эти идеологии, безжалостно критиковал окружавшее его еврейское общество, но не выдвигал никакого решения. Он писал с любовью и с юмором, иногда с глубокой печалью, но не пророчествовал. Он прекрасный рассказчик, но не моралист.

В 1909г. семидесятипятилетие Менделе праздновалось как большое торжество. В Вильно, в Лодзи, в Белостоке и в Варшаве – везде его встречали овациями. Его называли "дедушкой", и писатели на идише следующих поколений жадно внимали этому неистощимому рассказчику. Менделе, по словам его биографов, не любил молчать и другим не давал говорить. Он рассказывал так же замечательно, как и писал, и его устные рассказы отличались необыкновенным обаянием.

Но Менделе старел. "Грустно быть дедушкой", писал он Шолом-Алейхему, которого считал своим духовным внуком. Ему становилось все трудней писать. Феноменальная память слабела.

Война 1914г. была последним испытанием. Евреи ушли в русскую армию; среди "внуков" были убитые и раненые. Все это он переживал тем более остро, что прекрасно понимал: если война несчастье для всех, то для русских евреев она двойное несчастье. "Почему и во имя чего умирает еврейский солдат? Просто так. Умирать просто так – что может быть ужаснее! У нас есть единственное право на этой бесчеловечной родине: право быть убитым и в мирное время, и на войне, право быть уничтоженным во время погрома по приказу царя-батюшки или погибнуть за него на фронте".

Эти мысли, которыми он делился с верными друзьями, окрасили печалью последние месяцы его жизни. Он умер в Одессе в 1917г., после октябрьской революции, которая не уменьшила его страхов за свой народ, за простых евреев, которых он так любил.

Его "внуки" воздали ему должное в Израиле. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Нагарии, Нетании, Ашдоде, Холоне, Хайфе, Реховоте, Бат-Яме и т.д. Иногда они называются просто "Менделе", иногда "Менделе Мохер-Сфарим". Но повсюду его любят, читают, узнают себя во многих его персонажах – потому что если события изменяют мир, то человеческая природа меняется крайне мало.

Примечание

1. Биньямин из Туделы отправился в конце XII в. из Испании в путешествие по всем еврейским общинам Средиземноморья. Его путевые заметки на иврите – источник свидетельств. Улицы его имени есть в Тель-Авиве и Иерусалиме.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Он умеет заставить смеяться даже в минуты самых горьких перемен в жизни; его персонажи полны юмора и неожиданностей. Он безусловно самый популярный писатель на идише конца XIX – начала XX в.в.. Его именем названы улицы, пожалуй, во всех городах Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Кфар-Саве, Рамат-Гашароне, Раанане, Холоне, Кирьят-Ате, Ришон-Леционе – всех не перечислить.

Шолом-Алейхем – это псевдоним, под которым его знают во всем мире. Настоящее его имя Шолом Рабинович. В своих "Мемуарах" он объясняет, что в молодости решил писать под псевдонимом, чтобы скрыть от друзей и даже от отца, что он пишет на идише, потому

что все были горячими сторонниками ренессанса на иврите. Несмотря на успех Менделе Мойхер-Сфойрима, они еще не считали идиш литературным языком, когда Шолом начал на нем писать. Первые эссе он опубликовал на иврите в солидных журналах "Гацфира" и "Гамелиц", но очень скоро перешел на идиш. Шолом-Алейхем завоевал в мировой литературе еще более прочное место, чем Менделе Мойхер-Сфойрим.

Родился он в 1859г. в Переяславле, вырос в чуть большем городке Воронцове, тоже на Украине, где жили его родители. Там он получил традиционное еврейское образование, но выучил и русский, что позволило ему поступить в русскую гимназию. Родители, довольно состоятельные, обеспечили Шолому, его братьям и сестрам беззаботное детство, но превратности судьбы принесли в дом нужду. А тут еще умерла мать от холеры, когда ему было 13 лет. Отец женился снова, и вторая жена стала детям настоящей мачехой. Первое эссе на идише – это юмористическое изложение всех шпилек, которыми мачеха "подкалывала" детей своего мужа.

Окончив гимназию, он, как большинство молодежи из бедных семей того времени, искал место репетитора в богатой семье. В 18 лет с пустым животом, хорошо зная нужду, которую он потом будет описывать в своих произведениях, он получил место репетитора недалеко от Киева в зажиточной еврейской семье Элимелеха Лоева. Меньше чем через два года Элимелех отказал ему от дома – когда заметил, что его дочь Ольга и бедный репетитор влюбились друг в друга.

Какое-то время Шолом утешался тем, что его первые рассказы принимали в газеты на идише, и они имели успех. Шолом-Алейхем быстро добился известности и заработал немного денег. В 1883г., когда ему было 24 года, он смог жениться на Ольге.

Молодожены поселились недалеко от Киева, большого города, который послужил прообразом "Егупеца" в романах писателя. Шолом Алейхем постоянно сотрудничает с "Идише фольксблат", печатает там статьи и короткие рассказы. Пишет много. Самые известные романы того времени: "Степпеню" и "Йоселе-Соловей".

После смерти свекра в 1885г. он стал богатым человеком и пустился в разные денежные операции, которые, кстати, кончились плохо, что описано во многих его рассказах. Бедный еврей вкладывает свои жалкие рубли в какие-то предприятия и все теряет, потому что его обирают те, у кого рублей больше – вот частая тема его рассказов. Прекрасные мечты, потом финансовый крах, который он воспринимает с юмором, пересыпанным цитатами из Танаха и Талмуда – все это описано необычайно талантливо. Его произведения типично еврейские и вместе с тем совершенно универсальные.

В 1890 году Шолом-Алейхем полностью разорился. Кредиторы его одолевали. Он бежал от них в Румынию и оттуда в Париж. Через полтора года его теща расплатилась со всеми его долгами, и он вернулся в Россию. На сей раз он поселился с семьей в Одессе, а потом переехал в Киев.

Последние годы XIX века были у Шолом-Алейхема самыми плодотворными. Выходят в свет "Тевье-молочник" и "Письма Менахема-Мендла". Менахем-Мендл – вымышленный персонаж, наделенный юмором и неудачами самого Шолом-Алейхема. Оставив жену и детей он едет в большой город Егупец (похожий как две капли воды на Киев). Там его мечта составить состояние обязательно сбудется. Разумеется, все оказывается наоборот. Обмен письмами между мужем и женой составляют роман. Он, мечтатель, уже находит применение будущим деньгам. Она, многодетная мать, стоит ногами на земле, но обладает большим юмором.

Тогда же Шолом-Алейхем начинает сочувствовать нарождающемуся сионистскому движению; он даже пишет несколько брошюр на идише, объясняя в них цель сионизма. Сионистский еженедельник на идише ("Дер ид") вышел в свет в 1899г. после первых сионистских конгрессов. Шолом-Алейхем в нем сотрудничал до конца своих дней (1916г.). Он зарабатывал писательским трудом, но плохо вел свои дела. Несмотря на известность и

возрастающий успех, он с семьей жил в настоящей нищете.

Антиеврейский террор 1905г. снова посеял панику среди русских евреев. В Киеве, где тогда жил Шолом-Алейхем, он стал свидетелем жутких погромов в октябре 1905г. и узнал, что в Одессе были еще худшие погромы. Он решил покинуть Россию.

Нужно было прощупать почву в Соединенных Штатах. В Нью-Йорке его приняли с распростертыми объятиями; евреев, прибывших из Восточной Европы и говоривших на идише, там перевалило за миллион. Но это были новые эмигранты, еще бедные, и Шолом-Алейхем понял, что он не сможет тут свести концы с концами.

Разочарованный, он возвращается в Женеву, где временно поселилась его семья. Тревога и разочарование подорвали его здоровье. У него нашли тяжелый туберкулез. Отныне вынужденный находится под наблюдением врачей, он проводит летние сезоны в Швейцарии, а зимы – на итальянской или французской Ривьере.

Постепенно его здоровье восстанавливается, и он в состоянии отпраздновать свое пятидесятилетие. Этот юбилей празднуется во всех еврейских общинах Европы. Создается комитет писателей, чтобы помочь ему получить авторские права от многочисленных газет и журналов, где он печатался. Дело увенчалось успехом и обеспечило ему хорошее материальное положение. Начало издаваться полное собрание его сочинений; это было необходимо, потому что его произведения были разбросаны по самым разным издательствам.

Его сочинения начали переводиться на русский с большим успехом. Некоторые были переведены на иврит, но переводы показались ему недостаточно хорошими. Начиная с 1910г. его переводчиком на иврит стал муж одной из дочерей И.-Д. Беркович¹. Делал он эти переводы блестяще. Беркович был и сам талантливым ивритским писателем.

Материальная жизнь стала легче, и годы перед Первой мировой войной оказались очень плодотворными. "Дер блутикер шпас" ("Кровавая шутка") -очень большой роман, написанный в тот период, получил широкую известность в переложении для сцены, пьеса шла под названием "Нелегко быть евреем". Шолом-Алейхем начинает писать автобиографию, но записать удалось только ее начало.

Весной 1914г. он отправляется читать лекции в Россию, затем в Германию. Там его и застаёт война. Выходец из России – а, значит, враг Германии – он вынужден преодолеть миллион трудностей, прежде чем попасть в нейтральную Данию. Много месяцев он живет в Копенгагене в стесненных материальных условиях (отношения со странами, откуда ему приходят гонорары, прерваны войной). Он решает еще раз попытать счастья в Соединенных Штатах и приезжает туда в 1915г. Его ждет горячий прием на огромном собрании в Корнеги-Холл. А денег по-прежнему нет. Но он, тем не менее, продолжает писать. В частности – пьесы по некоторым своим произведениям. Потом он заболел и в 1916г. умер в Нью-Йорке. В день его похорон все еврейские лавки Нью-Йорка были закрыты в знак траура, а за гробом шли сотни тысяч людей.

После смерти он стал еще более знаменитым. Еще при жизни он начал новое издание, более полное, своих произведений, которое вышло в свет уже посмертно. Оно состоит из 25 томов, и еще многие тексты в него не вошли. Но эти 25 томов свидетельствуют об исключительной плодовитости Шолом-Алейхем.

Шолом-Алейхема много читали при его жизни и еще больше – после смерти. Он переведен на множество европейских языков; и все читатели ценят его неисчерпаемый юмор, психологические тонкости его персонажей, которые типичны для евреев Восточной Европы, но от этого не становятся менее близки всем людям.

Самый большой посмертный успех выпал, конечно же "Тевье-молочнику". Самые знаменитые актеры с блеском играли эту роль, особенно великий Михоэлс. В 1960г. по "Тевье-молочнику" был написан мюзикл "Скрипач на крыше", который прославил Шолом-Алейхема буквально на весь мир.

Примечание

1. Йегуда-Дов Беркювич (1885-1967) был уже известен в Западной Европе писателем, когда женился на дочери Шолом-Алейхема в 1906г. Недолго прожив в Варшаве, он в 1913г. уехал в США, а в 1928г. – в Палестину. Известить ему принесли его собственные произведения, но ей большую – переводы на иврит произведений Шолом-Алейхема. Его именем названы улицы в Тель-Авиве и Петах-Тикве.

ПЕРЕЦ

Того же поколения, что и Шолом-Алейхем, Ицхак-Лейбуш Перец – тоже один из великих писателей на идише, однако совсем другого толка. Его сказки и рассказы менее юмористичны и сатиричны. Он описывает глубину еврейской души, часто подчеркивая ее мистические стороны. Не раз уходя в фантастику, Перец завораживает читателя воображаемым миром, где доброта в конечном счете вознаграждается, традиции чтутся и где простые люди более великие и благородные, чем богатые и ученые.

Его любят за обаятельные истории, за утешение, которое приносит их счастливый конец, за уважение к беднякам и милосердным людям. Почти во всех городах Израиля есть улицы его имени: не только в больших городах, но и в Рамле, Раанане, Ашкелоне, Рамат-Гашароне, Кфар-Саве, Холоне и во многих других.

Ицхак-Лейбуш Перец родился в 1852г. в г. Замосць возле Люблина в Польше, в совершенно традиционной семье. Начал учиться, как все еврейские дети, во всех польских местечках. Но частные учителя ему преподавали ивритскую, русскую и немецкую литературу. Он случайно имел доступ к частной библиотеке, богатой книгами всякого рода и на всех языках. С невероятной жадностью читал он все, что попадало ему в руки: романы, стихи, книги по разным отраслям науки, по географии. Перед ним открылся совершенно новый мир. Он захотел уехать из родного города. Родители противились и рано его женили, как было тогда заведено в тех краях. В 18 лет он уехал с женой в соседний городок, где открыл пивную.

Но его снедало желание писать. Первые вещи он начал сочинять в 14 лет и по-польски, и на идише. Не трудно догадаться, что он манкировал делами, которые ему претили, и писал. Кончилось тем, что он развелся и вернулся в Замосць где, чтобы зарабатывать на жизнь, сдал экзамен по праву и получил диплом юридического советника. Его материальное положение улучшилось, и в 1878г. в 26 лет он женился по любви. На сей раз это был счастливый союз.

Когда Перец жил в Замосце, он писал главным образом по-польски; тогда же в газете "Гашахар" появилось несколько стихотворений на иврите. Погромы, которые в 1881г. прокатились по России, оказали на него, как и на многих других, решающее влияние и еще больше сблизили с еврейским народом и его языком – идишем.

Наветы и козни привели к тому, что его диплом юридического советника был аннулирован. Он уехал в Варшаву, где надеялся найти работу. Его наняли переписывать еврейское население Польши по всем городкам и деревням. Перец добросовестно делал свою работу, но интересовался не столько статистикой, сколько складом ума и образом жизни евреев. Вернувшись в Варшаву, он опубликовал на идише "Картины поездки по провинции"¹ (1891г.). Потом он нашел, наконец, постоянную, но очень скромную работу в управлении варшавской общины и оставался на ней до конца жизни.

В Варшаве он занимался культурной деятельностью и играл в этой области важную роль. Он приобщился не к сионизму, а к социалистическому еврейскому движению. Его стремление создать народную газету на идише такого направления не увенчалось успехом из-за царской цензуры.

Тогда он выпускает серию "Йомтов блетлех" ("Листки к праздникам"). Между 1894 и 1896гг. вышло семнадцать номеров, в которых в разной форме Перец развивает свои идеи

в области воспитания и социализма. Но и это издание запретила цензура. Участие Переца в делах рабочего класса и еврейского социализма становится настолько заметным, что в 1899г. царская охранка посадила его на много месяцев в Варшавскую тюрьму.

Он написал еще несколько вещей на иврите, перевел на иврит несколько своих произведений с идиша, но отныне стал писать на идише. Конференцию в Черновицах 1908г., посвященную языку идиш, возглавлял он. Там он высказал сомнение по поводу будущего, которого, видимо, нет у иврита. "Язык – не механизм, который можно запустить снова, – заявил он. – Я не верю в мертвые языки для живых народов. Невозможно вернуться к истокам... Без иврита у народа нет прошлого, но без идиша у нас не будет народа".

Его дом в Варшаве служил местом встреч писателей того поколения, таких, как Соколов, и начинающих авторов, как Шолом Аш¹. В 1901г. праздновали 25-летие его литературной деятельности; по такому случаю вышло полное собрание его сочинений. Через четыре года вышла первая ежедневная газета на идише в Польше: "Дер вег" ("Путь"). Перец в ней много печатался. Писал он, пока не случился сердечный приступ, заставший его почти с пером в руке утром 1915г. в Варшаве. Последние месяцы жизни были омрачены новостями о страданиях польских евреев в районе ожесточенных боев между немцами и русскими, которые велись с лета 1914г.²

Примечания

1. Шолом Аш (1880-1957) – наиболее известный писатель на идише в годы между двумя войнами. Его роман "Тегилимид" ("Еврей, постоянно читающий Тегилим"), опубликованный в 1934г. и сразу же переведенный на многие языки, принес ему широкую известность, и его считают прямым последователем Переца. Его трилогия "Санкт-Петербург, Варшава и Москва", появившаяся годом раньше, тоже очень известна. В ней в романтической форме описана жизнь евреев в этих городах накануне революции 1917г., во время и сразу после нее. В Тель-Авиве, Петах-Тикве, Нетании и Ришон-Леционе есть улицы его имени.

2. Во время наступления русских на Германию и Австрию в Западной Галиции (сентябрь 1914) и контрнаступлений весной 1915г. сражения проходили в районах, где было очень большое еврейское население. Беженцев были тысячи. К евреям было особо плохое отношение: идиш близок к немецкому, и русские солдаты, принимая их за немецких шпионов, расстреливали многих прямо на месте. Поток беженцев без гроша в кармане заполнил предместья Варшавы. Свирепствовали тиф и холера. В ответ на такое катастрофическое положение в США (до 1917г. сохранявшие нейтралитет) образовался "Америки джойнт дистрибушн комити". Созданный в 1914 г. для помощи польским евреям в зоне сражений, Джойнт еще и сегодня оказывает неоценимую помощь евреям в бедственном положении.

АНТОКОЛЬСКИЙ

В Иерусалиме и Тель-Авиве улицы названы в честь этого выдающегося российского скульптора, по происхождению еврея, получившего мировую известность.

Марк (Мордехай) Антокольский (1843-1902) родился в Вильно, в очень бедной семье. Его талант проявился, когда он работал подмастерьем у резчика по дереву, и в 19 лет он был принят в Санкт-Петербургскую Академию художеств. Спустя два года его наградили серебряной медалью за барельеф "Еврейский портной".

В детстве Антокольский получил традиционное еврейское образование, и первые его работы были на еврейские темы. Упомянем, в частности, "Талмудический спор" и очень известный барельеф "Инквизиция".

К тридцати годам Антокольский отказывается от еврейских тем, хотя и не отходит от еврейской традиции. Его скульптуры "Иван Грозный", "Петр Великий" и "Связанный

Иисус" принесли ему широкую известность, и он становится придворным скульптором. Ахад-Гаам упрекает его за то, что он отказался от тем, с которых начинал, но все же вскрывает еврейский характер скульптур Антокольского. Тот действительно старался передать не столько красоту физическую, сколько выразить душу, внутренний мир выражением лица и даже позой своих скульптур.

Его работы выставлены в Эрмитаже, в Русском музее, в Третьяковке. Вершины славы он достиг, когда в 1878г. представил свои работы на Всемирной выставке в Париже.

Вскоре волна антисемитизма, закончившаяся погромами 1881-82гг. была направлена и на Антокольского. Как смеет этот еврей изображать героев русской истории и пользоваться христианскими сюжетами? Его обвиняют в отсутствии таланта и в том, что он продвинулся благодаря влиянию богатых евреев.

Антокольский был уязвлен этой очернительской кампанией. Он решает навсегда оставить Россию и перебраться в Париж, где и прошли последние годы его короткой жизни. Он умер в 59 лет.

Париж конца XIXв. и еще больше первой трети XX в. стал главным центром искусства. Особенно молодых еврейских художников, как магнитом, притягивала эта столица искусства и богемы.

Так, Амадео Модильяни (1884-1920) приехал в Париж в 1905г., через три года после смерти Антокольского. Модильяни родился в Ливорно, а изящные искусства изучал во Флоренции. В Париже он быстро добился успеха, но знаменитым стал после смерти. Его многочисленные полотна (более 500) и скульптуры приобрели самые большие музеи мира. В Тель-Авиве его именем названа улица.

Хаим Сутин (улица его имени тоже есть в Тель-Авиве) тоже приехал в Париж (в 1913г.) из виленской художественной школы. Родился он в литовском местечке. С детства у него была только одна страсть: рисовать.

Он был из очень бедной семьи, и в Париже ему помогал Модильяни, который и сам-то нуждался. Некоторое время они вместе снимали комнату, точнее мансарду на Монмартре, заселенном художниками. После Первой мировой войны через Модильяни он познакомился с богатым американским любителем живописи. Тот пришел в восторг от работ Сутина и купил у него сразу пятьдесят полотен. Это было блестящее начало. Но, когда в 40-м году нацистская Германия оккупировала Францию, Сутин покинул Париж, скрывался в провинциальном французском городке и умер в 1943г. в возрасте 50 лет.

Йосеф Исраэле (1824-1911) из Голландии жил в Париже недолго. Он занимался в Школе изящных искусств, а потом вернулся в Голландию. Большинство его работ написано на еврейскую тему. Наиболее известное полотно называется "Сын древнего народа". Очень известны также "Еврейская свадьба" и "Шаул и Давид". Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

Двое других художников, чьими именами названы улицы, были намного больше вовлечены в еврейскую жизнь: Гиршенберг и Лилиен.

Шмуэль Гиршенберг (1865-1908) родился в Лодзе. Почти все его картины написаны на еврейские темы: "Йешива", "Еврейское кладбище", "Вечный жид". В 1907г. он поселился в Эрец-Исраэль и преподавал в иерусалимской школе "Бецалель". В 1908г. он умер в возрасте 43 лет. Его именем названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

Эфраим-Моше Лилиен жил и творил гораздо дольше. Он родился в 1874г. в австрийской Галиции, изучал изящные искусства в Вене, затем поселился в

Берлине. Он был поглощен идеями Герцля и посвятил свое искусство делу сионизма. Умер он в 1925 году. Художник, график, иллюстратор, он был еще и одним из основателей еврейского издательства "Юдишер ферлаг" в Берлине.

Очень известен его портрет Герцля, опирающегося на перила моста через Рейн в Базеле. Этот широко тиражируемый портрет воспроизведен и на израильской марке, выпущенной

в 1960г. в честь столетия со дня рождения Герцля. Либиен же иллюстрировал Золотую книгу "Керен каемет леисраэль". Его рисунки тушью, в которых немедленно узнается автор по ему и только ему присущей манере, украшали сионистские газеты и откликались на животрепещущие события.

Приехав в Эрец-Исраэль в 1905г. на несколько месяцев, он преподавал в школе "Бецалель", где его влияние сказывалось и потом. В Тель-Авиве есть улица его имени. Именами нееврейских художников тоже названы улицы. Например, в Тель-Авиве есть улица Рембрандта, в Тель-Авиве и в Хайфе – Леонардо да Винчи.

БЯЛИК

Хаим-Нахман Бялик считается величайшим поэтом на иврите не только своего времени (1873-1934), но, возможно, и всего XX века. В Израиле его иногда называют: "наш национальный поэт". Такое количество улиц носит его имя, столько школьников учат наизусть его стихи, что для многих он стал близким другом, которого читают и перечитывают.

Родился он в местечке на Волыни в дружной религиозной семье, очень бедной. Раннее детство провел среди лесов и полей, на лоне природы. Детские впечатления остались у него навсегда: "С тех пор и поныне, – писал он в 1903г. Йосефу Клаузнеру¹, – эти впечатления неотделимы от моего воображения, как розовый куст от травы и как тонкая пыльца от сочного плода".

Когда ему было шесть лет, родители в поисках лучшего заработка переехали в Житомир на Украину. Но через год отец умер. Горе и слезы овдовевшей матери появляются во многих стихах Бялика, и строки, где он пишет о ней, дышат проникновенностью и любовью.

Чтобы ребенок получил хорошее религиозное образование, она отдала его дедушке, жившему в предместье Житомира, утопающем в садах, что радовало мальчика. Но строгость старика толкала его на разные выходки: он забирался на телеграфные столбы, на крыши – куда угодно, за что получал наказание, которое только влекло за собой еще худшие проказы. Этот беспокойный ребенок в то же время сосредоточенно наблюдал за природой. К тому же он страстно увлекался чтением и учебой. Он глотал ивритские книги в доме дедушки, в "бейт-гамидраше" (общинном доме для изучения Торы): трактаты Талмуда, комментарии, книги по морали, по еврейской философии и мистике; все застревало в его детском уме, даже если он до конца и не понимал.

К 15-ти годам он поступил в большую йешиву в Воложине. Там он тайком написал свое первое стихотворение "К птичке". Вскоре желание писать стихи становится сильней желания учиться в йешиве, о которой он, впрочем, сохранил теплые воспоминания. В 1891г. он уехал в Одессу, которая в те времена была центром, где собралась талантливая молодежь, возрождавшая современную ивритскую литературу.

Бялик встретил там интеллектуальные сливки еврейского общества, пламенных сионистов. Он завязал с ними дружбу, там же открыл для себя русскую культуру, и пристрастие к чтению распространилось и на русскую литературу. Он начал глотать Пушкина и Достоевского. Увлекался и поэзией Фруга, еврейского поэта, писавшего по-русски², и первыми статьями на иврите Ахад-Гаама. Благодаря усилиям последнего стихотворение "К птичке" было, наконец, напечатано в журнале "Пардес" – прекрасном литературном журнале на иврите, в котором начинали многие молодые таланты того времени. Издателем был Йегошуа Равницкий, он дружил и сотрудничал с Бяликом до конца жизни поэта³.

Женился Бялик очень рано, жил во многих городах России и в 1900г. вернулся в Одессу, где оставался до 1921г. Его поэма "Сказание о погроме" написана под влиянием Кишиневского погрома и пронизана гневным протестом против пассивности народа. Поэма достигла цели и побудила молодых евреев организовать отряды самообороны.

Стихи Бялика получали все большую и большую известность: "Гаматмид" ("Прилежный ученик") -большая поэма, посвященная глубокому анализу психологии и дилеммам

студента-талмудиста, который целиком отдается учению. "Мегилат Гаэш" ("Огненный свиток"), "Биркат-ам" ("Благословение народа") и многие другие произведения стали классикой и изучаются в ивритских школах чуть ли не с момента их выхода в свет. Очень много стихов переложено на музыку, и эти песни широко известны во всем еврейском мире.

Даже во время Первой мировой войны Одесса все еще привлекала еврейскую интеллектуальную элиту. Сюда прибыл, убегая от немецкого нашествия в Польшу, поэт-прозаик-журналист Давид Фришман, один из лидеров антирелигиозного бунта, писавший на иврите. К тому же талантливый переводчик, он донес до читающей еврейской публики таких великих писателей мировой литературы, как Пушкин, Андерсен, лорд Байрон⁴. Его замечательный перевод поэмы Рабиндранат Тагора прославил эту поэму среди гербаистов. Фришман недолго оставался в Одессе. После Февральской революции 1917г. он уехал в Москву, потом вернулся в Варшаву, где и прожил до войны. Заболев, он отправился на лечение в Берлин, где и умер⁵.

Бялик тоже не хотел оставаться в Одессе после прихода к власти Советов, но железный занавес быстро закрылся. И только вмешательство Максима Горького позволило ему и некоторым другим еврейским писателям выехать. После трех лет, проведенных в Германии, Бялик в 1924г. поселился в Тель-Авиве. Его там приняли горячо и с почетом.

В маленьком Тель-Авиве того времени его все узнавали, когда он выходил на улицу. Его стихи учили в школе, их пели на собраниях – он был самой известной личностью в Тель-Авиве. Еще более знаменитым он стал после того, как ввел в обиход послеполуденные субботние собрания, дав им название "Онег шабат" ("Субботняя отрада"), заимствованное из языка религиозной традиции. Но "Онег шабат" Бялика были дружескими встречами, на которых обсуждались литературные и духовные темы. На них также пели, танцевали хору (народный танец первых поселенцев). "Онег шабат" быстро распространился по всему Тель-Авиву, по всем еврейским общинам в мире, особенно среди молодежи.

Председатель Союза писателей на иврите, Бялик представлял ивритских авторов в международном Пен-Клубе. Он переведен на английский, французский, немецкий, итальянский и т.д. Полное собрание сочинений в четырех томах вышло в Берлине в 1923 году, а в Тель-Авиве – в 1935г. после смерти поэта.

В британской Палестине медицина еще не была на европейском уровне. Тяжело заболевшего Бялика оперировали в Вене, но он не перенес последствий операции (1934г.) и через две недели его торжественно похоронили в Тель-Авиве.

Бялик – величайший из наших современных поэтов. Даже тот, кто не очень-то знает современную ивритскую литературу, по крайней мере, имя Бялика знает. В его честь улицы названы в Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе, Беэр-Шеве, почти во всех городах поменьше: в Бат-Яме, Хадере, Бней-Браке, Рамле, Холоне, Нагарии, Тверии и т.д. – всех не перечислить. Севернее Хайфы есть поселок Кирыят-Бялик, заложенный в день его смерти. В Тель-Авиве дом, где он жил, превращен в музей, в котором есть его библиотека и архивы. Музей находится на улице его имени.

Примечания

1. Йосеф Клаузнер (1874-1958) жил в Одессе до переезда в Иерусалим в 1919г. Радетель возрождения ивритской литературы, он был еще и видным историком (занимался эпохой Второго Храма), и специалистом по современной литературе на иврите. Блистательная, очень уважаемая личность, Клаузнер стал профессором Иерусалимского университета. Занимался он и политикой. Был сторонником Жаботинского. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Нетании.

2. Шимон Фруг (1860-1916) – сугубо еврейский поэт, большая часть стихов написана по-русски. Его стихотворение "Кубок", написанное под впечатлением погромов 1881г., было тотчас же переведено на идиш и стало очень известным. Позднее он писал на идише. Его

именем названы улицы в Тель-Авиве, Хайфе, Рамат-Гане, Реховоте, Нетании, Холоне.

3. Равницкий (1859-1944). В Тель-Авиве есть улица его имени. Родился в Одессе. В 1909г. основал вместе с Бяликом издательство "Мория". В подмандатную английскую Палестину приехал несколько раньше Бялика, потом вместе с ним (и с Шмарьягу Левиным) в Тель-Авиве основал издательство "Двир", которое существует и по сей день.

4. В Тель-Авиве есть улицы Пушкина, Андерсена, Байрона и Тагора.

5. Давид Фришман (1859-1922) в конце XIXв. и в начале XX в. был одним из крупнейших специалистов по литературе на иврите и на идише. Его именем названы улицы в Тель-Авиве, Иерусалиме, Холоне, Нетании, Реховоте, Ришон-Леционе.

ШАУЛЬ ЧЕРНИХОВСКИЙ

Есть ли в Израиле такой город, где не было бы улицы Черниковского? После Бялика это, конечно же, самый знаменитый поэт в стране. В Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Петах-Тикве, Холоне, Ришон-Леционе, не считая городов поменьше, таких как Кфар-Сава или Афула, да почти во всех городах есть улица Черниковского.

Он относится к тому же поколению, что и Бялик, всего на два года младше, но его жизнь и творчество совсем не похожи на жизнь и творчество Бялика. Родился он в 1875г. в крымском городке среди чудесной природы, среди лесов и горных ущелий. Детство было безоблачным, в семье он был баловнем. Родным языком был русский, а не идиш. Первым учителем иврита был отец. Потом из Литвы приехал учитель иврита и начал обучать ивриту группу детей того же возраста, что и маленький Черниковский, который усваивал иврит не хуже русского. Читал он все, что попадалось под руку: Александра Дюма и Шекспира, комментарии Раши и "Иерусалим" Мендельсона. В 14 лет родители послали своего сверходаренного сына в Одессу продолжать учебу. Он мечтал стать поэтом и доктором и осуществил обе эти мечты.

В Одессе, хоть он и был еще гимназистом, он быстро сошелся со сливками интеллигенции и первопроходцами возрождения ивритской литературы, в частности с Клаузнером и Ахад-Гаамом. Познакомился он и с Бяликом. В гимназии он изучает французский, английский, немецкий и читает в оригинале великих поэтов: Гете, Мюссе, Шелли и многих других. Он и сам начинает писать стихи, далеко не общепринятые, и его первые произведения шокировали литературный "истеблишмент". Потом они были опубликованы в Америке, а вскоре и в журнале "Гашилоах".

В те времена на медицинском факультете латынь и греческий были обязательными предметами. Черниковский углубленно их изучал. Он увлекался античными классиками, которые, кстати, впоследствии оказали на него большое влияние. Он перевел на иврит "Илиаду" и "Одиссею", оды Анакреона и другие произведения.

Первый сборник его стихов вышел в 1899г. Он был необычным, но имел большой успех, хотя в еврейских литературных кругах Одессы, где Черниковский вращался, сборник приняли холодно. Ему пришлось продолжать изучение медицины в Гейдельберге (Германия). Там он и женился.

Годы, проведенные в Гейдельберге, были очень плодотворными. Там он пишет свое знаменитое стихотворение "Перед статуей Аполлона", в котором восхищается языческим богом солнца. Парадоксом звучат чисто ивритские стихи, описывающие поклонения тому, кто составляет полную противоположность еврейской традиции: "Я пришел поклониться образу твоему, образу жизни и твоего солнца...".

Благодаря этому и некоторым другим стихотворениям Черниковский прослыл ниспровергателем традиционного иудаизма. Он и в самом деле им был, во всем подчеркивая чувственную сторону бытия. Но от этого он не становился менее привязанным к своему народу и ко многим аспектам его истории.

В Лозанне (Швейцария) Черниковский заканчивает медицинское образование, начатое в Гейдельберге. Получив диплом врача в 1907 году, он возвращается в Россию.

Неподходящий момент: не кончились репрессии после революции 1905 года. Хотя Черниховский никогда не занимался политикой, его сочли особой подозрительной и арестовали. Но и в тюрьме он продолжает писать. Его стихотворение "Разбитый половник", в котором он описывает мир как огромную тюрьму, характерно для этого периода.

Усилиями друзей он был освобожден. Сочтя себя обязанным стать земским врачом, он обнаруживает бездонную пропасть нищеты и невежества. В то время свирепствовала холера. Он ездит из деревни в деревню к больным и продолжает писать.

В 1911г. в Одессе выходит первое собрание его сочинений, которое закрепило за ним известность. Стал он известен и как прекрасный переводчик на иврит великих эпосов мира: Финляндии ("Калевала"), Греции, Древнего Востока (эпическая поэма "Гильгамеш").

В Первую мировую войну Черниховского как врача мобилизовали в армию, и он попал в Минск (затем в Санкт-Петербург). Снова он оказывается в гуще человеческого несчастья вообще и еврейского в частности. "Мелодии нашего времени" написаны как раз тогда, когда ему пришлось узнать беженцев, ссыльных и других жертв войны. Эти мотивы переплетались с ностальгией по древним временам, когда еврейский народ распрямлял плечи под солнцем пустыни, наслаждаясь вкусом жизни.

Некоторое время в Крыму, потом в Одессе он живет крайне стесненно и работает военным врачом при большевиках. Наконец, он решает покинуть Россию. Долгие годы он остается в Берлине и в 1925г. отправляется в поездку по британской Палестине. Там его очень тепло принимают, его стихи распевают чуть ли не по всей стране на музыку различных композиторов. И все же он еще не решается окончательно остаться.

Только в 1931 году он навсегда уезжает в Эрец-Исраэль. Вскоре его назначают врачом тель-авивских школ. Отныне Черниховский становится неотъемлемой частью жизни Тель-Авива. После смерти Бялика он занимает его пост председателя Союза ивритских писателей и их представителя в международном Пен-Клубе. Выходят полные собрания его сочинений, он почитаем и известен, как и Бялик, даже среди школьников, его стихи учат наизусть.

В 1936г. начинаются антиеврейские волнения и мятежи. Черниховский выказывает безграничную преданность делу своего народа. Последний сборник его стихов, вышедший вскоре после его смерти, "Звезды далекого неба" отражает его реакцию в лирической форме, его поддержку борьбы евреев за свою жизнь и право на землю предков. В начале Второй мировой войны, когда он с семьей жил в Иерусалиме, он заболел и осенью 1943г. умер в первый вечер праздника Суккот. Пятьдесят лет подряд не переставал он писать.

Бялик и Черниховский. Два имени, которые произносят на одном дыхании как имена самых больших ивритских поэтов 20 века, хотя они были очень разными и по мотивам творчества, и по степени личной вовлеченности. Их слава настолько велика, что следующим поколениям поэтов трудно достичь подобной. Среди наиболее известных поэтов следующего поколения следует отметить Давида Шимони (1886-1956), который тоже родился в России, под Минском. В 1921г. он переехал в Палестину под британский мандатом. Он преподавал Танах и ивритскую литературу в тель-авивской гимназии Герцлия. Свои лирические, сатирические и другие стихи и басни он часто писал под влиянием происходивших событий, и они отражают его горячую приверженность национальному возрождению в Израиле. Он тоже был председателем Союза ивритских писателей, а также президентом Академии языка иврит. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Рамат-Гане, Холоне и в других городах.

ХАИМ АРЛОЗОРОВ

Его слишком короткая жизнь, вероятно, не сделала бы из него такого героя, в честь которого в Израиле названы улицы практически во всех городах, если бы его смерть не вылилась в трагедию, выходящую за рамки личной. Тридцатичетырехлетнего Хаима

Арлозорова в 1933г. убил вечером какой-то неизвестный в Тель-Авиве, когда Хаим гулял с женой по пляжу. Вся страна, которая тогда была подмандатной территорией Англии, была глубоко потрясена, поскольку считали, что убийство было политическим, а это было новинкой в стране, где казалось немыслимым, чтобы политические разногласия, какими яростными они ни были, приводили к убийству среди евреев.

Впрочем, отнюдь нет уверенности в том, что речь шла о политическом убийстве. Подозрения пали на "ревизионистов", последователей Жаботинского, но британский суд освободил их за недостатком улик. Позже арестовали двух молодых арабов за другое преступление, и они признались в совершении этого убийства: они убили мужа, чтобы изнасиловать жену. Несколькими днями позже они отказались от этих показаний. До сих пор истина не установлена, но многие и сегодня убеждены, что Арлозорова убили правые экстремисты. Отсюда и возникло крайнее политическое напряжение и стойкая ненависть; левые обвиняют правых в убийстве еврея просто из патологической нетерпимости к иным политическим взглядам; правые же утверждают, что это низкий навет, которым левые хотят дискредитировать правых. Страсти разгораются на редкость бурно и будут, видимо, еще долго отравлять политическую жизнь в Израиле.

Возможно, единственный, так сказать, "положительный" результат этой драмы состоит в том, что повсюду есть улицы имени Арлозорова: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Гиватаиме, Бат-Яме, Лоде, Петах-Тикве, Холоне, Рамле и во многих других местах.

Кем же был Хаим Арлозоров? Блестящим вождем социалистического сионизма, подававшим большие надежды. Родился он на Украине в 1899г., но во время погромов 1905г. его родители бежали в Германию, где он вырос и блистательно окончил Берлинский университет, факультет права и экономики. В 20 лет он примкнул к движению социалистического сионизма, развитого тогда в Берлине, и в 24 года переехал в Палестину. Писал в газетах незаурядные политические обозрения аналитического толка. Когда в 30-м году образовалась партия Мапай¹, он стал ее рупором и одним из выдающихся вождей, несмотря на свою молодость. Он был назначен членом исполнительного комитета, на сионистском конгрессе 1931 года был избран главой его политического отдела. В 1932г. он поехал в Германию разобраться в обстановке на месте, а по возвращению домой через несколько недель его убили. Есть и гипотеза, согласно которой убийство совершено руками эсэсовцев.

Предместье Хайфы Кирьят-Хаим названо в его честь, как и киббуц Гиват-Хаим возле Хедеры. Хаим Арлозоров был бы, несомненно, одним из выдающихся политиков после образования государства Израиль.

Примечания

1. Мапай – аббревиатура ивритских слов "мифлегет поалей Исраэль" (партия рабочих Израиля). Она образовалась из слияния двух сионистско-социалистических групп. Среди основателей Малая был Бен-Гурион, Бен-Цви (1884-1963), который стал вторым президентом государства Израиль и Берл Каценельсон (1877-1944), выдающийся вождь и идеолог сионизма, а также писатель. Рупор рабочего класса в Палестине (где он поселился перед Первой мировой войной), Берл Каценельсон был одной из видных фигур социалистического сионизма после 1920г. Киббуц Беэри (от имени Берл) возле Газы, как и улица в Тель-Авиве названы в его честь. Однако большинство улиц Каценельсона названы в честь Ицхака Каценельсона, к Берлу не имеющего никакого отношения. Ицхак Каценельсон (1886-1944) был замечательным поэтом, писавшим на идише и на иврите, который погиб в Освенциме.

ТОМАШ МАСАРИК

На первый взгляд кажется удивительным, что многие улицы в Израиле названы именем нееврея Томаша Масарика, который был чешским президентом между двумя мировыми войнами. Тем не менее, и в Тель-Авиве, и в Иерусалиме, в Бат-Яме, Петах-Тикве, Нетании,

Рамле и Нагарии есть улицы Масарика.

Он родился в Моравии (1850г.) в католической семье, где антисемитизм был в порядке вещей, но благодаря школьным товарищам-евреям и некоторым еврейским деятелям, которых он очень ценил, ему стала понятна опасность антиеврейского стереотипа.

Закончив Венский университет, Масарик в 1899г. получил место преподавателя философии в Пражском университете.

Он был на этом посту, когда в 1899г. разразилось так называемое "полненское дело", или "дело Гильзнера". Полна – это деревня в Богемии. Первого апреля 1899г. в соседнем с деревней лесу нашли труп 19-летней швеи Анешки Груши. Подозрение пало на четырех молодых бродяг, которые орудовали в этом лесу. Среди них был 22-летний умственно отсталый еврей Леопольд Гильзнер. Арестовали только его и после допроса обвинили в ритуальном убийстве. Никаких улик против него не было, но местный суд приговорил его к смертной казни. Вся антисемитская пресса Австро-Венгерской Империи заправляла этим делом. Антисемитизм вспыхивал по всей Богемии, особенно в Праге, где преподавал Томаш Масарик. Он опубликовал два памфлета, в которых протестовал против обвинения Гильзнера не столько из симпатии к нему, сколько из желания уберечь христиан от преступных утверждений.

Сразу же против Масарика были организованы демонстрации протеста, и его лекции в Пражском университете пришлось отменить. Но в либеральных кругах Масарика начали считать одним из великих поборников справедливости. Когда в 1907г. он поехал в США, еврейская община оказала ему горячий прием.

Занятая им позиция против антисемитов в деле Бейлиса только укрепила его известность как защитника евреев.

Слишком либеральный в глазах военного правительства Австро-Венгрии, Томаш Масарик бежал в разгар Первой мировой войны в США, где он получил статус политического беженца. В это время он завязывает дружбу с главными сионистскими вождями США – такими как Брандаиз и Мак.

В конце войны на руинах Австро-Венгерской империи при поддержке западных сил создается новое государство Чехословакия. Масарика выбрали ее президентом, и на этом посту он оставался до 1935г., после чего счел необходимым в возрасте 85 лет уйти в отставку.

Все шестнадцать лет своего президентства Масарик обеспечивал евреям полное равноправие. Он яростно боролся против всякого проявления антисемитизма и поддерживал сионизм открыто. В 1927г. он приехал с официальным визитом в британскую Палестину и интересовался, как продвигается создание "еврейского национального очага". По всей стране его горячо принимали. В его честь посадили в Галилее лес к юго-востоку от Нацрата. Однако еще примечательней, что тель-авивский муниципалитет присвоил ему звание почетного гражданина в тот момент, когда он ушел с поста президента Чехословакии.

Совсем уже старый, но не дряхлый Масарик следил за тем, что делал целые два года его преемник Эдуард Бенеш. В 1937г. Масарик умер и таким образом был избавлен от несчастья видеть свою страну под оккупацией Гитлера. А в 1938г. на юге от Акко был создан кибуц имени Масарика – Кфар-Масарик.

Во Франции в конце XIX века, подобно тому, как Масарик возмутился процессом Гильзнера, великий писатель Эмиль Золя (1840-1902) возмутился несправедливому обвинению в измене, выдвинутому против капитала Дрейфуса. "Дело Дрейфуса" началось с ареста капитана Альфреда Дрейфуса в конце 1894г. и с его публичного разжалования в январе 1895г. Однако только в 1897г. некоторые деятели поняли, что была совершена несправедливость. До тех пор Золя жил в мире литературы, не интересуясь ни антисемитизмом, ни борьбой против него. Возмутившись явным попранием

справедливости, он опубликовал в январе 1898г. в парижской газете "Лорор" свою знаменитую статью "Я обвиняю", которая произвела сильное впечатление и стоила ему самому суда и обвинения. Чтобы не попасть в тюрьму, он бежал в Англию, откуда не вернулся до пересмотра дела. Вскоре он умер (1902г.)

В честь знаменитого писателя и борца против несправедливости – Эмиля Золя – в Израиле названы улицы в Иерусалиме и Тель-Авиве.

ЗЕЭВ ЖАБОТИНСКИЙ

Личность многогранная, противоречивая, но даже самые заклятые враги считали его человеком незаурядным, наделенным даром провидения. Жаботинский был прозаиком, поэтом, политическим вождем, горячо преданным идее создания еврейского государства. Но умер он в 1940г., не увидев плодов своих усилий. В завещании, составленном в 1939г., он писал: "Мои останки пусть перевезут в Эрец-Исраэль, если на то будет распоряжение еврейского правительства." В 1965г., спустя 25 лет после его смерти, правительство Израиля решило перевезти останки из Соединенных Штатов, где он умер, в Иерусалим. Он был перезахоронен, как и его жена, со всеми официальными почестями на горе Герцля, недалеко от могилы самого Герцля.

Тогда в Израиле стояло у власти социалистическое правительство. Жаботинский же считался человеком правой ориентации. Но самые искренние знаки почтения ему выказали все слои населения, все политические группировки. Вот почему улица Жаботинского есть почти в каждом городе Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, Акко, Бейт-Шемеше, Афуле, Рамле – повсюду, всех городов и городков не перечислить.

Одесса, где в 1880г. родился Жаботинский, была в те времена в экономическом расцвете. Большой, оживленный относительно молодой город нисколько не походил на восточно-европейский "штетл". Однако евреи составляли 30 процентов населения в конце XIX в.. Но это были современные евреи, которые превратили Одессу в центр Гаскалы. Движение "Ховевей Цион" там было значительным, иврит – в чести благодаря таким людям, как Ахад-Гааму, Бялику и даже Усышкину, который часто и подолгу жил там.

Жаботинский вырос в нетрадиционной обстановке с точки зрения религии, но был горячим сторонником иврита и идеи еврейской родины. Он ходил в русскую школу, но уже с 11-12-ти лет изучал иврит с частным учителем. В молодости он почти ничего не знал о религиозных еврейских праздниках и традициях, но бегло говорил на иврите и часто писал на этом языке. Впрочем, у Жаботинского были большие лингвистические способности. Кроме русского, иврита и идиша, которые он знал с детства, он владел французским, итальянским, английским и немецким. Его ораторский дар заставлял толпу утихнуть, на каком бы языке он ни говорил.

В 18 лет Жаботинский начинает разъезжать и продолжает так всю жизнь: бесконечные поездки на конференции по всей Европе, по Соединенным Штатам, Палестину, когда ему разрешает английское мандатное правительство.

Берн (Швейцария), затем Рим – его первые поездки за границу. Там он изучал право, зарабатывая на жизнь уже как журналист. Он был корреспондентом многих одесских газет и часто писал под псевдонимом "Альталена" ("Рычаг").

Закончив обучение, он вернулся в Одессу и стал известным журналистом. Его статьи и фельетоны в "Одесских новостях" – одной из самых крупных ежедневных газет – пользовались большим успехом. Позднее он переехал в Санкт-Петербург.

Его сионистская борьба усилилась особенно после кишиневского погрома. В это время Жаботинскому исполнилось 23 года. Он присутствовал на Шестом сионистском конгрессе 1903 года. Герцль произвел на него сильное впечатление, просто заворожил. Но это не помешало Жаботинскому стать одним из главных противников предложенной Герцлем Уганды.

До Первой мировой войны Жаботинский занимается исключительно журналистикой и

писательством. Он один из руководителей сионистской газеты "Рассвет" в России, но успешно сотрудничает и в популярной русской прессе. В 1907г. в промежутке между двумя предвыборными кампаниями в думу, которые он должен отражать в своей газете, Жаботинский женится.

Как корреспондент ежедневной газеты "Русские ведомости" Жаботинский едет в Западную Европу, когда в августе 1914г. вспыхивает Первая мировая война. Он отправляется в Швецию, в Англию, в Бельгию и во Францию. Там он узнает, что 30 октября 1914г. Турция вступила в войну на стороне Германии. Он немедленно понял значение этой новости для будущего еврейского народа. Палестина – еще турецкий доминион. Падение турецкой империи откроет совершенно новые возможности перед еврейским народом.

Решив ознакомиться с мнением мусульманского населения, он поехал в Северную Африку, откуда отправился в Александрию (под английским владычеством), где встретил уже более 10000 евреев, приехавших из Палестины в поисках убежища.

Необходимость создать еврейскую армию целиком завладела его мыслями. Вместе с Йосефом Трумпельдором, который как раз был тогда в Александрии, они собираются набрать добровольцев из беженцев в "Еврейский легион", который освободил бы Эрец-Исраэль от турок. План начинает обретать конкретные формы, которые, впрочем, Жаботинский не одобряет¹, и он уезжает в Лондон. Там он действительно создает еврейский легион, несмотря на все трудности.

Между 1915 и 1916 гг., когда исход войны был еще совершенно неясен, большинство сионистов хотело, чтобы сто движение полностью соблюдало нейтралитет и № поддерживало, особенно военным путем, англичан. Жаботинский резко осуждал такую позицию, слишком, по его мнению, пассивную. Он был убежден, что, если Турция падет, сионисты получат право голоса на мирных переговорах только при условии, что они будут сражаться на стороне Франции или Англии. Его упрекали в чрезмерной воинственности и считали "милитаристом". Однако Вейцман разделял его взгляды, хотя не решался заявить об этом открыто. Один из немногих, кто действительно поддерживал Жаботинского, был Меир Гроссман², тоже журналист, переехавший из России в Лондон. Трумпельдор, приехав на несколько месяцев в Лондон, тоже оказал ему посильную помощь.

В конце концов решительную поддержку оказало английское правительство. В 1916г. был принят закон об обязательной воинской повинности для всех британских граждан. Евреи, бежавшие из России от погромов, не были английскими подданными, и молодое поколение уклонилось от исполнения этого закона. Английские призывники пришли в ярость, начались ссоры и стычки. Правительству пришлось вмешаться. От этих русских евреев требовали, чтобы они пошли в английскую армию добровольцами, иначе их вернут в Россию. Но они не хотели ни того, ни другого. Тогда-то Жаботинский им и предложил записаться в Еврейский легион, который будет сражаться на стороне англичан, но в Палестине, чтобы выгнать турок. Это предложение они приняли.

Так в 1917г. был сформирован 38-й полк "королевских стрелков", который и приступил к усиленной военной подготовке. В 1918г. он был послан из Палестины на фронт. С 39-ым батальоном, набранным в США, он играл важную роль в последние месяцы войны в Палестине. Жаботинский записался в него простым солдатом и проходил наравне со всеми интенсивную военную подготовку. Потом он дослужился до младшего офицера, а затем – и до старшего.

Со своим легионом он высадился в Александрии 1 июня 1918г. Позднее он провел несколько дней в Тель-Авиве, содействуя созданию 40-го батальона, набиравшегося из молодых евреев Эрец-Исраэль, но не успевшего принять участие даже в последних сражениях³. Жаботинский уже тогда предвидел нападения арабов на евреев, которым англичане обещали "национальный очаг" в Декларации Бальфура. Он считал, что Еврейский легион необходимо держать в боевой готовности, и прилагал большие усилия,

но безуспешно. Англичане распустили всех солдат по домам. Жаботинский демобилизовался в августе 1919г. Тогда он организовал группу еврейской самообороны, главным образом из бывших солдат Еврейского легиона и стал ее руководителем.

Первые волнения против евреев начались в Иерусалиме в апреле 1920г. Арабы нападали на евреев, а англичане сначала не вмешивались. Жаботинский со своей группой предпринял ответные нападения на арабов. Англичане арестовали его и посадили в тюрьму вместе с девятнадцатью его соратниками. Суд состоялся 10 апреля 1920г. Жаботинского приговорили к 15 годам заключения с последующей высылкой. В аккской тюрьме он начал серьезно сомневаться в том, что англичане выполняют свои обещания, записанные в Декларации Бальфура.

В июле 1920г. после военной оккупации в Палестине было создано гражданское управление во главе с английским верховным комиссаром. Первым вступил на этот пост еврей Герберт Сэмюэл. Сразу же по прибытии он объявил всеобщую амнистию политическим заключенным, как арабам, так и евреям. Жаботинский тоже был "амнистирован" (он считал этот термин оскорбительным), как и арабы, которые нападали первыми, что его возмущало. Он все более и более убеждался в необходимости самообороны.

Но его мнение не находило широкой поддержки. Однако, несмотря на резкие возражения, его назначили членом Исполнительного сионистского комитета, и в этом качестве он ездил по Европе с лекциями. Его популярность росла, особенно среди евреев Восточной Европы. Но росло и число его противников, в основном среди сионистских политиков левого направления, которые соглашались с различными решениями англичан. Когда в 1922г. весь восточный берег Иордана был отнят англичанами у "еврейского национального очага" и отдан эмиру Абдулле из Хиджаза, он воспринял это как вопиющую измену англичан, и пассивность сионистских руководителей его до того возмущала, что в конце концов в феврале 1923г. его исключили из сионистского исполнительного комитета. В том же году в одной из своих поездок с лекциями в Европу он столкнулся с рижской молодежью, которая настаивала, чтобы он не уходил из политики. Тогда и образовалась первая ячейка "Бейтара". Очень быстро молодежное движение "Бейтар" распространяется в Европе и в Палестине. Его неоспоримый и старший руководитель – Жаботинский.

Со всех сторон его соратники и почитатели настаивают, чтобы он вернулся к политической деятельности. Наконец в 1925г. образуется Всемирный союз ревизионистов, представители которого входят в Сионистский конгресс и образуют в нем оппозиционную партию. Ее программа требует ревизии сионистских целей. Национальный очаг, согласно программе, не может удовлетворить евреев, необходимо еврейское государство – без опеки англичан, совершенно самостоятельное. Сначала центр нового движения был в Париже, где Жаботинский жил с женой и сыном Эри, хотя и бесконечно разъезжал.

Его выступления на сионистском конгрессе завораживали даже противников; его лекции делали его самым ярким сионистом в глазах одних и вызывали самую яркую критику у других.

Нарастали столкновения между ним и левыми сионистами, составлявшими большинство. С приходом Гитлера к власти Жаботинский бьет тревогу, но его не очень-то слушают. Наконец, он чувствует себя связанным "сионистской дисциплиной", запрещающей политические начинания, не одобренные большинством. В 1935г. он выходит из сионистской организации и создает "Новую сионистскую организацию". Некоторые друзья его не поддержали, считая, что он зашел слишком далеко, но у него было и много сторонников. Его выбрали председателем этой "Новой сионистской организации", которая набрала силу и получила поддержку молодых бейтаровцев.

Отныне Жаботинский занимает все более агрессивную позицию относительно мандатных властей в Палестине. Он поддерживает нелегальную иммиграцию и организацию Эцель

("Иргун цва леуми", "Военная национальная организация") и становится ее главой в 1937г., хотя руководит ею издали, поскольку англичане чинят препятствия его пребыванию в Палестине.

В начале Второй мировой войны он возвращается к идее Еврейского батальона для борьбы против Гитлера. В феврале 1940г. он приезжает в США, чтобы набрать там еврейскую армию. Но во время посещения летнего лагеря бейтаровцев под Нью-Йорком в августе 1940г. он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Ему еще не было и шестидесяти.

Талантливый журналист, автор множества статей о текущих событиях, написанных на всех доступных ему языках, он к тому же был поэтом, переводчиком на русский (например, стихов Эдгара По), с иврита (стихов Бялика) и т.д. и блестящим прозаиком.

Но в историю он вошел как прозорливый политик, а в израильскую жизнь – как вдохновитель партий Херут, (позднее Ликуд), которая находится под его влиянием и по сей день. Место в Тель-Авиве, где он жил, называется "Мецудат Зеэв" ("Крепость Зеэва"), а молодые бейтаровцы и поныне поют сочиненный им гимн.

Далеко не такой догматик, каким его часто считают, аналитик, проникающий в политику великих держав, иногда ошибающийся, но всегда готовый в этом признаться, почти всегда дальновидный и чуть ли не провидец, Зеэв Жаботинский – выдающаяся личность еврейского народа, как бы и кто бы это ни оспаривал. Тому свидетельство улицы его имени во всех израильских городах и кварталы Писгат-Зеэв и Гиват-Зеэв в Иерусалиме.

Герцль и он принадлежали к двум разным поколениям; они придерживались разных методов, разных идей, разных тактик. Жаботинский был горячим почитателем Герцля, у которого он почерпнул мысль о создании еврейского независимого государства. Герцль умер в 1904г., Жаботинский – в 1940. Но они были двумя колоссами, на которых смогло появиться государство Израиль. Их две могилы находятся рядом на горе Герцля в Иерусалиме, подтверждая правоту такого взгляда на этих двух людей.

Примечания

1. Образованный таким образом в 1915г. легион на мулах потом присоединился к английской армии в борьбе с турками, но не в Палестине, а в европейской части Турции, возле Дарданелльского пролива. "Поход Галиполи" обернулся разгромом франко-английских войск. В еврейском батальоне на мулах тоже были потери. В 1916г. этот легион расформировался. В Тель-Авиве есть улица "Галиполи".

2. Меир Гроссман (1888-1964). Улицы названы в честь него в Иерусалиме, Тель-Авиве и т.д. Верный соратник Жаботинского. В 1925г. основал газету "Палестинские вести", издававшуюся в Иерусалиме на английском языке и предшествовавшие "Палестиниан пост", ставшей в 1950г. "Джерузалем пост".

3. В своей книге "Слово о полку" Жаботинский описывает всю эту историю. Опубликованная в России (1928), книга появилась в Англии уже после смерти Жаботинского.

4. Начальные буквы ивритских слов "Брит Трумпельдор" ("Союз Трумпельдора") в память о том, кто с Жаботинским был в Еврейском легионе и погиб в 1920 в Тель-Хае.

ГЕНРИЕТТА СОЛЬД

В Израиле есть города, где улицы названы именами женщин – героинь Танаха – например, Рут, Рахель, Двора или Эстер¹. Но совсем немного улиц называются именами современных женщин. Генриетта Сольд входит в число таких исключений. Потому что и жизнь у нее была исключительной, а ее роль в деле развития Израиля в двух небольших, но решающих для будущего страны областях – здравоохранение и социальная защита – можно сравнить с ролью немногих мужчин.

В Иерусалиме, Хайфе, Лоде, Рамат-Гашароне, Петах-Тикве, Афуле, Акко, Нагарии, Кфар-Саве и т.д. улицы носят ее имя. На севере Израиля есть киббуц, который называется Кфар-

Сольд.

Генриетта Сольд родилась в США, в Балтиморе в 1860г. в семье раввина Биньямина Сольда, выходца из Центральной Европы, как и его жена Софи. В семье были только дочери. Старшая – Генриетта – стала правой рукой отца. Она получила светское и религиозное образование, причем очень солидное, что было редкостью в те времена. Как старшая из восьми Дочерей (трое умерли маленькими) в небогатой семье, она очень рано начала работать и в 18 лет стала школьной учительницей в Балтиморе. У нее были выдающиеся педагогические способности.

Было у нее призвание и к социальной работе. В 21 год она начинает помогать отцу заботиться о евреях, бежавших из России от погромов 1881г. и осевших в Балтиморе. Она занималась тем, что облегчала им вхождение в американское общество.

У нее были еще и большие писательские способности. Она сотрудничала во многих еврейских газетах, выступала в литературных или социальных рубриках. Писала письма друзьям, которые были просто жемчужинами. Сборник ее писем (на английском) -одно удовольствие читать.

Кроме английского она знала немецкий, французский и иврит. Благодаря такому широкому образованию, в 1893г. ее назначили генеральным секретарем издательства еврейских книг в разгар его процветания: общество еврейских публикаций, находившееся в Филадельфии и существующее по сегодняшний день. Она в нем играла решающую роль 23 года, сначала в Филадельфии, потом в Нью-Йорке.

Ужасное разочарование в любви вызвало у нее тяжелую депрессию, усугубившуюся потерей незадолго до того отца, который был ей и другом, и советником в делах издательства. Она буквально зачахла. Ее состояние вызывало тревогу. Ей необходимо было сменить обстановку. Друзья предложили ей с матерью длительную поездку по Европе и Палестине, которая ей была не по карману: зарплаты хватало только на жизнь ей и матери.

Генриетта Сольд уже давно входила в кружок "Ховевей Цион" в Балтиморе, а позже с большим энтузиазмом отнеслась к Первому базельскому сионистскому конгрессу. Она с благодарностью приняла предложение друзей.

В июле 1909г. она и мать отправились в путь. После многих недель в Англии, Франции и Центральной Европе прибыли в Палестину, где они прожили месяц. Генриетта Сольд увидела реальную страну, переставшую быть для нее абстрактным предметом сионистских дискуссий, и это ее глубоко взволновало. Увидела она и бедное население, ужасно худых детей, распространенную трахому, малярию. В ней постепенно созрела мысль, что в Палестине нужно наладить физический труд, столь необходимый для страны и для здоровья людей. Она возвращается в Нью-Йорк окрепшая, и в голове у нее масса планов. Но они окончательно складываются лишь через несколько лет.

Дело двигалось медленно. В праздник Пурим 1912г. было создано первое ядро женской организации, предназначенной для посильного вклада американских женщин в дело развития медицины и социальных услуг в Палестине не в порядке милосердия, а в порядке профессиональной и денежной помощи. Образовавшийся в Пурим, первый кружок получил название "Гадаса" (другое имя царицы Эстер – см. Эстер 2:6). Организация постепенно расширялась, захватывала другие города США, где филиалы носили разные названия. На первом большом съезде всей организации в июне 1914г. было официально принято единое название "Гадаса", а Генриетта Сольд избрана председателем всей организации, насчитывавшей уже две тысячи членов. Через три года это число удвоилось, а сегодня оно достигает почти полумиллиона.

Первый практический шаг состоял в том, что в Палестину послали двух опытных медсестер. Жалованье они получали из фонда Натана Штрауса, которого Генриетта Сольд сумела привлечь к делу "Гадасы" и о котором мы еще скажем. Он снял маленький дом в

бедном квартале Иерусалима, и там устроили приемный покой и кабинеты сестер. Прибыв весной 1913г. сестры оставались в Иерусалиме до начала войны 1914г., работая в условиях, которые даже отдаленно не напоминали американскую клинику. Ни водопровода, ни газовых плит, ни электричества, ни кареты скорой помощи. Это и был зародыш будущих больниц "Гадаса".

Сестрам удалось наладить лечение трахомы у детей в еврейских школах, а также в мусульманских и христианских, ибо один из великих принципов "Гадасы", соблюдающийся и по сей день, заключается в том, чтобы не делать различия между вероисповеданиями и происхождением и оказывать одинаковое внимание всем. Генриетта Сольд и Натан Штраус за этим строго следили, и их преемники продолжают эту традицию, которая стала правилом в больницах Гадасы.

Две медсестры создают кружки по уходу за младенцами для молодых матерей, лечат больных младенцев.

Когда началась Первая мировая война, деятельность Генриетты Сольд, возглавлявшей "Гадасу", развернулась еще шире. Новости из Палестины, поступающие в Соединенные Штаты (остававшихся нейтральными до весны 1917г.), были ужасными. Турки (союзники Германии) арестовывают или высылают евреев, которых они подозревают в симпатии к англо-французскому союзу. Экспроприации в пользу армии усиливаются. Голод, эпидемии. Две сестры сами заболели и, возвратившись в США, описывают Генриетте Сольд страшную картину положения в Иерусалиме: "Нужно видеть этих людей на улице – само страдание, нищета и голод".

В июле 1916г. Генриетта Сольд, глава "Гадасы", получит срочное задание от Всемирной сионистской организации: нужно создать медицинскую бригаду, в которую войдут врачи и медсестры и которая будет располагать лекарствами для оказания помощи населению Палестины. Это требует огромных денег, и Генриетта Сольд сразу же начинает действовать по всем направлениям.

Вступление в войну Соединенных Штатов лишило возможности посылать срочную помощь, нужда в которой стремительно нарастала. Декларация Бальфура и завоевание Палестины англичанами коренным образом изменили политическое положение, но не ликвидировали голод и болезни. Иерусалимские улицы, которые занимали англичане, были забиты трупами.

Медицинская бригада, задуманная в 1916г., должна была быть увеличена вдесятеро, чтобы быть эффективной в 1917г. Неутомимая Генриетта Сольд колесит по всем Соединенным Штатам, собирая необходимые средства. Ей удается их собрать с помощью Джойнта, который был создан в конце 1914г. под председательством Феликса Варбурга².

Из-за бесконечных формальностей, вызванных войной, судно с медикаментами задержалось до июня 1918г. Через Англию, Италию и Египет медицинская бригада прибыла в Иерусалим в конце июля 1918г. Генриетта Сольд присоединилась к ней в Иерусалиме через двадцать месяцев. Непомерная задача была выполнена.

Когда приехала Генриетта Сольд, руководству медицинской бригадой приходилось уделять уже в общем-то немного времени. Генриетта оставалась в Палестине до самой смерти (1945) и только ненадолго уезжала в США повидать сестер и активизировать работу "Гадасы", председателем которой она была. Ей было уже 60 лет, но ее исключительная работоспособность по-прежнему сохранялась. Ее практический ум помогал ей сразу же понять любую проблему во всех аспектах, и она руководила работой "Гадасы", вникая во все мелочи.

2-го ноября 1918г. Джеймс Ротшильд вручил медицинской бригаде "Гадаса" ключи от больницы, основанной его семьей. Больница Ротшильда -Гадасы потом стала больницей "Гадаса" с филиалами во многих городах. Вскоре название "Гадаса" стало синонимом современной медицины на Ближнем Востоке. Директора больниц менялись, а Генриетта

Сольд оставалась душой "Гадасы".

Ее деятельность на этом не кончалась. Осуществлялись и другие начинания в области улучшения санитарных и социальных условий бедных слоев населения. Эти мероприятия финансировались членами "Гадасы" и Натаном Штраусом.

Он родился в 1854г. в Центральной Европе, но, когда ему было шесть лет, родители эмигрировали в Нью-Йорк, где он вырос и разбогател. Великодушный, всегда озабоченный помощью тем, кто обделен судьбой, он налаживает систему распределения пастеризованного молока (новшество тех времен) среди бедняков Нью-Йорка. Он с энтузиазмом встречает предложение Генриетты Сольд распространить эту систему и на Иерусалим.

До самой смерти в 1931г. он финансировал ее начинания, жертвуя на социальную помощь, которую она поставила на ноги: раздача бесплатных обедов в бедных кварталах Иерусалима, горячие завтраки в школе, курс здоровой пищи для матерей, оборудование садов играми для детей, консультации для кормящих матерей – все эти и многие другие мероприятия, которые здесь все не перечислить, Генриетта Сольд придумывала и осуществляла, в частности, с помощью Натана Штрауса.

Именем этого щедрого благотворителя названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве и других городах. В честь него же назван город Нетания, заложенный в 1929г.

Любимым детищем Генриетты Сольд была школа медсестер, которую она основала при больнице "Гадаса". Потому что она хорошо понимала, что без квалифицированных медсестер больнице грош цена, даже если там работают замечательные врачи. До самой смерти (1945) Генриетта Сольд знала лично каждую выпускницу этой школы (которая есть и сегодня и носит ее имя) и оказывала ей моральную поддержку ценными советами.

Все, казалось, шло хорошо, и Генриетта Сольд в 73 года собиралась вернуться в США отдохнуть, наконец. Но, как она писала сестрам, "Гитлер решил иначе". Шел 1933г. Приняв эстафету инициативы, зародившейся в Германии при участии Рехи Фраер, Генриетта Сольд осталась в Иерусалиме создавать движение "Алият-ганоар" ("Алия молодежи"). В гитлеровской Германии у молодежи нет будущего, а родители не всегда могут уехать, к тому же англичане ограничивают въезд взрослых в Палестину. "Алият-ганоар" возьмет на себя заботу о подростках с 13 до 17 лет и устроит их в кибуцах или поселениях для молодежи. Там они получают общее и профессиональное образование в семейной обстановке, хоть с ними и не будет родителей. Это была совершенно новая перспектива. Годами Генриетта Сольд ездила в Хайфу принимать каждого подростка, сходявшего на берег. Затем она посещала их в тех местах, где они селились, выслушивала их жалобы, старалась помочь, делила с ними их радости. Она это делала до тех пор, пока число подростков, спасенных таким образом от Гитлера, не перевалило за тысячу. Многие видные деятели в Израиле вышли из центров "Алият-ганоар", которая после 1945г. продолжает свою деятельность в других формах с молодежью, приезжающей без родителей по другим причинам, но уже не под внимательным наблюдением Генриетты Сольд.

В 1939г. она, к своей великой радости, присутствовала при переезде больницы "Гадаса" и школы медсестер в новое помещение на горе Скопус (Гар-гацофим). Умерла Генриетта Сольд в декабре 1945г., окруженная заботливым уходом медсестер, которые освободили для нее комнату в школе. Похоронена она на Масличной горе. Имя ее навсегда связано с больничной системой "Гадаса" и с "Алият-ганоар".

Примечания

1. Так названы улицы, главным образом, в Иерусалиме: "Наша прамагерь Рахель" ("Рахель-имену"), "Пророчица Двора" ("Двора-ганевиа") и "Царица Эстер" ("Эстер-гамалка"). На севере от Иерусалима кибуц Рамат-Рахель тоже назван в честь Рахели, жены Яакова.
2. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Реховоте, Тель-Авиве, Герцлии, а на берегу

мора, чуть севернее Ашдода есть Кфар-Варбург.

РАВВИН ИЦХАК ГЕРЦОГ

Как бы ее ни называли – улица Герцога или раввина Герцога, дела не меняет. Речь идет об одном и том же человеке, который более двадцати лет (1937-1959гг.) был главным раввином Израиля в самые тяжелые и решающие времена истории еврейского народа.

Родился он в конце 19 века в Ломзе – местечке на севере Польши, бывшей тогда под властью России. В 1897г., когда ему исполнилось 9 лет, родители решили эмигрировать в Западную Европу, более терпимую к евреям, чем царская Россия. Семья обосновалась в Лидсе (Англия), где Йозель Герцог, отец Ицхака Герцога, получил место раввина. Очень быстро известность сына перестала уступать известности отца, а вскоре и превзошла ее.

В разгар Первой мировой войны Ицхак Герцог возглавил еврейскую общину Белфаста, в 1916г. – то есть в тот год, когда ирландский народ поднял восстание, борясь за национальную независимость. Добился он ее лишь в 1921 году, и тогда Ицхак Герцог становится главным раввином Ирландии. Гражданская война на этом не закончилась, и главному раввину пришлось познать, как тяжело вести религиозную жизнь, требующую спокойствия, сосредоточенности на занятиях, в стране, где кипят страсти. Насилие стало для ирландцев повседневностью.

Ту же атмосферу борьбы и насилия он находит в Палестине под британским мандатом, прибыв туда в 1937 году. Он был назначен главным ашкеназским раввином Палестины (сефардским главным раввином был тогда Бенцион Узиэль¹). Герцог занял место известнейшего раввина Аврагама Кука, умершего в 1935 год. С 1936 года начинаются бесконечные арабские мятежи, нападения на евреев учащаются.

В Германии 30 января 1933 года к власти приходит Гитлер. Антиеврейские законы ужесточаются с каждым годом. Для евреев, которые пытаются бежать, двери закрыты или почти закрыты. В США правительство строго ограничило иммиграцию после "закона о квоте" 1924 года. В Палестину и Англию въезд евреям почти запрещен из боязни обозлить арабов. Сложная система "сертификатов" дает возможность попасть в подмандатную Палестину только людям, обладающим нужной в стране специальностью или значительным капиталом. Гнев евреев против англичан нарастает, особенно после выхода в свет "Белой книги" в мае 1939г. В ней англичане сформулировали драконово постановление об ограничении иммиграции. Протесты главного раввина Герцога и других еврейских видных деятелей во всем мире как религиозных, так и светских, ни к чему не привели. Борьба против англичан за свободную иммиграцию евреев в Палестину начала принимать организованные формы.

Еврейские парни и девушки попадали в тюрьмы Иерусалима, Акко и других городов по малейшему подозрению – справедливому или нет – в принадлежности к различным организациям сопротивления против англичан. Главный раввин Герцог приходил в тюрьмы поддерживать еврейских заключенных.

Когда в сентябре 1939 года разразилась Вторая мировая война, евреи британской Палестины, тем не менее, изъявили желание добровольно вступить в ряды английской армии, чтобы сражаться против общего врага. Им чинили препятствия. Но Хаим, старший сын главного раввина Герцога, записался добровольцем в британскую армию. Военная выучка, которую он там получил, помогла ему потом в израильской армии достичь высших званий военного командования.

Итак, Ицхак Герцог с семьей живет в Израиле. Его жена Сара Герцог, дочь известного раввина, была на редкость энергичной женщиной. Она сыграла важную роль в деле установления некоторых учреждений социальной помощи в Израиле².

Старший сын, Хаим, родившийся в 1918г., после блистательной военной карьеры был представителем Израиля в ООН. В 1983г. он удостоился высшей чести быть избранным президентом государства Израиль. Второй сын, Яков, юрист и раввин, умерший в 1972г.

пятидесяти одного года от роду, трудился на дипломатическом поприще. Был послом Израиля в Вашингтоне, потом в Канаде, в 1965г. стал генеральным директором кабинета премьер-министра при Голде Меир. Ранняя смерть лишила Израиль крупного политического деятеля.

Что же касается главного раввина Ицхака Герцога, то его деятельность развернулась в полную меру после 1939 года. Между 1940 и 1947 годом он делает все возможное, чтобы вырвать евреев из когтей Гитлера. С этой целью он ездит в Лондон (1940г.), в Соединенные Штаты (1941г.), в Южную Африку (1941г.) и в Турцию (1943г.)

Сразу после окончания войны в мае 1945г. постепенно начали проявляться ужасающие цифры еврейских жертв. Шесть миллионов убитых, включая более миллиона детей! Но, возможно, есть уцелевшие дети, носящие чужие фамилии в христианских семьях или монастырях, они не знают о своих настоящих фамилиях и принадлежности к еврейскому народу, поскольку были еще слишком маленькими. Святой долг вернуть в лоно еврейского народа эти несчастные частицы семей, уничтоженных Гитлером.

Весь 1946 год главный раввин Герцог посвящает розыску этих детей, главным образом, в Польше. Но ему пришлось для этого объяснять цель своего предприятия и отстаивать его на самом высоком уровне.

В марте 1946 года он был принят римским папой Пием XII и заручился его поддержкой. В результате поисков и встреч более пятисот еврейских детей были найдены, собраны и отправлены во Францию в еврейские заведения. Оттуда некоторые поехали в США, где находились члены их семей, но большая часть этих детей, оставшихся одними на всем белом свете, которых часто называли "детьми раввина Герцога", прибыла в Израиль.

Когда кончился срок британского мандата, и было создано государство Израиль, "Закон о возвращении" дал, наконец, возможность каждому еврею переехать, по своему желанию, в Израиль. Отныне главный раввин Герцог смог вернуться к религиозным занятиям, которые для него так много значили, и посвятить им большую часть своего времени. Плоды его исследований Талмуда были опубликованы в последние годы его жизни, а некоторые – посмертно. Он повлиял как раввин на воспитание целого поколения.

Видный деятель и выдающийся раввин, Ицхак Герцог удостоился, чтобы его именем были названы улицы почти во всех городах Израиля: в Иерусалиме,

Тель-Авиве, Акко, Бейт-Шеане, Кирьят-Шмоне, Нетании, Офакиме, Реховоте и т.д. И мошав в прибрежном районе километрах в пятнадцати от Ашдода носит его имя "Масуот-Ицхак".

Примечания

1. Бенцион Узиэль (1880-1953) тоже был выдающейся личностью. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Офакиме, Петах-Тикве, Ашкелоне, Рамле, Тверии, Афуле и т.д.

2. В Иерусалиме больница "Эзра-нашим" ("Женская помощь") переименована в больницу Герцог в честь Сары.

ГАГАНА

Военные действия 1917-1918 годов положили конец турецкому владычеству в Палестине. Британский мандат был записан в мирные соглашения 1919-1920 годов, которыми завершилась Первая мировая война. В Палестину пришла гражданская английская администрация с центром в Иерусалиме. Во главе стоял верховный комиссар, который и был фактическим правителем Палестины. Первым этот пост занял сэр Герберт Самюэль. Бывший министр в военном кабинете Британии, к тому же еврей, он был восторженно принят евреями Палестины; первый за две тысячи лет еврей наделен политической властью в Эрец-Исраэль¹. Его именем назовут улицы, в частности в Иерусалиме, Тель-Авиве, в Хедере.

Весной 1920 года вспыхнули арабские мятежи против евреев. Продолжались они и в 1921 году². На фоне такой напряженной обстановки сформировалась "Гагана", что значит

"оборона".

До тех пор целое десятилетие существовал институт добровольцев, защищавших, главным образом, сельскохозяйственные центры. Называлась эта организация "Гашомер" ("Сторож"). Ее задача была очень важной: не допускать краж, набегов, грабежей. Многочисленные города хранят благодарную память об этих первых храбрцах и в честь их организации называют улицы "Гашомер": в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Афуле, Ришон-Леционе, Гиватаиме, Беэр-Шеве, Холоне и т.д. В Бней-Браке так называется длинная улица, а в Реховоте одна из центральных улиц называется "Гашомерим" (мн.ч. от слова "гашомер").

Но серьезность последствий арабских беспорядков 1920г. потребовала более действенной обороны и лучшей ее организации, которая охватывала бы и города. В конце 1920г. перестала существовать "Гашомер", и часть ее членов составили Гагану.

Англичане оказались неспособными прекратить нападения арабов на евреев, и отныне защищать еврейское население – задача Гаганы, но тренировка, закупка оружия, учения непременно должны проводиться подпольно, англичане ничего не должны об этом знать. Нелегально купленное в некоторых европейских странах оружие поступало в цементных ящиках или в пустой таре. По прибытии оно пряталось в места, известные только отдельным руководителям Гаганы.

Когда антиеврейские мятежи вспыхнули в 1921г., Гагана еще только-только оформилась и не могла действовать эффективно. Она начинает играть важную роль во время беспорядков 1929г. Хотя личный состав Гаганы был еще небольшим, ей удалось ограничить число жертв и разрушений в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе. В Хевроне и Цфате, куда Гагана еще не добралась, резня, наоборот, была ужасной. Успешная защита Хульды³ превратилась в легенду: горстка членов Гаганы отбила тысячи нападавших арабов.

В начале тридцатых годов значительно увеличивается число добровольцев, записывающихся в Гагану. Когда разгораются арабские нападения 1936 года, Гагана уже представляет собой настоящую военную организацию, хоть и неофициальную. Неоднократно англичане обнаруживали и конфисковали спрятанное оружие, но Гагане всегда удавалось найти места для его хранения. Когда в 1936г. арабы атаковали еврейские города, нападали на поля и забирали урожай, Гагана обнесла их колючей проволокой под высоким напряжением, которая вместе со специальным ночным электроосвещением значительно сократила наносимый ущерб.

Элиягу Голумб с самого начала играл ведущую роль в формировании и развитии Гаганы. Родился он в Белоруссии в 1893г., в 15 лет приехал в Эрец-Исраэль. Во время Первой мировой войны мечтал создать еврейское подразделение обороны. Когда в начале 1918г. при английской армии был сформирован Еврейский легион, он в нем был капралом и сражался против германо-турецкой армии⁴.

Еврейская оборона ему представлялась более чем когда бы то ни было важной после беспорядков 1920-21гг. Он играет ведущую роль не только в Гагане, но и в партии "Ахдут Гаавода", вошедшей потом в Мапай (израильское рабочее движение). До самой смерти в 1945г. он оставался активным деятелем в Гагане, в сионистской организации и в различных социалистических движениях.

Его дом в Тель-Авиве превращен в музей Гаганы. Конечно же, в Тель-Авиве улица названа его именем, но и во многих других городах: в Иерусалиме, Ашкелоне, Бат-Яме, Герцлии, Хайфе, Нетании, Беэр-Шеве, Афуле и т.д.

В ответ на план раздела Палестины 1936-37гг., предложенный англичанами, началась операция "Стена и башня"⁵. За несколько недель было заложено поселений пятьдесят: сторожевая башня, обнесенная изгородью. Гагана защищала их от нападения арабов, начавшихся тотчас же. Особо жестокие сражения были на севере за киббуц Ханита⁶ и в Иорданской долине за киббуц Тират-Цви⁷.

В те же годы (вплоть до 1948г.) Гагана играла и другую роль: помогала высаживать на берег нелегальных иммигрантов, которым не удалось получить въездного "сертификата", выдаваемого англичанами. Они разрешали въезд в Палестину очень ограниченному числу еврейских иммигрантов, несмотря на гитлеровскую опасность. Между 1933 годом и сентябрем 1939 года до 6000 нелегальных иммигрантов попали в Палестину благодаря Гагане.

С началом Второй мировой войны в сентябре 1939г. члены Гаганы образовали отряды, которые англичане в конце концов согласились принять в состав своей Средневосточной армии. Но в то же время они запрещали Гагане проводить какие бы то ни было военные действия; они обыскивали и конфисковывали склады оружия. Однако более боевой и решительный отряд в 1941г. создал подразделение, которое получило название Пальмах, но оставалось тесно связанным с Гаганой.

По окончании Второй мировой войны в мае 1945 г. борьба евреев против англичан продолжается, главным образом потому, что иммиграционные ограничения были чрезвычайно жесткими. Англичане не хотели менять квоту, установленную в Белой книге 1939 года. А десятки тысяч переживших лагеря смерти хотели попасть в Палестину.

От Гаганы уже откололись две группы сопротивления англичанам: сторонники более жестоких методов – Эцель ("Иргун цваи леуми")⁸ и еще более крайняя группа Штерна⁹, или "Лежи" ("Леуми херут исраэль")¹⁰. Иногда обе подпольные организации сотрудничали с Гаганой, иногда Гагана им противостояла.

Гагана играла решающую роль в начале войны за независимость, когда она могла, наконец, открыто вести бои, но на сей раз против арабов, которые нападали на Израиль, получивший независимость 5-го мая (14 мая) 1948г. Последние английские солдаты покинули в этот день Палестину, которая отныне стала называться Израилем.

Но на молодое государство напало семь арабских армий из смежных государств. 31 мая 1948г. Министр обороны Бен-Гурион издал приказ о создании национальной армии Израиля. Подпольные армии – Гагана, Эцель и Лехи – были распущены. Отныне все отряды были объединены в израильскую армию – ЦАГАЛ, "Цва тагана леисраэль" (Армия обороны Израиля). Воспоминание о блистательных подвигах Гаганы во времена британского мандата сохранено в нынешнем названии израильской армии.

Улицы, как правило, большие и центральные, напоминают о героизме членов Гаганы почти во всех городах Израиля: в Хайфе, Тель-Авиве, Иерусалиме, Ришон-Леционе, Холоне, Ашдоде, Беэр-Шеве – всех здесь не перечислить.

Примечания

1. По колониальным правилам британской администрации верховный комиссар не мог оставаться на этом посту более нескольких лет. Герберт Самюэль его занимал с 1920 по 1925гг., но годы эти были решающими для всего гражданского уклада в стране. Вернувшись в Лондон, он продолжал восторгаться тем, что происходит в Эрец-Исраэль, боролся против Белой Книги 1939г. и ограничения иммиграции. Он умер 93 лет в 1953г. и успел порадоваться созданию государства Израиль и его первым успехам.

2. Во время мятежей в Яффо в мае 1921г. молодой, но уже известный писатель Хаим Бренер (1881-1921) был убит арабами. Его гибель глубоко потрясла страну. Почти во всех городах есть улицы его имени: в Иерусалиме, Рамле, Хайфе, Тверии, Тель-Авиве, Беэр-Шеве. Один кибуц, основанный несколькими годами позже, носит его имя: Гиват-Бренер.

3. Кибуц Хульда назван по имени пророчицы Хульды, о которой сказано в Танахе (Млахим II, гл. 22). Ее именем названы улицы в Иерусалиме, Бней-Браке, Бат-Яме, Хайфе, Нетании, Беэр-Шеве, Афуле и т.д.

4. Улицы имени Еврейского легиона есть в Иерусалиме, Тель-Авиве, Холоне, Ашкелоне, Ришон-Леционе, Нетании, Бат-Яме, Нагарии, Хедере и т.д.

5. В Тель-Авиве, Холоне и Беэр-Шеве есть улицы "Стена и башня".

6. Основанный в 1938г. киббуц Ханита расположен почти на границе с Ливаном. Назван по имени древнего поселения, на руинах которого он и построен. Во время сражений 1938-39гг. погибли 10 его членов.
7. Был основан в 1937г., назван в честь раввина Цви-Гирша Калишера.
8. Улицы, носящие название "Эцель" есть в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Ришон-Леционе, Нетании, Рамат-Гане, Холоне, Реховоте, Хедере, Герцлии, Кирьят-Оно.
9. Аврагам Штерн (1907-1942) родился в Польше, поселился в подмандатной Палестине в 18 лет. Стал студентом только что созданного ивритского университета. Поэт, мечтатель, романтик, он был все же убежден, что только вооруженная борьба позволит еврейскому народу стать свободным на своей земле. Он не доверял англичанам и не присоединился к Гагане, по его мнению, слишком умеренной. Вначале член Эцеля, он потом возглавил группу, для которой вооруженная борьба против англичан (поскольку они закрыли въезд в Палестину для иммигрантов) стала необходимостью. "Группа Штерна" была, разумеется, подпольной, и Аврагам Штерн под подпольной кличкой Яир, играл в ней главную роль. Англичане назначили цену за его голову и в конце-концов нашли его. Они его арестовали и убили на месте. Но борьба Лехи против англичан продолжалась до 1948г.
10. Улицы, носящие название "Лехи", есть почти во всех тех городах, где есть улицы "Эцель".

ПАЛЬМАХ

Пальмах. Такое известное и все же загадочное слово. Не имя, не фамилия – просто начальные буквы двух ивритских слов *плугот махат* (ударные бригады). Имелись в виду бригады солдат, прошедших специальную подготовку интенсивным методом. "Имелись в виду", а не "имеются", потому, что Пальмах перестал существовать с ноября 1948г. Но этим почти легендарным словом названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Бат-Яме, Афуле, Рамле, Нетании, Акко, Петах-Тикве, и т.д. – словом, почти во всех городах Израиля.

Пальмах – это целая эпоха, героическая эпоха, предшествовавшая созданию государства Израиль, когда приходилось бороться с англичанами, которые препятствовали иммиграции евреев – жертв Гитлера, и с арабами, которые нападали на еврейские поселения.

Сначала Пальмах был создан более или менее легально, то есть с согласия англичан, в 1941г. Немецкие войска под командованием Роммеля вышли из Ливии, бывшей тогда под мандатом итальянцев – союзников Германии. Тогда же на северо-востоке от Палестины, в Ираке назревал пронацистский переворот¹. Еще ближе к Палестине, Сирия, подвластная тогда Франции, связалась с правительством Виши и предложила через него Гитлеру военные базы.

Таким образом Палестина легко могла очутиться в тисках между Роммелем, надвигавшимся из Ливии, и немецкой оккупацией через Сирию и Ирак.

Тогда-то и были сформированы семь ударных бригад из состава Гаганы. Это были добровольцы, которые за сутки должны были суметь подготовиться к военной операции в любой точке Израиля, когда грозила опасность. Организовать и обучить бойцов Пальмаха назначили Ицхака Садэ.

Ицхак Садэ (1890-1952) был человеком незаурядным. Он родился в Люблине и очень молодым служил в русской армии в Первую мировую войну. Там он приобрел военный опыт, который потом оказался решающим. Демобилизовавшись, он продолжил занятия философией и филологией в Симферопольском университете (Крым). Среди студентов он был лучшим спортсменом: чемпионом по борьбе и по поднятию тяжестей.

Жизнь его резко изменилась, когда в 1917г. он познакомился с Йосефом Трумпельдором². Тот зажег его своим сионизмом. 1-го марта 1920г. вскоре после переезда в Эрец-Исраэль Трумпельдор и семь его товарищей погибли в схватке с арабами в Тель-Хае³. Его жизнь, его смерть в 40 лет долгие годы оставалась символом для всей молодежи, которая хотела

связать свою судьбу с Эрец-Исраэль. Улицы Трумпельдора есть практически везде: в Тель-Авиве, Бней-Браке, Ашдоде, Холоне⁴. Все политические группировки как левые, так и правые, видят в нем национального героя⁵. Так же относится к Трумпельдору и настроенная по-боевому еврейская молодежь во всем мире.

Узнав о гибели Трумпельдора, Ицхак Садэ решил переехать в Эрец-Исраэль и перенять его эстафету.

Сразу по приезде он стал одним из руководителей "Гдуд-гаавода" и "батальона Трумпельдора". Ицхак Садэ занимался их военной подготовкой, участвовал в создании сельского хозяйства и в прокладке дорог, в чем "Гдуд" играл роль первопроходца. Внутренние разногласия привели к расколу, и в 1929г. "Гдуд-гаавода" перестал существовать.

После волнений 1936г. Ицхак Садэ вступает в Гагану и занимает там ведущее положение. Поэтому в 1941г. он самым естественным образом возглавил Пальмах, для образования которого он очень много сделал. До 1948г. его жизнь была неотделима от Пальмаха.

Пальмах финансировали союзники с момента его образования. Но когда в конце 1942г. опасность немецкого нападения ослабела, Пальмах ушел в подполье. Его члены работали полмесяца в киббуцах и полмесяца занимались интенсивной военной подготовкой. Ицхак Садэ был ее душой и ввел приемы, принятые в немногих странах, но которыми он владел. Его адъютантом был Игаль Алон (1918-1980), который тоже играл решающую роль в Пальмахе, а потом в политической жизни Израиля⁶. Его именем названа улица в Тель-Авиве.

Пальмах помогал союзникам войти в Ливан и в Сирию, которые правительство Виши хотело отдать Германии. Пальмах сыграл решающую роль в подпольной иммиграции, особенно после окончания Второй мировой войны. Между 1945 и 1948 годами Пальмах защищал от арабских нападений еврейские поселения по всей стране, обеспечивал безопасность дорог, деревень и киббуцев, расположенных вдали от них. Он сыграл главную роль в войне за независимость. Большинство крупных военных деятелей Израильской Армии учились военному искусству в Пальмахе – в частности, Моше Даян и Ицхак Рабин.

Когда в ноябре 1948г. Бен-Гурион решил слить все военные группировки в единую армию обороны Израиля, ЦАГАЛ, члены Пальмаха почти полностью вошли в новую национальную армию. В ней они стали офицерами и инструкторами. Песни Пальмаха были особенно популярны. В Израиле "бывший пальмаходец" стало, так сказать, почетным званием.

Примечания

1. Он был довольно быстро подавлен англичанами. Ирак, хоть и стал независимым, с 1918г. находился под влиянием Британии.

2. Судьба его столь же незаурядна, как и она сам. Он родился на Кавказе (1880-1920) и был призван на войну с Японией, начавшейся в 1904г. Он настолько храбро сражался, что его сделали офицером, несмотря на его еврейство. Но он был тяжело ранен, и ему ампутировали левую руку. После демобилизации он стал ярким сионистом. Здесь невозможно входить во все подробности его короткой жизни, необыкновенно деятельной. Заметим только, что в Первую мировую войну он создал вместе с Владимиром Жаботинским Еврейский легион (на иврите "гдуд гаиври", и это название носят многие улицы – в частности, в Иерусалиме, Ришон-Леционе, Холоне, Хедере и т.д.).

3. Дата его смерти по еврейскому календарю – 11 адара – и по сей день широко отмечается в Израиле.

4. В Иерусалиме улица в его честь называется "Гагидем" ("Однорукий"), но это исключение. Почти во всех городах Израиля есть улицы Трумпельдора. Город Кирьят-Шмона ("Город восьми") по соседству с Тель-Хаем назван в честь Трумпельдора и его

семи товарищей. Мошав Тель-Йосеф у подножья горы Гильбоа тоже назван в честь Трумпельдора.

5. Социалистический "Гдуд гаавода" создал "батальон Трумпельдора", и молодежное движение, основанное на идеалах сионистов-ревизионистов (основано в 1923г.) тоже названо "Брит-Трумпельдор" (Союз Трумпельдора), сокращенно "Бейтар".

6. После войны за независимость Ицхак Садэ уходит из армии. Он пишет мемуары. Умер в 62 года и похоронен в кибуце Гиват-Бренер.

ОРД УИНГЕЙТ

Британский офицер, погибший в Бирме в авиакатастрофе в 1944г., когда ему был всего 41 год, чье имя нечасто встретишь в больших английских энциклопедиях. Почему же в Израиле улицы названы его именем? Потому что его помощь евреям в образовании Национального очага в Палестине была очень важна, особенно в создании будущей израильской армии.

Чарльз Орд Уингейт родился в Индии в 1903г. в семье сугубо протестантской. Родителей послали туда как миссионеров. С детства он читал Библию и всю жизнь носил ее с собой, куда бы ни получал назначение по военной службе, которую он начал двадцати лет офицером британской армии. Детство в Индии приучило его к заграничным миссиям и к опасным предприятиям. Когда его послали в Судан, он выучил арабский и приобщился к тому миру, который потом получил название "третьего". В 1933г. его послали на юг Ливии, где он отличился храбростью и был произведен в капитаны в 1935г.

На следующий год он получил назначение в Палестину, в то время подмандатную территорию Британии. Приехал он туда в самый разгар арабских волнений против евреев и англичан. Он сразу начал бороться с арабским террором, что привело его к связям с Гаганой.

Уингейта покорило то, что он нашел в "национальном очаге". Он выучил иврит и загорелся делом сионизма. Его глубокие познания в Библии способствовали его мечтаниям о еврейском государстве, каким его предвидели пророки, но вписанном в современность.

Идеалист и вместе с тем выраженный прагматик, он хотел передать свой военный опыт евреям, вступившим в Гагану, у которых по большей части его не было. Он становится инструктором Гаганы.

Прежде всего он проводит с ними интенсивные занятия по продуманной программе. Очень талантливый стратег, он придумывает необычные методы ведения борьбы против арабского террора. Он сыграл основную роль в создании "специальных бригад по ночным операциям" и в обучении тактике неожиданного действия. Он настолько был предан еврейскому делу, что его повсюду называли *едид* (друг).

Разумеется, при напряженных отношениях между евреями и англичанами поведение Уингейта не нравилось высокому начальству, и в мае 1939г. он вынужден был покинуть Палестину, куда ему был запрещен въезд. Его назначили на какую-то безвестную военную базу в Великобритании.

Тем не менее, когда англичанам понадобился опытный офицер для борьбы с итальянцами в Эфиопии, в Министерстве вспомнили о существовании Уингейта и послали его туда. Он там блистательно проявил себя и стал правой рукой Хайле-Селассие, когда тот восстановил свой трон в Аддис-Абебе после разгрома итальянцев в 1941г.

Его направляют затем в Бирму, где идет война против японцев – союзников Гитлера. Он и там добивается больших успехов, благодаря смелым и нетрадиционным акциям, за которые его, впрочем, немало критиковали. Но Черчилль увидел в нем гениального стратега. Он пригласил Уингейта сопровождать его в 1943г. на важную встречу с Рузвельтом в Канаду.

После этого Уингейт вернулся в Бирму, где продолжались бои. Он был произведен в генералы и оказал значительную помощь делу союзников. Но в марте 1944г. он погиб в

авиакатастрофе над джунглями Бирмы. Американцы, которым он очень помог в борьбе против японцев, оказали особую честь Уингейту и другим жертвам этой катастрофы, потребовав, чтобы их похоронили на военном кладбище в Арлингтоне. Его жена сохранила привязанность к Израилю и была одним из руководителей движения "Алият-ганоар" в Англии.

В Эрец-Исраэль Орд Уингейт пробыл всего три года. Но за это короткое время он оказал делу евреев такую решающую помощь, что его имя здесь никогда не будет забыто. Оно останется прежде всего в памяти людей. Много старших офицеров израильской армии были обучены им и хранят живые воспоминания об этом *едиде*, "друге", который ушел из жизни таким молодым. Он растрогался бы до слез, увидев созданную в 1948г. такую израильскую армию, о которой он мечтал.

Но и в названиях мест и учреждений хранится о нем память. Улицы и площади его имени есть в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Петах-Тикве, Беэр-Шеве, Раанане, Герцлии. Самый большой спортивный центр в Израиле возле Нетании – Институт им. Уингейта. Поселение детей из "Алият-ганоар" называется "Йемин Орд". Оно расположено на западном склоне горы Кармель, недалеко от Хайфы, где Орд Уингейт прожил большую часть времени, когда был назначен в Эрец-Исраэль.

МОРДЕХАЙ АНИЛЕВИЧ

Восстание в Варшавском гетто, начавшееся в апреле 1944г. стало символом всего еврейского сопротивления в Польше против немцев во время Второй мировой войны. Однако были повстанцы и во многих других гетто, устроенных нацистами, чтобы собрать в определенных местах евреев и тем самым облегчить себе задачу их уничтожения. В память об этих бойцах всех гетто улицы во многих городах Израиля названы "Лохамей гагетаот" ("Бойцы гетто") или "Мордей гагетаот" ("Повстанцы гетто"). Слово "гетто" всегда стоит во множественном числе, чтобы напомнить: восстание было не только в Варшавском гетто, но и в других – в Вильно, В Белостоке и во многих других местах. Киббуц "Лохамей гагетаот" севернее Хайфы, основанный пережившими Катастрофу, стал центром, где хранится документация того времени и проводятся вечера памяти.

Повстанцы знали, что ведут безнадежную борьбу, но не хотели умирать, даже не попытавшись защититься и уничтожить хоть сколько-нибудь немцев. Мужество их было невероятным в тех невыносимых условиях. Участники и свидетели тех событий почти все погибли во время Катастрофы; о них известны лишь некоторые сведения, переданные очень немногими оставшимися в живых. День памяти шести миллионов погибших, который отмечается в Израиле, называется "День катастрофы и героизма", чтобы подчеркнуть, что отважные бойцы не забыты – хоть их имена чаще всего неизвестны.

Вот почему имя руководителя восстания в Варшавском гетто Мардехая Анилевича стало как бы символом неизвестных или малоизвестных повстанцев. Почти во всех городах Израиля есть улицы его имени: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве, и в городах поменьше: в Нетании, Цфате, Бней-Браке, Ашкелоне, Раанане, Акко, и т.д. Киббуц, основанный в конце 1943г. членами молодежного движения "Гашомер-гацаир", называется "Яд-Мордехай" в его честь. Там стоит статуя Анилевича работы израильского скульптора Натана Рапопорта, известного своим монументальным памятником в Варшаве, воздвигнутым бойцам всех гетто. Копия была сделана для мемориала "Яд-Вашем".

Мордехай Анилевич всю свою слишком короткую жизнь (он погиб в 23 года) был активным членом молодежного движения "Гашомер-гацаир".

Когда в 1939г. началась война, Анилевич стал одним из руководителей варшавской группы. Ему было 20 лет, когда немцы прошли парадным маршем по Варшаве. Он бежал на Восток, в сторону России и попытался пробраться в Палестину через румынский порт на Черном море. Но Румыния закрыла границу, и Анилевич не смог ее перейти. Тогда он отправился на север в сторону Вильно, куда бежали многие молодые евреи из

оккупированной Польши. Там он нашел многих товарищей по молодежному движению, организовал их, но ненадолго.

В июне 1940г. Литва была аннексирована Советским Союзом, и все сионистские организации должны были немедленно прекратить свою деятельность. Многие руководители были арестованы и высланы в Сибирь. Анилевич решил вернуться в Варшаву и взять на себя заботу о членах молодежного движения.

Это было еще во время русско-немецкого союза, и границу можно было пересечь относительно безопасно.

В ноябре 1940г. немцы начинают отправлять в гетто варшавских евреев. Мало-помалу они начинают сгонять туда евреев из других мест. Положение в Варшавском гетто становится все более и более тяжелым из-за нехватки продуктов питания.

Анилевич не сдается. Он собирает членов "Гашомер-гацаир" и тех, кто хочет к ним присоединиться, в своего рода киббуц внутри гетто.

В этой группе царит боевой дух. Анилевич организует для детей всевозможные мероприятия воспитательного характера внутри гетто и создает подпольную газету "Негед газерем" ("Против течения"), чтобы поднять дух обитателей гетто. Он одержим мыслью об активном сопротивлении немцам, и начинает много о нем говорить.

Как только ему удалось выйти ненадолго из гетто, он отправился в еврейские общины западной Польши, организовал молодежь из "Гашомер-гацаир" и постарался поддержать всех.

Летом 1942г. он узнал об ужасах массовых депортаций из Варшавы, которые назывались "большой акцией". Тогда он решил вернуться в Варшаву и создать сеть самообороны. В декабре 1942г. так была создана еврейская боевая организация, которую он и возглавил. Он отказался от всякой другой деятельности и посвятил себя исключительно организации вооруженной борьбы.

В Варшавском гетто перед страшной "акцией" летом 1942г. было от трехсот до трехсот семидесяти тысяч евреев. Когда Анилевич вплотную занялся организацией вооруженной борьбы, в гетто оставалось от тридцати до тридцати пяти тысяч евреев. Молодежь решила сражаться всеми доступными ей средствами против нацистов и умереть достойно в бою.

19 апреля 1943г. началась вооруженная борьба, хотя почти не было оружия. Кое-что получили от польского сопротивления. В гетто изготавливали бутылки с зажигательной смесью, рыли подземные переходы, укрепляли, сколько можно, боевые позиции в домах. Штаб восстания помещался на улице Милая, 18. Его превратили в бункер. Борьба была совершенно неравной, и никто не строил себе иллюзий насчет ее исхода. "Мы не хотели спасать свою жизнь, – напишет потом один из немногих оставшихся в живых. – Никто не думал, что выйдет оттуда живым. Мы хотели спасти свое человеческое достоинство."

История героического сопротивления Варшавского гетто была описана много раз. Трудно здесь передать благородство, мужество, изобретательность ее бойцов, а также ужас, пожары, горы трупов.

Восьмого мая через три недели от начала восстания, центр "Милая, 18" был захвачен немцами, а еврейские бойцы убиты. "Так пало около сотни повстанцев и среди них Мордехай Анилевич, самый лучший, самый мудрый, самый благородный из всех, сохранявший в самые страшные моменты спокойствие и улыбку"¹.

Отдельные бои еще продолжались до конца июня и даже в июле 1943г. под руководством уцелевших, у которых еще были пули в пистолетах. Горстка последних уцелевших проложила проход на "арийскую" сторону; они присоединились к польским партизанам и задались целью: после войны "рассказать".

Они были услышаны в городах Израиля, где множество улиц изо дня в день напоминают жителям, проходящим по ним, о подвигах Анилевича и других бойцов всех гетто.

Примечание

1. Свидетельство Цивьи Любетниковой в книге "Восстание в Варшавском гетто" Михаэля Борвица.

ХАНА СЕНЕШ

Одна из еврейских героинь Второй мировой войны, совсем молодая девушка. После гибели в 1944г., когда ей было 23 года, она стала чуть ли не легендой. О ней рассказывают в школах, пишут книги, слагают песни. Ее именем названы улицы почти во всех городах Израиля. В Иерусалиме, Рамат-Гашароне, Тель-Авиве, Акко, Рамле, Раанане, Ашдоде, Хайфе, Тверии и т.д.

Хана Сенеш родилась в Будапеште в 1921г. в семье ассимилированных евреев. Отец, Бела Сенеш, был драматургом, и его пьесы имели успех. Здоровьем он был слаб и рано умер, Хане не было тогда и шести лет. Матери, Катерине Сенеш, пришлось одной растить Хану и ее брата Дьердя, годом старше Ханы.

До всего любознательная, литературно одаренная, Хана с 12 лет начала писать стихи. Она блестяще занималась, любила книги, театр, кино, путешествия. В ее дневнике, который она тщательно вела, чувствуется нарастающее беспокойство по мере приближения гитлеровской опасности, распространявшейся на Центральную Европу в 1938-39гг. Ее привлекали разные идеалы, как это бывает у подростков. Но когда ей пошел восемнадцатый год, она выбрала для себя сионистский путь. "И все мои мысли устремлены к Палестине. Мне интересно все, что ее касается, а все остальное отошло для меня на второй план" – записала она в дневнике в ноябре 1938г.¹ Она приняла решение переселиться в Эрец-Исраэль (под английским мандатом), как только ей исполнилось 18 лет и она кончила гимназию.

Когда ее брату Дьердю исполнилось 18 лет, он уехал во Францию для продолжения учебы, поскольку в Венгрии была строгая норма приема евреев в университеты.

На пасхальные каникулы 1939г. Хана с матерью поехали в Париж навестить Дьердя. Хана очень обрадовалась, когда узнала, что брат тоже стал сионистом. Он тоже хотел переехать в Эрец-Исраэль, и в конце концов решила последовать за ними мать.

Поскольку Венгрия была союзницей Германии, когда началась война, она ее не коснулась. У Ханы была возможность, хоть и не без трудностей, осуществить свои намерения. В середине сентября 1939г. она покинула Будапешт, добралась до румынского порта Констанца, откуда и прибыла в Хайфу, а оттуда – в сельскохозяйственную школу в Наглаль, где она с увлечением занималась. Через два года она обосновалась в киббце Сдот-Ям, недалеко от Кейсарии. Это было чудесное время, несмотря на опасность войны, грозившей Палестине. Хана продолжает писать стихи, теперь уже на иврите. Самое знаменитое стихотворение тех лет – "Эли, Эли, шело игамер леолам..." (Б-г мой, Б-г мой, который пребудет вечно); положенное на музыку Давидом Загави, оно стало песней-молитвой, которую чаще всего поют в Израиле даже не на поминальных церемониях.

Но с конца 1942г. постепенно становится известно, что творится в Европе: аресты, депортация, газовые камеры. Венгрия остается союзницей Германии и еще не оккупированной. Но Хана думает о евреях других стран Европы, уже захваченных, и мучается мыслью, что не может прийти им на помощь.

Наконец она узнает, что молодых евреев из Эрец-Исраэль собираются послать на задание; англичане будут их тренировать в Египте и забрасывать на парашютах через линию фронта для поддержки евреев и организации их переправки в Эрец-Исраэль.

Она не одинока. Есть много добровольцев, почти все члены киббуцев. Но англичане не торопятся. Наконец, они приняли для тренировки 240 человек, из которых только 32 были допущены к выполнению операции. Из этих тридцати двух семеро попали в руки к немцам и героически погибли. Среди них, кроме Ханы Сенеш, были Энцо Серени и Хавива Райк, о которых следует хотя бы коротко сказать.

Энцо Серени (1905-1944) был самым старшим из всех допущенных до тренировок. Этот

выходец из старинной еврейской семьи в Италии с женой и грудным ребенком приехал в Эрец-Исраэль в 1927г. Вдумчивый, энергичный, решивший променять буржуазную жизнь своей семьи в Риме на жизнь первопроходца в Эрец-Исраэль, он стал одним из основателей киббуца Гиват-Бренер. В киббуце после его гибели назвали культурный центр его именем в память о нем.

Во время многочисленных поездок в различные страны Европы и в Ирак, начиная с 1933г., он понял, какая опасность грозит евреям. Сначала его не хотели принимать в парашютный десант из-за возраста – ему было около сорока; но он так настаивал, что под конец высадился в 1944г. в северной Италии, занятой немцами. Вскоре после приземления его обнаружили и отослали в концлагерь Дахау в Германии, где в ноябре 1944г. он скончался под пытками.

Киббуц Нецер-Серени около Нес-Ционы в районе побережья назван в его память.

Хавива Райк (1914-1944) родилась в Словакии, росла в семье очень скромного достатка, должна была тяжело работать с юных лет, чтобы помогать родителям. Семья была настолько ассимилирована, что одним из редких праздников, которые она себе позволяла отмечать, был Рош-Гашана.

Однажды, когда Хавиве было 16 лет, ей в руки случайно попала книга о сионизме. Она была потрясена, и отныне сионизм занимал все ее мысли. Когда после долгого отсутствия ее увидел старший брат, он ее не узнал. "Хавива стала одержимой!" – воскликнул он. Но кончилось тем, что она его убедила, и он тоже переехал в Эрец-Исраэль.

Став активным членом молодежного движения "Гашомер-гацаир", Хавива приехала в Эрец-Исраэль в сентябре 1939г. почти одновременно с Ханой Сенеш. Но тогда они не были знакомы. Хавива стала членом киббуца Маанит.

В 1942г. продвижение к Египту немецких войск под командованием Роммеля грозило Палестине войной. Хавива чувствовала всю серьезность положения и к тому же узнала, что творится в Европе. Она записалась добровольцем в парашютный десант. Там и пересеклась ее судьба с судьбой Ханы Сенеш, старше ее на 7 лет.

В сентябре 1944г. ее забросили на парашюте вместе с тремя парашютистами в Словакию, где они связались со словацкими евреями и оказали им моральную поддержку. Для них это были очень тяжелые недели. В конце концов немцы их арестовали. Об их последних днях известно очень мало, потому что только одному из них удалось спастись.

Тела Хавивы и двух ее товарищей – Цви Бен-Якова и Рафаэля Раиса – были найдены в гряде трупов в Словакии. Их удалось опознать по обрывкам книги, которая называлась "Женщины-киббуцницы" и была при Хавиве.

Киббуц в 8 км. от Хедеры назван в ее честь "Лагавот-Хавива". На израильской карте можно найти и другое место, названное в ее честь "Гиват-Хавива", возле ее киббуца Маанит. Гиват-Хавива – место съездов партии МАПАМ и движение "Гашомер га-цаир", а также исследовательский и педагогический центр, библиотека и архив.

Но вернемся к Хане Сенеш. На тренировках в Египте она выделялась энергичностью, целеустремленностью и неутомимостью. Она с нетерпением ждала момента, когда ее забросят в Югославию, откуда она с еще несколькими еврейскими парашютистами должна была пробиться в Венгрию, тогда еще в войне не участвовавшую союзницу Германии. В Египте она получила письмо, в котором ее брат Дьердь сообщал, что прибыл в Эрец-Исраэль. Для нее это было большой радостью.

Парашютисты приземлились 13 марта 1944г., и точные планы, как пробиваться в Венгрию и что там делать, были уже составлены. Но 19 марта немцы, напуганные продвижением русских на запад, вторглись в Венгрию. Все планы пришлось пересмотреть, а Хане с товарищами задержаться в Югославии почти на три месяца. Потянулись долгие вечера в горах с югославскими партизанами. Хана вызывала восхищение этих крестьян-патриотов, которые никогда не видели такой отважной девушки, выносливой и живой. Она стала для

них легендарным образом. Несмотря на такие тяжелые времена, она продолжала писать стихи. Одно из последних "Благословенна спичка, которая сжигает себя, чтобы зажечь другой огонь" стало особенно известным, потому что оно символизировало ее жизнь и преданность, которые зажгли много других огней.

9 июня 1944г. был предпринят нелегальный переход через венгерскую границу. Опасность грозила большая, но надежда хоть что-нибудь сделать для венгерских евреев поддерживала Хану. "Лучше умереть со спокойной совестью, – говорила она своим товарищам, – чем отказаться от нашего задания."

Они подошли к венгерской деревне, где им должны были передать фальшивые документы. Не успела она в нее войти, как ее случайно обнаружил жандарм и передал нацистам. Под страшными пытками она не выдала ни своих товарищей, ни кодов, которые знала.

Ее посадили в будапештскую тюрьму, куда полиция привела ее мать. Мать была потрясена: она считала, что ее дочь в безопасности в Палестине.

Два месяца в тюрьме секретных служб, три недели в камере. Хане удалось связаться с соседями, поднять дух заключенных, а главное – несмотря на допросы и пытки она отказывается говорить. 28 октября ее обвинили в шпионаже. Хана отвечает судьям с непередаваемым спокойствием. Красная армия продвигается к Венгрии, и Хану не покидает надежда. Но 7 ноября 1944г. ее безжалостно расстреляли во дворе будапештской тюрьмы.

Ее преданность своему делу, мужество, и трагическая кончина поставили ее в ряд больших еврейских героинь нашего времени.

Примечание

1. Хана Сенеш, ее жизнь и дневник, Лощон, 1971, стр. 64.

ХАИМ ВЕЙЦМАН

Что больше всего способствовало известности этого выдающегося сионистского деятеля? Его роль во время Первой мировой войны в борьбе за получение документа, который был подписан в 1917г. и назван Декларацией Бальфура? Его роль в создании сионистской организации, председателем которой он был почти весь период британского мандата в Палестине? Пост первого президента государства Израиль, который он занимал до самой смерти в 1952г.? Разумеется, все вместе взятое.

Во всяком случае, видимо, нет ни одного города в Израиле, где бы не было улицы Вейцмана, улицы "Первого президента". Самый знаменитый в Израиле и известный во всем мире научно-исследовательский центр называется "Институт Вейцмана".

Хаим Вейцман родился в 1874г. неподалеку от Пинска (Белоруссия) в типичном еврейском местечке. Там же молодой Хаим ходил в хедер. В конце 19 века в Пинске было около 30 000 жителей, три четверти которых составляли евреи. Хасидизм когда-то был там очень силен, но в конце 19 века туда проникло и движение "Таскала" и движение "Ховевей Цион", которому сочувствовал Ашер, отец Хаима. У Ашера Вейцмана и его жены Рахели-Леи было пятнадцать детей; третьим был Хаим. Семья жила скромно, но по тем временам считалась обеспеченной; соблюдала еврейские традиции, еврейские праздники. У Хаима был учитель иврита, который не только обучал его языку, но и привил ему любовь к Сиону.

Потом семья обнищала. Хаим подростком должен был зарабатывать на жизнь уроками иврита богатым детям Пинска. Но он продолжал учиться в русской школе и оставался блестящим учеником, особо способным к точным наукам.

В 18 лет, когда нужно было поступать в высшее учебное заведение, из-за строгой "процентной нормы", принятой в России, он этого сделать не смог и в 1892г. уехал в Берлин, где и прожил шесть лет. Тогда же он вошел в кружок будущих сионистских вождей, приехавших кончать учебу в Берлин: Нахман Сыркин, Лео Моцкин¹, Шмарьягу Левин. Они были немного старше Хаима и приобщили его к своим идеалам. Выход в свет

брошюры "Еврейское государство" Герцля их воодушевил, и начались нескончаемые рассуждения о том, каким должно быть будущее еврейского народа. Когда оформилось сионистское движение, Хаим Вейцман к нему прикипел всей душой. На Первом сионистском конгрессе ему не дали возможности участвовать, а на Второй он уже был послан делегатом и, как и многих других, его заворожила личность Герцля.

В 1898г. он переезжает из Берлина в Швейцарию заканчивать докторскую диссертацию. В 27 лет он занял место старшего преподавателя химии в Женевском университете. Но он постоянно ездит в Пинск, где живут его родители. Поэтому у него сохраняется связь с еврейскими массами в России.

Отец разделяет его приверженность идеям Герцля, и они вместе участвуют в Шестом сионистском конгрессе 1903г. Несмотря на их восхищение Герцлем, они становятся самыми яркими противниками его плана относительно Уганды. Вместе с другими противниками они демонстративно покидают зал заседаний и переходят в соседний оплакивать сионистский идеал. Под нажимом этих "плакальщиков" план Уганды не прошел. А в 1904г. Герцль умер.

В том же году, почувствовав, что в Женеве его научная карьера достигла потолка, Вейцман переезжает в Манчестер, где он может продолжать исследования. Через три года его назначили старшим преподавателем Манчестерского университета. Это показывает, насколько он был незаурядным ученым и преподавателем.

В 1906г., когда ему было 32 года, он женился на Вере, с которой вместе заканчивал образование в Женеве. В этом же году произошла его встреча с Бальфуrom, оказавшаяся решающей для еврейского народа.

Вейцман все более прочно входит в английское общество; его восхищает английское хладнокровие, английская культура, порядок и учтивость на собраниях и во время дискуссий.

В Манчестере продвигается его научная карьера без ущерба для сионистской деятельности. В 1905г. его выбирают в исполнительный комитет. Но его влияние становится значительным особенно после Восьмого конгресса 1907 года. Начинается дискуссия между сторонниками сионистской политики, провозглашенной Герцлем, и сторонниками практического сионизма, которые видят цель исключительно в сельскохозяйственном развитии Палестины. В речи, которая стала исторической, Вейцман выдвигает идею "синтетического сионизма", который включает в себя обе точки зрения. Таким образом ему удается восстановить единство в сионистском движении, и его влияние в нем заметно растет.

В Манчестере и Лондоне создаются кружки молодых активистов, куда, в частности, входят Гарри Сакер², Симон Маркс и Исраэль Зиф. Они на всю жизнь остаются приверженцами Хаима Вейцмана.

После начала войны (август 1914г.) Нахум Соколов приезжает в Лондон, где уже некоторое время живет Ахад-Гаам и где вскоре к ним присоединяется Жаботинский. Это маленькое сионистское ядро приверженцев Вейцмана, поддерживающее его в многочисленных спорах, неудачах и сложных обстоятельствах, стало его опорой на всех этапах подготовки Декларации Бальфура.

Через несколько месяцев от начала войны Англия очутилась перед угрозой нехватки природного ацетона, необходимого для изготовления некоторых боеприпасов. Вейцман связался с тогдашним министром вооружения Ллойд-Джорджем. Через несколько недель непрерывной работы. Вейцману удалось получить синтетический ацетон. Согласно мемуарам Ллойд-Джорджа, именно в награду за это открытие, внесшее большой вклад в победу английских войск, Ллойд-Джордж предложил документ, получивший потом название "Декларация Бальфура".

Вейцман опровергал эту трогательную легенду. О мемуарах Ллойд-Джорджа он писал: "Он

рассказывает, будто Декларация Бальфура была предложена в награду за мои услуги Англии, когда Ллойд-Джордж стал премьер-министром. Хотел бы я, чтоб это было так просто: не знал бы я мучений и страхов, предшествовавших опубликованию Декларации. Но история делается не волшебной лампой Аладина".

Многочисленные переговоры, собрания, дискуссии между сионистами и некоторыми министрами или парламентариями проходили с 1914 по 1916 годы. Вейцман их возглавлял, хотя и не занимал еще никакой официальной должности в сионистской организации. Но его блистательный ум, энтузиазм и способности убеждать в сочетании с его известностью как ученого, обеспечивали ему уверенность, которую он употреблял на продвижение сионистского идеала.

За противниками недостатка не было, даже среди евреев. Далеко еще не все приняли идеи сионизма, особенно в среде высокопоставленной англо-еврейской буржуазии.

И все же после многих поправок Декларация была утверждена британским кабинетом министров. Это было письмо лорда Бальфура (тогдашнего министра колоний), адресованное лорду Уолтеру Ротшильду, члену парламента, и датирована 2 ноября 1917 года. Оно знаменовало собой невероятную победу будущей судьбы сионизма. И роль Вейцмана была бесспорно главенствующей.

С тех пор его авторитет установился сам собой. За три года до Лондонского конгресса в 1920 году, на котором он был избран председателем Всемирной сионистской организации³, т.е. 1917г. он стал им фактически.

Весной 1918г. большая часть Палестины уже была завоевана англичанами. Они решили направить туда "сионистскую комиссию" для изучения положения евреев в стране и принять меры по осуществлению Декларации Бальфура. Одна из целей Комиссии состояла в том, чтобы установить связь с арабами и достигнуть сотрудничества с ними, в котором никто не сомневался тогда. Самым естественным образом возглавил эту делегацию Хаим Вейцман. Перед отъездом он был торжественно принят королем Англии Георгом V."

Комиссия прибыла в апреле 1918г. в Палестину, когда война была еще в разгаре. Двумя месяцами позже, в июне, Вейцман встретился с Эмиром Фейсалом в Аммане. Беседа была очень дружественной⁵, но через два года все резко переменялось.

Но в июле 1918 года Вейцману удается осуществить план, который оказался очень важным для дальнейшего хода событий. Он давно уже вынашивал мечту открыть в Палестине еврейский университет -утопия при турецком правлении, но упорство Вейцмана претворило ее в жизнь. 24 июля 1918г. на склонах горы Скопус в Иерусалиме состоялась торжественная церемония перед огромным количеством евреев, христиан, арабов и британских офицеров, на которой Вейцман заложил первый камень еврейского университета. Понадобилось еще семь лет, чтобы в 1925г. открылись первые его здания⁶. Это было одним из величайших достижений Вейцмана.

Роль Вейцмана в изложении сионистских требований на мирной конференции 1919г. в Париже, его решительное вмешательство во всю историю движения между двумя мировыми войнами – подробный рассказ об этом занял бы слишком много страниц.

Его жена Вера тоже вела активную жизнь. В 1920 году она была одной из основательниц ВИЦО (Международная женская сионистская организация), как и Ривка Зиф, ее подруга, которая была более 40 лет председателем этой организации. А Вера была председателем исполнительного комитета в ней и тоже много занималась сионистской деятельностью.

Начиная с 1935г. Хаим и Вера, продолжая жить в Лондоне, часть года проводят в Палестине, в Реховоте, где только что открылся Научно-исследовательский институт им. Даниэля Зифа⁷. Двое их сыновей, Бени (Биньямин) и Михаэль, остаются продолжать образование в Лондоне. В 1937г. Вейцманы переезжают из более чем скромной квартиры в просторный дом, где они могут теперь принимать многочисленных важных посетителей, приезжающих в страну на аудиенцию к Хаиму Вейцману, ставшему всемирной

знаменитостью. Он занимается и научной работой в Институте Даниэля Зифа, и сионистской деятельностью. Много ездит, особенно в Париж, Лондон и в США.

Приход Гитлера к власти и его меры против евреев подтолкнули Вейцмана принять план раздела Палестины, предложенный англичанами и отвергнутый арабами. Британская "Белая Книга", опубликованная в мае 1939г., которая ограничивала очень резко иммиграцию, пошатнула его веру в англичан.

Когда в сентябре 1939г. вспыхнула война, он вернулся в Лондон из Женевы, где состоялся 21-й сионистский конгресс. Делегаты расставались в конце августа, охваченные самыми тяжелыми предчувствиями. Вейцман остался в Лондоне, тщетно пытаясь смягчить британскую политику относительно евреев Палестины; он не добился ни малейшего сокращения иммиграционных ограничений. Его усилия добиться формирования еврейской бригады для борьбы на стороне англичан против Гитлера увенчались успехом гораздо позже, в сентябре 1944г. Его очень огорчает плохое отношение англичан к евреям в Палестине.

В начале войны Вейцману еще не было 70-ти лет, но он был уже измучен, обессилен постоянными конфликтами, с одной стороны, с англичанами и, с другой – внутри сионистского движения. Смерть его сына Михаэля в 1942г., офицера-летчика, призванного в английский воздушный флот, усугубила его состояние, но он продолжал играть первостепенную роль в сионистском движении.

Он присоединяется к делегации, прибывшей в мае 1942г. из Эрец-Исраэль в Нью-Йорк, в гостиницу "Балтимор" для осуществления плана, составленного Бен-Гурионом. В плане выдвигаются требования создать после войны еврейское государство в Палестине и подается подробное обоснование "Балтиморской программы". Но расхождения во взглядах и в формах политической борьбы между Вейцманом и Бен-Гурионом, проявлявшиеся и раньше, теперь стали более резкими. Хотя Вейцман и был разочарован в англичанах, он считал, что не нужно идти против них. Бен-Гурион требовал более радикальных мер. Несмотря на взаимное восхищение, они не могли прийти к взаимному пониманию.

Победа союзников в мае 1945г. раскрыла масштаб трагедии европейских евреев. Но Англия оставалась непреклонной и не разрешала уцелевшим после лагерей смерти въезд в Палестину, кроме мизерной квоты, установленной "Белой книгой" в 1939году. Бен-Гурион находился в Палестине в разгар борьбы с англичанами. Хаим Вейцман играл свою роль в области дипломатии. Теперь он уже понимал, что независимое еврейское государство – единственно возможный выход. С 1946 по 1948г.г. ведутся бесчисленные переговоры на всех уровнях в Лондоне и в США. Вейцман имел влияние на Гарри Трумена, выбранного в 1945г. президентом США. К нему прислушиваются и в недавно созданном ООН. Несмотря на слабое здоровье, он ведет непрерывную борьбу.

Новость о провозглашении государства Израиль дошла до него в Нью-Йорке, где он тогда находился, до последней минуты опасаясь, что американцы изменят курс в своей политике. Через два дня ему прислали телеграмму о том, что он избран временным правительством Израиля президентом нового государства¹.

Это был момент большого эмоционального накала для Хаима Вейцмана и его жены, которая всегда ему помогала и поддерживала его. В нескончаемом потоке поздравлений и пожеланий неоднократно говорилось о том, что он заслужил этой чести и вывел свой народ из изгнания на Родину успешнее, чем Моше-рабейну, которому не дано было ступить в Эрец-Исраэль.

Когда он возвращался в страну, его принял президент Франции со всеми надлежащими почестями. Вейцманы приехали в Тель-Авив в конце сентября 1948г. Война уже унесла много жертв, повсюду были руины. Они снова поселились в Реховоте, испытывая радость пополам с печалью.

Большим утешением стало создание в 1949г. института им. Вейцмана. На базе института

им. Даниэля Зифа был создан значительно более масштабный научно-исследовательский центр. Первые добровольные взносы на его создание были приурочены к семидесятилетию Хаима Вейцмана. Инициатива исходила от его друга и почитателя Вейцмана Меира Вайсгала⁹. Институт Вейцмана начал чрезвычайно быстро развиваться.

Но Вейцман уже не мог в нем работать. У него очень ослабло зрение, он чувствовал, что стоит в стороне от жизненно-важных центров политической жизни. Последние годы его президентства были очень грустными. Его биографы, описывая эти годы, называют его "узником Реховота".

Хаим Вейцман умер в своем реховотском доме 9 ноября 1952г. Согласно завещанию, его похоронили в саду Института Вейцмана, недалеко от его дома¹⁰. Жена умерла через четыре года.

Кроме тысяч опубликованных речей, статей и писем, осталась автобиография Вейцмана, которую он закончил и опубликовал в Англии в 1949г. У нее горькое название "Методом проб и ошибок". После его смерти Вера Вейцман тоже написала мемуары, которые были опубликованы в 1967г. под оптимистическим названием "Долог путь от мечты к действительности". Это название отражает их жизнь, наполненную событиями и конечный успех борьбы за сионизм, которую вел ее муж.

Примечание

1. Лео (Арье) Моцкин (1867-1933) был выдающимся вождем сионизма и защитником евреев в диаспоре. В 1919г. на Парижской конференции он возглавлял "Комитет еврейских делегатов", который собирался до и после подписания Версальского договора, чтобы потребовать от государств в перекроенной Европе (Польши, Румынии, Югославии и т.д.), чтобы они записали в свои конституции закон о равноправии евреев. С молодости (он родился под Киевом) он проникся идеями сионизма и примкнул к Герцлю. Он был горячим защитником иврита и один из немногих сионистских вождей, выступавших на иврите, участвуя в конгрессах. Его именем названы улицы в Иерусалиме, Тель-Авиве, Реховоте, Холоне, Петах-Тикве, Ришон-Леционе, Нетании, Герцлии. Одно из предместий Хайфы называется Кирьят-Моцкин.

2. Г. Сакер – писатель. Играл важную роль в сионистском движении между двумя мировыми войнами. В Иерусалиме есть парк его имени. С. Маркс и И. Зир – основатели широкой английской сети готовой одежды "Маркс и Спенсер". Сакер к ним присоединился.

3. Он оставался на этом посту с короткими промежутками до 1946 года.

4. В его честь улицы, проложенные во время британского мандата в Тель-Авиве и в Иерусалиме, были названы его именем.

5. Встреча закончилась тем, что 3 января 1919 года Вейцман и Фейсал подписали соглашение. Только с событиями в Сирии 1920г. и осложнениями отношений между ней и Францией положение ухудшилось.

6. В 1948г. после битвы за Иерусалим гора Скопус осталась израильским районом, но недоступным для публики. Тогда постепенно выстроили новый университет в Гиват-Рае. Университет на горе Скопус вернулся на территорию Израиля и расширился после Шестидневной войны.

7. Имя сына Исраэля и Ривки Зиф, умершего в 17 лет.

8. Это назначение кнесет утвердил в феврале 1949г. после голосования на первом очередном заседании.

9. Есть улица его имени в Реховоте.

10. Его дом превращен в музей, а могила, впечатляющая скромностью, тоже служит местом посещения.

ДАВИД БЕН-ГУРИОН

Нет необходимости представлять Бен-Гуриона. Его имя настолько известно в Израиле и во

всем мире, что на его портретах не нужна подпись.

И все же в его долгой жизни (87 лет) есть мало известные стороны. Чтобы хорошенько понять его роль перед образованием государства Израиль и после, нужно их раскрыть.

Когда в 1906 года он решил переехать в Эрец-Исраэль, ему как раз исполнилось 20 лет. Тогда его еще звали Давид Грин. Его отец, юридический советник в Плонске¹, был довольно обеспеченным человеком. Мать умерла, когда Давиду было 11 лет. Семья примкнула к движению "Ховевей Цион", а затем и к сионистскому движению, возглавляемому Герцлем. Ребенком Давид изучал иврит, получая и традиционное еврейское образование, и (с частными учителями) – общее.

Юношей он стал деятельным членом движения "Поалей Цион" ("Рабочие-сионисты") и ездил по Плонскому округу вплоть до Варшавы, пропагандируя это движение. В 15 лет он уже был прекрасным оратором. В 1905 году после подавления революции начались преследования "бунтовщиков". Царское правительство арестовало Давида и отправило в тюрьму. Когда его выпустили по молодости лет (ему было девятнадцать), а главное, благодаря доброму имени отца, он решил переехать в Эрец-Исраэль.

Там он работает в сельском хозяйстве и живет трудно, как все тогдашние первопроходцы. Работает хорошо как на сборе апельсинов под Петах-Тиквой, так и на посевах и на жатве в Седжере². Но условия жизни сложные, работа не постоянная, и Давид перебирается с места на место, часто голодает, а отцу пишет, что все хорошо.

Однажды, – рассказывает он в своих мемуарах, – пришел к нему друг его отца и, увидев, какой он худой и голодный, пригласил его пообедать. Давид отказался, хотя ему очень хотелось есть, заверив друга отца, что хорошо питается, а худой, потому что тяжело работает в поле и жара дикая. Он старался скрыть все тяготы своей жизни от отца – как и то, что у него малярия. Когда другие друзья сказали отцу правду и тот послал денег, Давид их вернул. Не для того он приехал в Эрец-Исраэль, чтобы быть попрошайкой.

Он был рабочим в самом социалистическом понимании этого слова. Но он был еще и прирожденным политиком. Когда образовалась партия "Ахдут-гаавода", которая стала издавать газету "Ахдут" ("Единство"), Давид писал в нее много статей – политических и идеологических. Подписывал он их "Давид Бен-Гурион". Это имя, которое он взял себе в 1910г. осталось у него на всю жизнь³. Под этим именем он вошел в историю.

Вокруг газеты с ее социалистическими идеалами собрались единомышленники и завязалась тесная дружба, особенно с Ицхаком Бен-Цви⁴. Бен-Гурион и Бен-Цви потом вместе поехали получать высшее образование в Константинопольском университете и в начале Первой мировой войны вместе вернулись.

Вместе же их выслали турки из Эрец-Исраэль за слишком бурную сионистскую деятельность. Из Египта, куда они бежали, они вместе уехали в 1915г. в Нью-Йорк. Там в 1917г. Бен-Гурион женился на молодой медсестре из Минска, Поле, тоже очень большой активистке движения "Палей-Цион". Молодая пара была на редкость единомышленной. Поля всегда поддерживала мужа в трудную минуту.

После Декларации Бальфура, о которой Бен-Гурион узнал в Нью-Йорке, он записался в "Еврейский легион", который только-только сформировался в Лондоне. Начиная с августа 1918г., он сражался в британской армии в последние недели выдворения турок с Ближнего Востока.

Как только кончилась война, он снова возглавил рабочее движение в подмандатной Палестине. Он больше не работал в сельском хозяйстве и полностью ушел в политику. Здесь невозможно вдаваться в подробности его обширнейшей деятельности, начинаний, успехов и поражений на политической арене. Ограничимся некоторыми важными моментами.

В 1921г. его выбрали первым секретарем Гистадрута (Всеобщей организации рабочих в Эрец-Исраэль), для которого он очень много сделал за 14 лет своего мандата, превратив

Гистадрут в мощную организацию. После 1948г. Гистадрут стал значительной силой на политической арене Израиля⁴.

В конце двадцатых годов набрало силу ревизионистское движение во главе с Жаботинский. Бен-Гурион добился объединения "Ахдут-гаавода", "Поалей-Цион" и "Гапоэль-гацаир" в единую мощную партию под названием Мапай⁵.

Роль Бен-Гуриона становится все значительней. В 1933г. его выбрали на восемнадцатом сионистском конгрессе членом исполнительного комитета Еврейского агентства, а это значило, что он руководил фактически всей сионистской деятельностью, возглавляя ее вместе с Хаимом Вейцманом, который был президентом Всемирной сионистской организации. Но Вейцман почти все время находился в Лондоне, а Бен-Гурион - в Иерусалиме и Тель-Авиве, что, впрочем, настраивало Бен-Гуриона против Вейцмана. Бен-Гурион постоянно твердил, что настоящие сионисты те, кто выбирают своим местом жительства Эрец-Исраэль.

Представитель сионистов, начиная с переговоров с Англией о плане раздела Палестины и до выхода в мае 1939г. Белой книги, он был уязвлен этой книгой, так как она существенно сокращала иммиграцию евреев в то самое время, когда в Европе нарастала опасность, нависшая над ними.

Когда в сентябре 1939г. вспыхнула война, Бен-Гурион выдвигает лозунг: "Бороться вместе с англичанами против Гитлера, как если бы не было Белой книги, а против Белой книги – как если бы не было Гитлера". Фактически он вплоть до 1945г. сдерживал антибританские действия Эцеля и Лехи.

Весной 1942г. Бен-Гурион поехал в США разъяснить сионистскую позицию. Именно тогда в гостинице Балтимор состоялась важная конференция сионистских представителей США, Англии и Палестины. Бен-Гуриону удалось обнародовать так называемую "Балтиморскую программу", в которой было два важных пункта: 1) желание сионистской организации жить в мире со всеми соседними арабскими странами; 2) Палестина срочно должна стать "единым еврейским государством в рамках нового демократического мира", который безусловно сложится после того, как войну выиграют противники нацизма.

Даже после разгрома Гитлера в конце войны англичане упорно продолжали придерживаться политики Белой книги и препятствовали еврейской иммиграции. Борьба против них в Палестине усилилась. Однажды в субботу 29 июня 1946 года англичане арестовали руководителей Еврейского агентства. Это была "черная суббота". Бен-Гурион, к счастью, был в это время в Европе в поисках оружия для Гаганы.

Его переизбрали на пост председателя исполнительного комитета Еврейского агентства на сионистском конгрессе в декабре 1946г., он получил портфель министра обороны и вернулся в Палестину.

29 ноября 1947г. Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание двух государств на территории британской Палестины, еврейского и арабского. Тут же арабы напали на евреев в разных уголках страны. Так началась Война за независимость, особенно разгоревшаяся после ухода англичан в пятницу 14 мая 1948г.

В ту же пятницу после полудня Бен-Гурион провозгласил возрождение суверенного еврейского государства, которое будет называться государство Израиль. Было сформировано временное правительство, в котором Бен-Гурион стал премьер-министром и министром обороны. Его мандат был подтвержден на первых всеобщих выборах 1949г.

Во время Войны за независимость Бен-Гурион сыграл огромную роль в деле создания единой армии и ее укрепления. Негевская кампания и завоевание Эйлата обязаны умению Бен-Гуриона предвидеть будущее. Освоение Негева как потенциала для развития сельского хозяйства и промышленности Израиля оставалось его главной идеей после 1948г.

Несмотря на огромные финансовые трудности, в молодом государстве было введено бесплатное начальное образование. Школа и армия должны были способствовать созданию

единого народа из многочисленных и совершенно разных элементов. Поэтому Бен-Гурион настаивал на воспитательной роли армии, куда приходит молодежь со всех концов земного шара. "Воссоединить вернувшихся из стран рассеяния" ("Мизуг галуיות")⁶ – одна из основных целей возрождения суверенного Израиля. Бен-Гурион не уставал это повторять, и "Закон о возвращении" был для него не только законодательным актом, но и актом веры в будущее Израиля.

На посту то премьер-министра, то министра обороны Бен-Гурион не раз принимал основополагающие для страны решения. Он умел дать отпор противникам, и его обвиняли в том, что он ведет себя как диктатор. Но политические интриги ему претили. Первый раз в 1953г., второй раз в 1963г. он решил выйти из кнессета и уехать с женой в кибуц Сде-Бокер в его любимом Негеве. Там он принимался за мемуары, за изучение греческой и индусской философии, которыми очень увлекался. Но оба раза его уговорили вернуться на политическое поприще, и он быстро соглашался.

Он всегда действовал вместе с левыми социалистами, но после того, как второй раз вернулся к политике, создал в 1965г. новую партию, которая отошла от Мапая и получила название Рафи⁷. Такие видные деятели как Моше Даян и Шимон Перес присоединились к ней. Однако после Шестидневной войны эта недолго просуществовавшая партия присоединилась к основному социалистическому течению и стала называться "Рабочей партией" ("Мифлегет авода").

Любимый и уважаемый всеми, несмотря на часто спорные позиции, Бен-Гурион ушел из политики в 1970г. окончательно. Ему было 84 года. За два года до того умерла его любимая жена Поля, что его очень подкосило. В оставшиеся ему три года жизни он продолжает писать мемуары в Сде-Бокер. 29 ноября 1973 года, вскоре после войны Судного дня по радио объявили о смерти Бен-Гуриона.

Его называли дружески "старик", присвоили ему прозвище "лев", его любили, с ним спорили, с ним боролись. Но как бы то ни было, Бен-Гурион остается величайшим политическим деятелем XX в. – как Черчилль и де Голль, которых он хорошо знал и которые им восхищались. Государство Израиль ему обязано многим. До 1948г., во время Войны за независимость и в последующие годы тяжесть судьбы Израиля лежала на его плечах. Конечно же, он, как всякий человек, допускал ошибки. Но им всегда руководило врожденное чувство политика, глубокая любовь к еврейскому народу, горячая забота о его независимости на земле предков.

Центральный аэропорт Израиля носит его имя. Практически во всех городах и селениях есть улицы, названные в его честь. В Иерусалиме район, где находятся все министерства, называется "Кирьят Бен-Гурион". На денежных купюрах и на марках есть его портрет. Он, безусловно, самая знаменитая личность во всей современной еврейской истории.

Примечания

1. Плонск (в центре Польши) – тогда под властью России – был маленьким городком, где евреи составлявшие 60 процентов населения и вели интенсивную жизнь в культурном и сионистском отношении.

2. Мошав в Нижней Галилее, основанный в 1899г., привлекал так называемую 2-ю алию (1903-1906) из Польши и России, главным образом, тем, что там была "показательная" ферма, где обучали первопроходцев разводить коров. Ивритское название мошава стало Илания (от слова *илан* – дерево).

3. Это имя имеет свою историю. Так звали в I веке н.э. знатного гражданина, Накдимона Бен-Гуриона, который жил в Иерусалиме до разрушения Второго Храма. Он был известен богатством, знаниями и добрыми делами. В Талмуде его очень восхваляют.

4. Ицхак Бен-Цви (1884-1963) – тоже новое имя. Он был Ицхаком Шимшелевичем, отца звали Цви, и это имя стало фамилией Ицхака ("бен Цви" значит "сын Цви"). Он стал вторым президентом государства Израиль после смерти Хаима Вейцмана в 1952г., был

переизбран на второй срок в 1957г. и на третий – в 1962г. Во многих городах Израиля улицы носят его имя: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Ришон-Леционе, Нетании и т.д.

4. Во многих городах есть улицы под названием "Гистадрут" – в частности, в Иерусалиме, Хайфе, Ашдоде, Беэр-Шеве, Холоне и т.д.

5. Начальные буквы "Мифлегет поалей Эрец-Исраэль" – "Партия рабочих Эрец-Исраэль".

6. Желание собрать в Израиле всех рассеянных по свету евреев было настолько сильным, что почти во всех городах страны есть улицы "Киббуц галуйот", ("Собрание изгнанников"): в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Хедере, Ашдоде, Цфате, Раанане, Бней-Браке и т.д.

7. Первые буквы слов "решимат поалей Исраэль" (букв, "список рабочих Израиля").